

The background of the entire image is a close-up, macro shot of numerous water droplets of various sizes scattered across a light-colored, possibly glass or plastic, surface. The droplets are in sharp focus, showing their rounded, reflective shapes and the way they catch the light. The overall tone is soft and somewhat ethereal, with a mix of light and dark areas created by the droplets and the surface they sit on.

Миша Сланцев

**РОЖЬ
ВО СПАСЕНИЕ**

Миша Сланцев

Рожь во спасение

Издательство «Фэн»

Казань, 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 47

С 47 **Сланцев Миша (Цухлов А.Ю.)** Рожь во спасение. Повесть и рассказы. – Казань: Издательство АН РТ «ФЭН», 2020. – 272 с.

ISBN 978-5-9690-0702-4

«Рожь во спасение» – сборник прозы, написанной в период с 2012 по 2019 годы. В нём отразилась жизнь российской провинции и действующих или бездействующих лиц, прототипами которых стали наши современники, их реальность и инобытие. В книгу вошли рассказы и повесть «Рожь во спасение», навеянная темой домашнего изготовления алкогольных напитков. Между прозаическими произведениями размещены лирические интермедии – стихи Андрея Цухлова, который взял для своей прозы псевдоним «Миша Сланцев». Таким образом, данная книга – это воплощение некоего раздвоения авторской личности на прозаическое и поэтическое составляющие творчества. Надеемся, что это сочетание получилось гармоничным, взаимодополняющим и интересным для читателей.

ISBN 978-5-9690-0702-4

© Цухлов А.Ю., текст, 2020

Все права защищены

«Вещицы» от Сланцева

Вместо предисловия

Когда поэт обращается к прозе, это всегда на пользу музе. Ведь тот, кто вострил свое перо в стихах, знает цену свежим образам, краткости таланта и живым деталям, которые – будто кислород для сотворения новых миров.

Андрей Цухлов – известный ульяновский поэт. Его стихотворения мне нравятся, это правда: в них светятся юмор и мягкая ирония, черты настоящего и милого прошлого. От них хочется жить, их хочется перечитывать.

Но проза? Проза – это другое. Тут другой ритм восприятия, совсем иной подход к писательской работе и, конечно, новая аудитория, новые читатели.

Признаюсь: привыкать к «прозаическому Андрею» мне было сложно. Всё почему-то думалось, что не его это стихия, здесь он не тот, какой-то непривычный. Не случайно, что автор даже сменил себе имя для рассказов и повестей, превратившись в Мишу Сланцева.

Но потом моё мнение изменилось. Почему? Да потому, что сланцевская проза увлекает. Есть в ней то, чего нельзя найти в стихотворениях Цухлова: муза его – поэтическая, с взлохмаченной головой и легкой поступью – вдруг обрядилась совсем в другие одежды. Помятый пиджачишко мелкого чиновника Павла Клочкова из «Кота Батона»; садово-дачный «прикид» обычного горожанина Егора Колобова из «СНТ “Яблонька”»; потёртая сумка почтальонки Лены из «До востребования». Всё это – по-чеховски точные приметы новых героев, обычных людей нашего времени, которые ежедневно катаются на маршрутках на нелюбимую работу, думают о зарплате, ускользают от жён в гаражи, ошибаются так, как ошибаемся мы все – в покупках, в выборе друзей и... судьбы.

Вместе с новой одеждой муза Андрея Цухлова приобрела и другие атрибуты – к примеру, отличный небольшой сатирический хлыст и новую оптику – этакий микро- и микроскоп, превращающий повседневные детальки бытия в фантастические картины, которые позволяют уловить в реальности то, что ускользает от среднего наблюдателя.

Вот, к примеру, рассказ «СНТ Яблонька». Двое приятелей отдыхают на даче и мирно беседуют за «рюмкой чая». О чём? Да обо всём на свете – о том, о чём обычно говорят мужчины: о политике, о детстве, о том, что раньше камни были тверже, а деревья выше. А потом главный герой – Егор Колобов – возвращается домой на стареньком ПАЗике вместе с другими дачниками-пенсионерами. Ну и что? Что тут такого? Да вот только возвращается он совсем в другую реальность и иное время – в страшный мир параллельного Белогорска, родного городка Егора. Из лета – в зиму, из мира людей – во вселенную странных синих созданий с хоботами, которые высасывают из людей молодость и здоровье.

«Сотрудница ЗАГСа выглядела любопытно. Тело вроде было человеческим, а вот лицо... Она словно надела на себя дурацкую маску синего цвета, вместо носа болтался небольшой хобот, глаза были огромные, уши по-заячьи свисали. Складки, морщины, ни одного волоса. Цвет кожи рук и шеи тоже был синим. Огромный рот, как рана от сабли, перекашивал лицо (точнее, инопланетную морду) под углом в 45 градусов. Мясистые губы шлёпали друг об дружку, как два слипающихся блинчика».

Что ожидает читатель после такого описания? Наверное, особого поведения хоботливых созданий, чего-то необычного, инопланетного. Но что это? Что это там говорит инопланетная «сотрудница ЗАГСа»?

«Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным, – синяя с хоботом наискось улыбнулась и, казалось, опоясала ртом всю свою физиологию.

– Прошу ответить вас, невеста.

– Да.

– Прошу ответить вас, жених.

– Да...».

Фантастика, фантастические персонажи почти везде у Сланцева ведут себя именно так: они заостряют, гиперболизируют едва заметные черточки и штрихи обычной реальности. Слишком у нас замылился глаз на повседневность, слишком быстротечна наша жизнь, и ее детальки – ускользают.

«Клочков приехал на работу сегодня раньше всех. И это хорошо. Никто не отчитает за опоздание и притом можно посидеть десять минут в тишине. Именно тишины так не хватало в этом кабинете, не говоря уже о покое. И ладно бы все чем полезным бы здесь занимались, а то ведь бумажки плодят, никак не влияющие на жизнь, на школьников, на их родителей, на учителей...».

Это описание одного рабочего дня из жизни Павла Петровича Клочкова – героя «Дорожной карты кота Батона». Таких обычных дней у каждого из нас – хоть отбавляй. Но как подаёт это автор? Здание Минобра вдруг превращается в арену компьютерной «игры-стрелялки», где начальники – злобные монстры-полубоги, а офисный планктон типа Клочкова – геймер, задача которого – выжить любой ценой.

Образ главного героя параллелится с ещё одним персонажем повести – вальяжно-толстым котом Батоном. Он, как и Павел Петрович, постепенно осознаёт, что так жить дальше нельзя: нужно меняться, надо взлететь, перепрыгнуть через самого себя. Иначе – смерть духовная и душевная, иначе размеренный ритм «дом – работа», «от дивана – к тарелке» задушит и убьёт самое лучшее, бытие протухнет и обесмыслится.

Фантастика есть и в ключевом произведении сборника – повести «Рожь во спасение». Там она предстаёт в форме видения героя Ивана Окрошина – охранника в супермаркете, которому вдруг открылась почти апокалиптическая истина: изменить всё вокруг к лучшему можно через простое увлечение, хобби, через обыкновенное желание сделать хороший продукт – для себя и своих друзей.

В видении Окрошина мир преобразуется через самогонование – сотворение качественного алкогольного напитка, который пусть и чуть-чуть, но приоткрывает заветные глубины русской души и национальной идеи.

Конечно, это еще и сатира, причем сатира умная, зацепляющая в свой круговорот, невероятное самогонное «варево», все важные и актуальные подробности дня сегодняшнего – от плохих, поддельных продуктов из супермаркетов до взаимоотношений России с Китаем и США. Именно в этом особом сланцевском сочетании – макроскопической фантастики и повседневной сатиры – и заключается, на наш взгляд, ключевая черта прозы Андрея Цухлова.

Вообще, сам этот сборник – очень гармоничный, это не солянка из разных текстов, а произведения с похожими героями и стилем. Там везде просвечивает главный образ – homo normalis, человека обычного, не сказать что «маленького», но своего, похожего на меня и на тебя, того, с кем можно пропустить рюмашку, кому можно позвонить в любое время дня и ночи...

Но, конечно, не всё так просто. За ним, за обычным Егором, за мной и тобой, таится и Неегор – подсознательная, тайная, хоботливая часть нашей повседневности и души. С ней не обязательно нужно бороться, но лучше всё-таки знать о ее существовании, контролировать её и изучать. В ином случае настанет день, когда вы сядете в очередную маршрутку или старенький дачный автобус и до своей остановки доедете уже совсем иным человеком – постаревшим, с потускневшим взглядом.

И вопрос, главный вопрос – а зачем мы все здесь, на что это я потратил эти 60-70 лет отпущенного мне срока – обязательно возникнет. И каждому из нас так или иначе придется на него отвечать...

Кто знает – может, цухловско-сланцевские «вещицы» помогут нам в этом?

*Евгений Сафронов, кандидат филологических наук,
член Союза писателей России*

Дорожная карта кота Батона

Глава 1. На подступах к минобру

«Почему-то все ему завидуют...», – думал мелкий госслужащий Клочков Павел Петрович, держась за поручень в маршрутке №56 на пути к ненавистой работе.

Неприметный клерк в региональном министерстве образования. Женский коллектив, состоящий из дам не первой свежести, но исключительной ядовитости. Это увядание было не скрыть ни духами, ни туманами, ни макияжем, ни – о, ужас, на себе не показывай, – уколами гиалуронкой. Это ещё не самое тошнотворное слово, которое Клочков узнал за пять лет работы в гадюшнике, который официально именовался «управлением по надзору и контролю в сфере образования». Часто гадюшник плавно трансформировался в курятник, галдящий, причитающий и охающий. Но самый частый образ места работы Клочкова, который приходил ему на ум, – большущая многоэтажная конура для собак. Увы, Павел Петрович по скромности характера не хотел быть ни укротителем змей, ни петухом, руководителем куриц, ни директором мегаконуры. Но природная робость и боязнь перемен не позволяли ему сменить род деятельности и даже её вид. Поэтому изо дня в день, из года в год он ездил в своё управление, которое непонятно чем управляло, в царство злобной женской энергетики и бесконечных отчётов, сведений, цифири. Вот и сегодня...

«Понятно, почему завидуют, – размышлял Клочков. – Потому что этот жирный котяра только спит и жрёт, жрёт и спит. Ладно в лоток аккуратно ходит, хотя, если вовремя за ним не убрать, может и не в лоток, были прецеденты. Сложно встретить совсем «беспрецедентного» кота, который бы сам ходил в унитаз и пах фиалками. А жрачку ему особую подавай: спецкорм в пакетиках – «с курицей», «с уткой», «с кроликом». Неужели для этих питомцев специально кроликов забивают? Или уток разводят? Что-то не верится. А от нормальной, «человеческой», еды он нос воротит, только специаль-

ную, в гранулах, подавай ему! Это самый вкус, самый смак – точно туда подмешивают что-нибудь, какие-нибудь кошачьи наркотики. Ведь наверняка оборот наркотиков для котов никак не регулируется, а они только мяукают да кайфуют от своего корма. И попробуй не дай ему – будет орать благим кошачьим матом, всю душу вывернет, так что все дела бросишь и поплетёшься в магазин. Сколько только на корм за эти годы денег набежало, то есть убежало, можно было бы за границу съездить... Вот это жизнь! И все умиляются: какой он у вас толстый!».

Ну, да, видимо, в этом смысл существования котяры – быть упитанным. Недаром он с гордостью и даже с превосходством (да что с превосходством, – с презрением к окружающим) носит своё имя, данное четыре года назад женой Павла Петровича Ирой, – Батон. Цветом Батон был чёрен, как южная ночь, поэтому иногда это животное именовалось Батоном Чёрного. Не булгаковский Бегемот, конечно, не сказочный Кот Баюн, тут всё реально, буднично и повседневно, никакого волшебства – кормёжка, сон, кино (наблюдение с подоконника за воробьями, голубями или воронами, в зависимости от жанра законного «фильма»), посещение лотка, громко, чтобы все домочадцы слышали, – и так по кругу. И вот что Ключкова удивляло: по всем признакам, такая жизнь полностью устраивала Батон Батоныча (ясно, что его родители тоже были толстые и не утруждали себя охотой за мышами в подворотнях). Он не рвался на улицу в марте, он не хотел туда в сентябре, его не интересовали кошки вообще. А ведь над ним не совершал надругательства ветеринар. Впрочем, кота не покидал охотничий инстинкт. Он был здоров и прыток. Его всё устраивало, и ему ничего «такого» не хотелось, зов природы проходил мимо его заостренных ушей. И поздно было начинать жизнь новую: дикую, дерзкую и свободную. Безвозвратно прошла пора, когда котенок Батончик думал (или думал, что думал) о том, что впереди будет столько событий, новостей, побед и подвигов, по следам которых менестрели сложат баллады, сценаристы задумают фильмы, поэты засонетятся, затерцинятся, воспевая его батонистость. «Нас и тут неплохо кормят!» – эта цитата из мультика была всегда написана на его наглой чёрной морде, которой все гости Ключковых так восхищались. А дочка Ключковых, восьмилетняя Маринка, курносая и веснушчатая, любила взвешивать Батона. Поставит его на весы и радостно кричит: «Три семьсот! Потолстел на сто граммов!» и давай его опять таскать-тискать.

«Я – как Батон, мне уже ничего не нужно. Я тоже не мечтаю о переменах, о новой работе, о свободе за пределами министерства. Я – цирковая лошадь, которая ходит по кругу за пригоршню овса, и все пялятся на меня, хлопают в ладоши, наездницы тычут в бока шпорами, хлещут плётками, а зрители заплатили, они хотят видеть представление, скучное и никому не нужное, согласно купленным билетам. С детства ненавижу цирк. В нём мучают животных, в нём клоуны со страшными разрисованными рожами, с красными носами, в башмаках карикатурного размера смешат публику, и все хохочут, хотя ни капельки не смешно. Акробаты эти с гимнастками, сильные и гибкие. Ну, сунул ты башку в пасть льва, ну, не откусил он тебе её, проявил милость – дальше что? А то, что твоя голова для того и предназначена, чтобы помещать её время от времени в зловонную оскаленную пасть. И в этом смысл твоего существования – таким вот образом распоряжаться башкой, чтоб зрители смотрели, чтоб «лайки» в Интернете собирать. И зарплату получать, иногда с надбавками и премиальными. А потом за кулисами утираться от упрёков руководителя «труппы» – Максимгеннадича. «Что-то вы сегодня, Павел Петрович, без энтузиазма как-то с львиной пастью работали... Не было у вас в глазах испуга, страха. Привыкать начинаем? Вы уж того, не расхолаживайтесь. А то в свете грядущей оптимизации штатной численности, знаете ли... Или в фокусники переведём, будете кроликов из шляпы доставать. А с ними сложнее, по ним отчётность знаете, какая? Знаете. Или сбегут, или размножатся внепланово. А если тебе, Клочков, нельзя доверить кроликов, то разве может идти речь о распиливании женщины в ящике, о втыкании в неё шпаг? Здесь ответственность на порядок выше». «Честно говоря, иногда я бы распилил бы парочку своих сослуживиц. Да если и воткнуть в них чего, то разве что шпагу». «Эх, Клочков, Клочков, вырабатывай в себе стрессоустойчивость, ты ж бывший педагог, работаешь с бывшими педагогами, а такие мысли допускаешь...».

«А что мне остаётся делать, – только «допускать мысли». Вот если бы по дороге музыку слушать или аудиокнигу, тогда бы и мыслей было бы меньше. А кот, собака такая, опять провод от наушников сгрыз. Как будто не кормят его. Теперь опять покупать новые, одни убытки. Эх, Батон, лежишь сейчас, в ус не дуешь, а мне опять ехать, исполнять служебные обязанности. И все-то твои обязанно-

сти – быть котом, и этого достаточно, чтобы жизнь состоялась. Из интернетовских демотиваторов: «Вот я – кот. А чего добился ты?». А добился я того, что пора выходить из маршрутки №56 и начинать очередной рабочий день».

Клочков приехал на работу сегодня раньше всех. И это хорошо. Никто не отчитает за опоздание, и притом можно посидеть десять минут в тишине. Именно тишины так не хватало в этом кабинете, не говоря уже о покое. И ладно бы все чем полезным бы здесь занимались, а то ведь бумажки плодят, никак не влияющие на жизнь, на школьников, на их родителей, на учителей. Впрочем, нет: жизнь у них усложняется, потому что в ответ на министерские директивы, инициативы и прочие указания учителя после уроков и внеклассной работы должны писать свои отчёты, проводить «мероприятия», реализовывать рекомендованные планы по учебной и воспитательной деятельности в целях развития знаний, умений и навыков. Одна бесполезная работа порождала другую, один начальник отчитывался перед другим, а показатели успеваемости, согласно статистике, из года в год снижались. Чего-чего, а результаты ЕГЭ здесь отслеживались четко.

Восемь минут.

Компьютер ожил, на экране появилась заставка – фото: домик, построенный каким-то чудом на островочке, метров пять квадратных, посередине быстрой речки. Это в Сербии, на реке Дрина. Это как же надо было достать человека, чтобы он соорудил себе такое убежище. Но Клочкову некуда спрятаться, у него не было такого домика. Его домиком были наушники, они изолировали внешний звук, заполняя мозг музыкой, новостями. Но это бесит начальницу управления Фаину Петровну, потому что бывает, что до Павла Петровича тогда не докричаться. Потому что выслушивать женский гомон невозможно, не слушать – тоже нельзя, вдруг что по делу скажут, особенно Фаина Петровна, чтоб её. С ней было всё просто – она постоянно сидела на разных диетах, лишала себя удовольствия съесть то да сё, потом всё же срывалась, набрасывалась на возделенное и была злая – сначала оттого, что отказывалась (от сладостей, мучного, жареного, мяса), потом оттого, что нарушала табу. А виновный в её терзаниях и страданиях быстро нашёлся, потому что он подчинённый. «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать». А ещё потому, что все мужики – козлы, им только стройненьких да моло-

деньких подавай. А Клочков и на козла-то как следует не тянул, разве что на козлёнка, жертвенного такого. Его распекают, а он бекает.

Пять минут.

Это много или мало? Перед началом работы – мало, потому что тают они, как шоколадки во рту Фаины Петровны. Потому что это обречённые минуты.

Четыре минуты.

Клочков представил своё прибытие на работу, как компьютерную игру-стрелялку. Итак, у него пять жизней, разный набор оружия. Задача квеста – пройти все ужасы, убить всех коллег и начальников (зомби и монстров), сдать отчёт, сохранить нервную систему на уровне не ниже критического. Награда – оклад, премия и отпускные.

Три минуты.

Фантазия заработала. Сначала на экране – предыстория, либретто. Показывается мрачное здание советской постройки, серое, безликое, геометричное, над ним в тёмном небе гремит гром и сверкают молнии. На входе табличка: «Министерство образования и науки N-ской области». Звучит загробный голос из фильмов ужасов: «В одном далёком-далёком Управлении издревле жили чудовища, которых рождал сон разума. Всяк входящий сюда терял человеческий облик, становился злобным существом с песьей головой, поедающим других, а потом и себя. Но нашёлся один герой – ну, как герой, геройчик, терпила, который решился выжить в этой обители зла, подстав и унижения, который каждое утро входил в эти врата, проходил все круги, все уровни, все левелы прелестей Министерства образования, и выходил из него потрёпанный, но непобеждённый. И так продолжалось изо дня в день, из года в год, согласно служебному распорядку и должностным инструкциям. Пока не настал этот День. День Отмщения и Гнева...». Enter. Главное действующее лицо – чиновничек в костюмчике. В галстучке. Маленький, как домовёнок Кузя. Так, пять жизней. Из вооружения – служебное удостоверение, портфельчик, в нём – два отчётика, три распоряженьца, десять листиков согласований. Негусто. Легкое вооружение – двадцать «контролек», то есть мелких поручений, за которые надо обязательно отчитаться перед большими монстрами. Из средств защиты – иногда помогают, но слабо – валидол, вальерьянка, носовой платок. Итак, клавиши со стрелочками. Входим.

На вахте ещё не монстр, а так, подмонстерье, – охранник Георгий. И ведь прекрасно Клочкова знает, но всегда удостоверение требует. Иногда чем монстр мельче, тем он противнее, потому что плох тот монстрёнок, который не мечтает вырасти в нечто большое и жуткое. На ему ксиву в нос! Нейтрализован. Скорчил рожу, на турникете загорелся зелёный, дверцы открылись. Вахтёр тут не главный, лучшее, конечно, впереди. Коридор.

Опасность коридора в том, что из разных дверей может в любую секунду высунуться служащий или служащая и ранить тебя убойной и вонючей туалетной водой, режущим взглядом, коварной сплетней. И точно – рожа Таисьи Николаовны из отдела по методическому обеспечению учреждений дошкольного образования, на ней тонна косметики, у неё полнеющее тело и патологическая ворчливость. Против неё применяется ложный комплимент «Доброе утро! Вы сегодня прекрасно выглядите!». Пока этой фразой Таисьи Николаовна парализована, не успевает очухаться и обидеться на слово «сегодня», двигаемся вперёд, контролируя коридоры и экономя боеприпасы. Так, а теперь – монстр-мужик, собственной персоной Самый Главный – Максимгеннадич. С ним ничего не сделаешь, он непобедим, ни одно оружие его не берёт – ни пулемет, ни холера, ни ответственное исполнение поручений. Здесь элемент случайности крайне высок: если он в «нехищном» расположении духа, то не укусит, пройдет мимо, но это ничего, это съест нервно-энергетической силы лишь 5-10%. Но если он злой – то всё, гейм-овер, размажет так, что игру надо будет начинать заново, на следующий день. И самое главное – чтобы столкновение с Максимгеннадичем не окончилось микроинфарктом. Итак, здороваемся и мимо. Минуй нас, как говорится, пуще всех печалей... Прём в рабочий кабинет. Вот тут придётся отбиваться от горгон, ехидн и химер в течение восьми рабочих часов. Продолжаем, заняв оборонительную позицию за столом, спрятавшись за монитором. Появляется нечисть: Фаина Петровна, начальник отдела, увесистая тётя, излучающая массу дурной энергии. Катерина Львовна, ведущий специалист, вечно всем недовольная, в районе сорока пяти лет, норовящая сбросить свои обязанности на коллег, Агния Афанасьевна (Клочков про себя называл её Барто), выходец из учителей младших классов, она относилась ко всем окружающим, кроме начальства, как к неразумным детям, которых надо воспитывать, поучать и контролировать. И Ле-

ночка, безобидное и безропотное существо, вполне симпатичное и достаточно юное, непонятно за какие грехи попавшее в эту жуткую Игру. Будь Клочков раскрепощённое, он, может, и завёл бы интрижку, но боялся зорких любопытных коллег, да и не стоило, наверно, оно того. Засмотревшись на секунду на Леночку, Клочков тут же попадает под перекрестный огонь Фаины Петровны и Катерины Львовны, он корчится в муках и окончательно расстаётся с компьютерной жизнью от контрольного звонка в голову от Максимгеннадича. От Клочкова остаются клочки по закоулочкам, – кровавые отшмётки, галстук, портфельчик, бумажки его отчётов, посвященных контролю в сфере образования, – всё это разбросано по кабинету, его стол – дымящиеся головёшки – уже непригоден для мониторинга педагогической деятельности в отдельно взятом субъекте РФ. Не удалось выжить. В следующий раз, может, больше повезёт.

Две минуты.

Одна.

– Как у нас жарко!

С этими словами, вместо «здрате», вошла Фаина Петровна. Она всегда входила с этими словами. День начался.

И однажды начавшись, этот день не заканчивался. Он был бесконечен – каждую неделю, каждый месяц, каждый год. День Клочкова был колесом, в котором ехала одна и та же маршрутка №56. В ней звучала одна и та же радиостанция со старыми песнями о главном, это было ретро 80-х и 90-х. Эти песни проигрывались вновь и вновь, и завтра они будут, и послезавтра, будут те же лица пассажиров. И, конечно, коллеги по работе, которые служили в управлении со времен палеолита и будут гонять свой чай и обсуждать всё подряд до своей пенсии, после пенсии и даже после ядерной войны, которая вряд ли помешает привычной деятельности регионального министерства образования.

Батон первый, блаженствующий

Государь Котовасии и Верховный Правитель всех котов, кошек и котят, Его Мяучество Батон Восемнадцатый сегодня посвятит свой день важному мероприятию. После церемонии завтрака он взгромоздится на подоконник и начнёт услаждать взор весенними птичками. Воробышки шмыгают по веткам, щебечут и летают так

близко, что, кажется, вот-вот влетят в открытую форточку, из которой веет весной. Батон представил, как он крадётся по земле, прижимая уши, шевеля усами, прячась в молодой травке. Прыжок! И беспечная птичка уже трепыхается в его лапах. Впрочем, губить он её не будет, не царское это дело. Пернатое улетит и будет сегодняшнюю дату считать вторым своим днём рождения.

Хорошо быть котом! Особенно главным среди котов. Обслуга из людей кормит тебя по первому требованию, гладит тебя, убирает за тобой лоток. А ты только ходишь по дому, ловишь восхищенные взгляды, фразы преклонения: «Батончик! Батончик хороший! Толстый!». Не понимаю, почему некоторые людские кошки, их ещё сами люди женщинами называют, жутко комплексуют, если они толстые. Пытаются влезть в одежды, и когда у них это не получается, расстраиваются: «Кошмар, я поправилась на два килограмма!». Где тут кошмар, в чём трагедия? Поправилась же, а не заболела! И для чего эти людские кошки придумывают себе все эти заморочки, все эти одежды?!

Вот я – толстый кот.

И мне хорошо.

Ещё немного полицезрею пташек и вздремну часок-другой. А люди, слышал, ещё на работу ходят, и на этой работе волнуются. Ещё одно глупое человеческое изобретение, кроме одежды, – работа. На ней, говорят, аппетит портится. А главное в жизни – это аппетит.

Я чертовски прекрасен. Я лучший котяра во Вселенной. Умиляйтесь, поглаживайте, восторгайтесь.

Глава 2. Согласно штатному расписанию и служебному распорядку

– Как у нас жарко!

Фаина Петровна явилась с новой причёской, и это сегодня должно стать одним из предметов для обсуждения. Клочков поздоровался и ничего не сказал про причёску. А что тут скажешь? К злобному лицу и противному характеру ни одна причёска не шла, говорить дежурные комплименты не было никакого желания, не канун

Восьмого марта. Да, перед Международным женским днем здешние обитательницы кабинета вдруг вспоминали, что они «слабый пол», наряжались расфуфыренной обычного, были добрее и даже пытались неуклюже кокетничать: «А не нальёт ли наш единственный мужчина дамам шампанского?!». Конечно, нальёт. В этот день он ещё более пресмыкающееся существо, чем обычно. Налъёт, куда он денется. Максимгеннадич централизованно поздравит всех дам министерства – «от лица сильной половины в преддверии светлого весеннего праздника хочется пожелать здоровья, счастья и тепла близких». Всем будут подарены типичные тепличные тюльпанчики, потом все разойдутся по своим отделам, Клочков возьмётся за разливание шампанского, а дамы будут соревноваться в том, чей салатик вкуснее. «А это, Агния Афанасьевна, у вас селёdochка под шубой? С майонезом? Не люблю майонез, он сейчас весь ненатуральный...» – «А это у вас салат с чесноком? – Что вы, никакого чеснока. – Не может быть!». Но чем был прекрасен день Седьмое марта – он был официально коротким, и можно было попасть домой пораньше.

Вот какие мысли навеяла причёска Фаины Петровны.

– Доброе утро, коллеги! – это уже Катерина Львовна, некогда учитель русского языка. Каждое утро она ругает или водителей маршруток, или их пассажиров. То один мужик попадётся пьяный, то от другого плохо пахнет, то молодая девка место уступать не хотела, то рядом женщины громко болтали. «Я ехала-ехала, и всё, моё терпение лопнуло, я говорю им: послушайте, вы не могли бы говорить потише, мне неинтересны подробности вашей личной жизни! А они мне (когда Катерина Львовна голосом изображала другого человека, её интонации становились особенно противными): «Не ваше дело! Не нравится – ездьте на такси!». Я говорю: «Послушайте, это моё дело, на чём ездить, а вам бы следовало научиться грамотно изъясняться. Нет такого слова – «ездьте». А они, хамки, мне, такие: «Мы сейчас тебя пошлём в место, для которого точно слова не придумали, а если уже придумали, то не успели поместить в словарь Ожегова...».

Однако в этот раз надо было сначала отдать словесную дань причёске: «Фаина Петровна, вы прям помолодели! Ну-ка, повернитесь! А где, у какого мастера? Мелирование просто чудо!».

К похвалам и славословию присоединились Агния Афанасьевна и Леночка. Тем самым они избежали замечания от Фаины

Петровны за опоздание на пять минут. Растроганная начальница объявила о начале производственного совещания. Оно состояло из монолога Фаины Петровны и угодливых поддакиваний и кивков остальных обитателей кабинета.

«Итак, рассмотрим наши текущие вопросы. Напоминаю вам, что через неделю – первомайская демонстрация. Явка, сами понимаете, строго обязательна, неявившиеся будут писать объяснительные вплоть до депремирования. Наше министерство пойдёт отдельной колонной, вы, Павел Петрович, как мужчина и в качестве поручения понесёте флаг. Далее. Завтра, напоминаю, ответственное мероприятие – региональный педагогический форум. Регламент уже доступен. Мы все должны быть в числе участников, тем более что губернатор будет вручать почетную грамоту Максимгеннадичу. Потом Максимгеннадич вручит благодарственные письма выдающимся педагогам. Мы все должны активно аплодировать. От вас, Павел Петрович, жду отчета по результатам реализации проекта «Электронный дневник» в среднеспециальных образовательных учреждениях нашей области. Есть сведения, что педагоги проявляют недовольство, якобы им приходится тратить свои выходные и в Интернете заполнять формы по оценкам знаний, умений и навыков. Необходимо развеять такие сомнения и ещё раз подтвердить целесообразность этого проекта. Напомним, что именно наше управление выступило его инициатором, и мы не вправе допустить его дискредитации в глазах вышестоящего руководства. Поэтому, Павел Петрович, саккумулируйте все сведения по заполняемости электронных дневников, стрясите с директоров не только статистику, но и положительные отзывы, организуйте в СМИ кампанию по поддержке электронных дневников. Наша задача – учёт и контроль, формирование актуальных и действенных механизмов мониторинга в сфере образования. Нам за это, напомню, если кто забыл, зарплату платят, аванс, поднимают коэффициенты...

Теперь далее. Из управления региональной политики нам спущена контролька, мы обязаны представить информацию о состоянии нашей профсоюзной организации, о количестве членов, о наличии коллективного договора. Нам настоятельно рекомендуется создать комиссию по анализу деятельности профсоюзной организации, провести анкетирование сотрудников и направить наверх ре-

зультаты. Насколько я понимаю, этим у нас займётся Леночка, Павлу Петровичу, боюсь, не хватит ответственности и терпения.

Леночка покорно кивнула и захлопала ресничками. Павел Петрович тоже кивнул: терпения, правда, может и не хватить.

– Но у нас в профсоюзе на всё министерство членов всего три человека, – заметила Катерина Львовна.

– Катерина Львовна, это никого не интересует. Контролька – это святое. И наша с вами задача – её «закрыть».

«Это вообще смысл нашей жизни», – добавил про себя Павел Петрович.

Клочков машинально блуждал взглядом от окна, за которым пробуждалась весна, набухали почки и резвились воробушки, к несколько излишнему вырезу на костюме Фаины Петровны. «Интересно, – подумал Клочков, – как из юных прелестных бабочек вырастают такие бабы-гусеницы». Он перевёл взгляд на Леночку – вот она и правда хороша, без особой косметики, в строгом костюме, под которым многое угадывалось.

Неожиданно Павел Петрович почти отключился, и у него в голове замелькали слова, и показалось, что они звучат как стихотворение. И было это примерно так:

«На скучном – аж до отчаянья – присутствую совещании. Повестка и ряд вопросов. Ключу сквозь дремоту носом. Регламент: ни влево, ни вправо. Докладчик бормочет вяло. Здесь просьба представить отчёты, внести в протокол чего-то. А за окном-то – веснища! И щебетом воздух насыщен. Коктейль: воробьи и солнце. Всё брызжет, сверкает, смеётся! А что – и у птиц со-вещание, со-клёкот, со-стрекотание. Повестка у них прекрасная: с вопросом единственным – «разное». Они беззаботны, им – весело, у них же – весенняя сессия. Направят воззванье на имя небес голосами своими, чтоб жить было клёво, крылато. К чему им, пернатым, зарплата? И пусть далеко до июня. Они – гомонят, гамаюнят! И мне (снисходительно малость иль снислетально), каюсь, послышалась ли, показалась усмешка: «Эх, ты, homo sapiens!».

– Павел Петрович, я для кого рассказываю? – тоном строгой училки спросила Фаина Петровна и покачала своими сочленениями. – Я два раза повторять не буду. Отчёт должен быть сдан к пятнице. И ещё: в течение двух дней нам надо утвердить и подписать в отделе кадров график отпусков.

При слове «отпуск» у Клочкова заныло сердце. Одна двенадцатая настоящей жизни, совсем не той, служебно-унылой, нервной и унижительной, а светлой, с дальними краями, солнечными странами, перелётами, магазинами дьюти-фри, и даже дачей, где копание в земле – радость, где сбор ягод и фруктов – благо, где пивко вечером и шашлычок – величайшее из наслаждений. Скоро ли? Через три месяца... Целая вечность, можно не дожить. А если не дожить – ради чего все эти мучения? Опытные коллеги говорили, что всё это ради повышенной пенсии. Достойная цель, нечего сказать. Смысл из смыслов. Господи, как страшно, когда отрываешься от бумаг и клавиатуры, и начинаешь думать...

Но думать мешали. Совещание окончилось, открыв шлюзы обычным разговорам внутри отдела.

– Девочки, – обратилась к возрастным коллегам Катерина Львовна. – Оказывается, не нужно считать калории, успевать есть до шести и ограничивать себя. За день, я прочитала, необходимо съедать два стакана сырых или варёных овощей: допустимы все виды листового салата, капусты, зелени и пряных трав, огурцы, кабачки, помидоры, репа, баклажаны, сладкий перец, оливки. Исключение – картофель, кукуруза, зелёный горох...

– А я пока решила вообще отказаться от мяса, – мгновенно поддержала разговор Агния Афанасьевна, – и такое ощущение, что стало как-то легче, самочувствие улучшилось. А я вот читала, что надо обязательно принимать пребиотики и пробиотики.

– Всё это пропаганда и реклама, не надо читать Интернет, – наставительно подключилась Фаина Петровна, оторвавшись от Интернета. – Тут, кстати, пишут, что офисные кондиционеры опасны для здоровья. В них размножаются опасные бактерии, и потом они попадают в воздух, и мы ими дышим.

– Ничего подобного! – взбудоражилась Катерина Львовна. – Их моют специальным раствором, я знаю!

– Чё ты знаешь?! – вскипела в ответ Фаина Петровна. – Всё-то она знает! Говорю тебе – там живут бактерии, которые потом оказываются в лёгких!

– Вы всегда со мной спорите! – то ли оборонялась, то ли нападала Катерина Львовна, – Я знаю, вы думаете, что я и во Франции не была, всё придумала, а я просто не показываю личные фотографии, потому что это – примета плохая, могут взглянуть!

– А я тут последние фото Пугачёвой видела – это безобразие. Потолстела, кожа висит. Как с ней Галкин живёт?! – кинула в костёр перепалки новую тему Агния Афанасьевна.

– Ну прям живёт он с ней! – запричитала Фаина Петровна. – У самого поди тыща любовниц, а с Пугачёвой – так, для телевизора, чтобы люди не забывали.

– А Лариса Долина ничего выглядит, – это уже Катерина Львовна. – Ну, подтяжку, наверно, сделала, золотые нити вставила, на диете сидит кремлёвской, денег-то куры не клюют...

– Зато, говорят, характер у Долиной отвратительный...

– ... А смотрели вчера «Секрет на миллион» с Лерой Кудрявцевой? Оказывается, у Кристины Орбакайте был курортный роман...

– ... Не люблю Леру Кудрявцеву, какая-то она деланная, ненатуральная, вопросы глупые задает...

– Агния Афанасьевна, давайте перестанем худеть. Оказывается, британские ученые нашли связь между потерей веса и развитием слабоумия...

– ... И всё-таки в кондиционере вирусы...

– А вы берёте колготки сколько ден? Из нейлона, шёлка или спандекса?..

– ... Ненавижу маршрутки с утра. Там бывают мужики, от которых пахнет...

– ... А я вчера себе салатик сделала, фасоль, петрушка, оливковое масло свежего отжима. Муж сказал: чё за силос, ешь сама...

– ... А тут, говорят, в отделе по надзору у Татьяны Васильевны Галкиной с сердцем плохо стало. Говорят, прямо в министерство «скорую» вызывали. Говорят, с больничного может не выйти...

– ... Да, с молочкой, конечно, беда. Ни творога, ни сыра, ни молока. Все лекарства подделывают. Вода плохая.

– А у меня, девочки, такие гортензии распустились.

– А я не люблю гортензии!

– И какие у тебя претензии к моей гортензии?

– А я тут такую блузку видела, обалдеть! Такой шифон!

– ... А меня, наверно, сглазили. Как на работу прихожу – голова болит и давление скачет. Надо сейчас померить. Ни у кого таблетки от головы нет?..

– ... Сосед пса завёл, гуляет с ним, без намордника! Я говорю, почему у вас собака без намордника? А вдруг сорвётся с поводка, покусает?! Слюнявая такая, противная...

– ... Эх, сейчас бы торт шоколадный-шоколадный! Или трубочку с заварным кремом!..

– ... А вы были сегодня в женском туалете? Что там за неряхи завелись? Жидкое мыло разбрызгано где попало, бумага на полу... После такого даже в туалет заходить противно, руки помыть. А руки не помоешь – паразиты заведутся, гельминты...

Тема паразитов была традиционная, словообильная и почти ежедневная. Обсуждались не только черви, вши и клещи, ногтевые грибки, но и образные паразиты – правительство (хоть госслужащим ругать его вроде как нельзя), олигархи, богатые «звёзды» шоу-бизнеса. Чехвостили всех – с упоением, ожесточённо, подпитываясь друг другом, словно исполняли некий совместный злобный танец, который нельзя танцевать в одиночку и который можно лишь в одиночку прекратить.

Клочков надел наушники и включил музыку, уйдя в себя и в очередной отчёт. Он, к счастью, не знал, кто такая Лера Кудрявцева, и не хотел участвовать в «кондиционерных конфликтах». Бывало, что на женщин в кабинете нападал зуд чистоты: они вдруг начинали стирать пыль, ругались на уборщицу, приходившую в конце рабочего дня, опрыскивали цветы. В то же время после выпитого кофе невымытые чашки могли лежать целыми днями, привлекая мух. Несмотря на диеты и словесную шепетильность в отношении еды, они часто, чуть ли не каждый день, покупали тортики. Повод для этого искался с лёгкостью слов алкоголика, который оправдывает своё возлияние. Обычно это происходило после склоки, и коллегам Клочкова надо было «заесть стресс». В итоге или шоколадка, или тортик всегда присутствовали. И, конечно, кусочек всегда доставался Клочкову: накормить мужчину – это всё-таки инстинкт такой же древний, как и умение пресмыкаться перед начальником. Павел Петрович ощущал тошноту при одном слове «тортик», его воротило от этих искусственных сладких жиров и кремов, от пальмового масла. Как правило, «тортик» (не «торт»!) подвергался критике, каждая на публику норовила съесть кусочек поменьше, стараясь сохранить фигуру, хотя сохранять её уже не имело смысла. Когда кулинарное изделие безвозвратно пропадало в бездне пищеварительных систем, женщины любили порассуждать о вреде тортов, о том, что они закупоривают сосуды, вызывая риск заболеваний. Далее обычно следовал длинный список заболеваний, далеко не все из которых были связаны с тортиком.

Каждая из четверых коллег по кабинету напоминала Ключкову собаку особой породы. Вот Катерина Львовна – типичный бультерьер. Бойцовский характер, вечно всем недовольная. Она всегда делала короткие, «гладкошерстные» стрижки, не чуралась нецензурных ругательств, была крепка костью и увесиста массой. Её лицо, ну прямо бультерьерское, выражало постоянную готовность ринуться в бой и перегрызть горло врагу. День проходил зря, если Катерина Львовна ни с кем не ругалась. И только перед Максигеннадичем она виляла хвостом и была покладистой. Но было ощущение, что если большой начальник потеряет власть, заболеет – она тут же с ним расправится. Агния Афанасьевна напоминала гончую: высокорослая, худая, с длинными конечностями. Она всю жизнь гналась за убегающими целями: муж, квартира, машина в кредит, карьерный рост на госслужбе, должность за должностью, обязательные поездки за границу, загар под пальмами. Она всегда словно отчитывалась и одновременно хвалилась перед другими «собаками». Но объектов для охоты становилось всё больше, здоровья не прибавлялось, и она гналась, гналась и гналась, задыхаясь, изматываясь, тяжело дыша, высунув язык. И вне этой гонки себя не мыслила, потому что постоянно хотела быть «успешной». Ну, и Фаина Петровна – это, конечно, немецкая овчарка. Вышколенная, безукоризненно исполняющая команды, и не понять по морде, о чём она думает на самом деле. И не приведи Господь чтобы она получила команду «фас!»: тогда у вас нет шансов. Ключков в этой компании чувствовал себя котом, он даже по гороскопу был Котом. Или Кроликом, по другой версии. Ну, каково коту среди собак в большой многоэтажной будке...

И только Леночка, большеглазая и длинноволосая, обычно молчала и не вписывалась в атмосферу тётко-стайла. В мире собак она была бы, пожалуй, английским кокер-спаниелем. Трое женщин её постоянно поучали: не стоит на работе носить столь вызывающую юбку, разводить дома надо такие-то цветы, готовить ужин надо эдак, а за помадой тебе, Леночка, надо идти в такой-то магазин ив-роше-лореаль-этуаль, там скидки 25%. Леночка кивала, соглашалась, но делала всё по-своему, потому что эта свекрово-тёщинская опека ей нафиг была не нужна. Её, молодую красавицу, учили, как надо одеваться. Говорили, что синий шарфик с кремовой блузкой – это тренд и в этом сезоне актуально. Слово «модно» было немодным, неэффективным, употребляли «актуально». Почему актуально – неяс-

но. Но – актуально. На обед Леночка выпархивала из министерства и старалась с коллегами не сидеть. А трехголовая гидра даже в обед оставалась в отделе и не могла промеж собой наболтаться. Клочков тоже на обед выходил прогуляться. На свежем воздухе мозги проветривались, и подобие внутренней гармонии возвращалось. Он успевал пройтись по набережной Волги, посмотреть вдаль на проплывающие теплоходы, на величественный мост. Вот бы наоборот: восемь часов – обед, час – работа.

Вернувшись после перерыва, Клочков обнаружил непривычное молчание. Фаина Петровна, Катерина Львовна и «Барто» загадочно обменивались взглядами. Потом Фаина Петровна подозвала к себе Клочкова и доверительно зашептала (она называла это «шущукаться»):

– Павел Петрович, тут вот какое дело. Вызывает меня к себе Максимгеннадич, даёт поручения, а потом и говорит как бы между делом: «Ну, и сколько вы сегодня калорий сожгли, Фаина Петровна? Может, вам тортик купить, чтобы ваш отдел лучше работал, а не лясы точил?!». Или у нас прослушка стоит, или кто-то информацию сливает. Мы посоветовались и решили, что это, скорее всего, Леночка. Так что, ничего ей не говорите, она коварная и, наверно, подлая. Нам тут ещё работать и работать, стаж до пенсии и так далее. Ей-то что, вертихвостке, завтра, глядишь, в декрет уйдёт.

Так из опекаемого молодого специалиста Леночка, сама того не ведая, стала врагом народа, против которого женщины стали «дружить». Этому они и посвятили вторую половину рабочего дня, оставив в покое мелкого служащего Клочкова Павла Петровича.

Батон второй, рефлексирующий

Прекрасно быть большим котом:

пожрал и поиграл потом.

Тебя все гладят, любят,

по крайней мере, люди.

Быть главное – домашним,

забыть о дне вчерашнем,

о будущем не думать –

мурлыкать да мяукать,

*и быть любимым всеми,
в комфорте, быть в системе,
быть главной частью дома,
а дома – всё знакомо.*

*Всегда обед и ужин.
Раз кормят, значит, нужен.
Сижу я на бюджете,
вполне доволен этим.*

...А я доволен этим?!

Глава 3. Педагогический форум

Многие представители чиновничества и «педагогического общества» прибыли на мероприятие, которое непонятно зачем было устроено почти под конец учебного года. Кто-то судачил, что это из-за пристальных проверок федерального министерства образования. Дескать, было найдено много недочётов и недоработок: показатели успеваемости ниже, чем в прошлом году, повышенный уровень хронических заболеваний, всякие ЧП с избиением детьми друг друга, школьная преступность, особенно в образовательных учреждениях в спальных районах областной столицы и детских домах. Кто-то говорил, что форум проводится в рамках тренда на пропаганду патриотизма среди подрастающего поколения, и учителя должны быть в первых рядах и в едином порыве. Но в рамках, которые заданы федеральной повесткой. Одним словом, подневольный Клочков сидел среди остальной зависимой публики на пленарном заседании педагогического форума во Дворце культуры и периодически аплодировал нижеследующему.

Сначала, до официального открытия «пленарки», на экране демонстрировался видеоряд о достижениях N-ской области во всех отраслях и на всех направлениях. Затем диктор вещал о славных традициях образования, о прекрасном настоящем и о лучезарном будущем. Фильм этот не то чтобы не был правдой, он просто показывал действительность под определённым углом. Впрочем, присутствующие на форуме его особо не смотрели, фон он и есть фон.

Потом состоялось торжественное открытие. Пожалуй, слишком торжественное. Ведущие – он и она – с красными папочками с регламентом, интонациями былых теледикторов объявляли то одно то другое. Прозвучал государственный гимн, потом состоялся вынос флагов главных учебных заведений, затем был исполнен гимн уже N-ской области. Зал то и дело вставал и хлополодашил. Потом вышел совместный хор детей и директоров школ. Они спели что-то вроде: «Ровесницы, ровесники, девчонки и мальчишки, одни поём мы песенки, одни читаем книжки».

На сцену были приглашены первые лица региона, которые сказали речи и долго-долго вручали грамоты отличившимся педагогам, дарили им цветы и некоторых, если те оказывались хорошенькими женщинами, даже приобнимали под нескончаемый перещёлк фотоаппаратов и объективы видеокамер. «Всё не в министерстве сидеть и отчёты строчить», – успокаивал себя Павел Петрович.

Потом слово взял местный министр образования Максимгеннадич. Часть его речи содержала сведения, которые готовил отдел Ключкова, поэтому Павел Петрович с некоторым волнением ждал, как это прозвучит со сцены. Ведь если цифры вдруг неточны и это будет обнаружено Кой-кем Вышестоящим, то влетит так, что мало не покажется.

Но одновременно речь Максимгеннадича вводила в транс и усыпляла. Он, словно гипнотизёр, монотонно капал на подсознание:

– Форум уже давно зарекомендовал себя эффективной площадкой по разработке новых идей и проектов. Из года в год на нём устраивают презентации лучших образовательных практик. Участниками крупных региональных площадок становятся тысячи неравнодушных жителей нашей области, педагогическая и родительская общественность, ассоциации учителей, а также талантливая молодёжь. В этом году форум объединит более трёх тысяч человек. Мероприятия форума направлены на реализацию проекта «Умный регион – умное образование». В рамках форума проводятся как традиционные мероприятия, такие, как единая методическая неделя...

«Как же хочется спать, как же хочется спать», – печалился Ключков, ослабляя галстук от духоты. Он вспомнил, как в четвёртом классе в такую же славную майскую погоду он с друзьями сбегал с последнего урока, и они играли в «чики»: ударяли монеткой в монетку, чтобы та перевернулась. А потом – в футбол, и ворота обознача-

ли двумя портфелями. Ловили ящериц и пугали ими девчонок – вот визгу-то было! Тогда перед теми детьми расстилалась далёкая и глубокая жизнь, с которой можно было сделать всё, что угодно: стать космонавтом, моряком дальнего плавания, альпинистом, шофёром паровоза (да-да, именно так), ракетчиком, хоккеистом Фетисовым. Ну, собственно, все и распорядились своим уникальным и единственным временем, как хотел. Кто-то уехал в Москву, кто-то спился, кто-то ушёл в бизнес. А Клочков, отыграв все свои школьные футбольные матчи, отучился в педагогическом на историческом факультете, попробовал поработать в школе, но долго в ней не продержался, пошёл по чиновничьей линии, пристроился в министерство простым специалистом, да так и застрял там. Лучше, конечно, чем спиться или быть застреленным бандитами, но...

– Мы все прекрасно понимаем, что XXI век меняет требования к профессиональной роли учителя, – продолжал со сцены Максимгеннадич. – На первый план выходят функции организатора учебной деятельности, консультанта, исследователя, руководителя проектов. На первом этапе реализации Стратегии-2030 «Город умной эффективности» в 2015-2018 годах одним из ключевых направлений является качественное образование. Предполагается создание эффективной образовательной среды...

Клочков уже не мог противостоять дремоте. Он не знал, насколько он отключился. Но, похоже, не меньше земной минуты он пребывал в другой реальности. Павел Петрович сидел на вершине горы, блистало солнце, было тепло, несмотря на гигантскую высоту. Было хорошо и спокойно. Клочков давно не дышал таким чистым и лёгким воздухом. Вокруг – горы, горы, и очевидно, что на них живут счастливые люди и звери. У Клочкова в руке бокал с вкуснейшим пивом, рядом – тарелочка с вяленым мясом. Он прихлебывает, смотрит вдаль, зрение его – острый кинжал, он видит, как далеко-далеко мальчишки играют в футбол на школьном дворе, вместо ворот – портфели. И портфели-то, как у Павла Петровича, он в таком теперь документы в министерство носит. И видит: громадный орёл, размах крыльев метра два, несёт в когтях клубок змей. Приземлился рядом с Клочковым, посмотрел на него и давай клювом этих змей долбить! А те шипят что-то, не разобрать, что-то про похудение, жирную пищу, трусы «звёзд» и артериальное давление. «Полетели, Клочков?» – «А получится?» – «Задницу от кресла отор-

ви – получится!»). И впрямь – Павел Петрович сидит в кресле в зале. И таких кресел – целые ряды. «Уже не получится», – обречённо подумал очнувшийся Клочков.

– Образовательная сеть региона включает в себя 227 образовательных организаций, из них: 83 общеобразовательных, 130 дошкольных, 13 дополнительного образования, – продолжал вещать со сцены Максимгеннадич.

«А ведь у орла получается, он парит над этим всем, он прибывает гадин, – подумал Клочков. – Рожденный ползать летать не может. Или может, и уже не хочет?!»).

– Смысл регионального проекта – формирование «педагога будущего», способного стать опорой реализации Национальной технологической инициативы, – заканчивал свою бесконечную речь Максимгеннадич. – Особую важность реализация проекта получает в связи с разработкой министерством образования и науки России в конце июля 2017 года «дорожной карты» по формированию и введению национальной системы учительского роста. Наша задача – войти в число субъектов, участвующих в апробации модели аттестации, основанной на оценке предметных, психолого-педагогических, методических и коммуникативных компетенций учителей с использованием единых федеральных оценочных материалов...

Наконец-то министр закрыл рот и ушёл. Ведущие с красными папками объявили, что слово предоставляется почётному гражданину, народному учителю России, 82-летнему Владимиру Ивановичу Логинову. Для своих лет он был вполне бодр, хотя слегка сутул, ясен умом и самое главное – до сих пор вёл в школе уроки истории.

Начал, продолжил и закончил Владимир Иванович не по регламенту.

– Я прошу организаторов включить свет в зале. Я работаю учителем почти 60 лет и привык смотреть в глаза своим ученикам. Я не могу смотреть в пустой чёрный зал. А то получается, что сегодня не вы, учителя, главные... Меня часто спрашивают: почему вы, Владимир Иванович, так долго работаете? А вы вспомните своё детство. Мы все с вами наблюдали за тем, чем заняты наши родители. Они работали. Кто-то шёл на завод, кто-то – в больницу, кто-то – в школу, кто-то водил транспорт. И мы все уже тогда примерялись, кем мы будем. И я не мыслю себя в состоянии, когда я прекращу работать, это сложно. Это сложно для многих из вас.

Зал внимал Логинову в полной тишине. Живая речь настоящего учителя контрастировала со всем остальным пленарным заседанием. Его авторитет был настолько высок ещё с советских времен, что самое суровое руководство не смело устанавливать ему рамки – что говорить и сколько.

– Есть молодые люди, которые выглядят старше своих лет своим брюзжанием, недовольством, желанием получить всё и сразу. А человеку должно быть интересно жить, он должен быть активен, идти к своей цели, а не безучастно плыть по течению. В жизни нашей страны всегда наступал определенный момент, когда мы должны что-то решительно сказать, что-то защитить. Наши отцы и деды ушли на фронт. И мы помним это поколение, которое сказало себе: надо выстоять, надо выжить. И они сделали это, совершили великую Победу. А ведь одна треть национального богатства нашей страны была уничтожена. И они сказали себе: надо возродить. И возродили. Нашему поколению сказали поднимать целину – мы поехали. Мы создали страну, величайшую в мире. Мощь Советского Союза предотвращала всякую попытку третьей мировой войны. А когда мы были слабыми, беззащитными, – нас пинали как хотели, разбомбили Югославию, разгромили Ливию. Я как учитель истории выполнял решения страны по воспитанию достойного поколения. Я этим горжусь. Сегодня молодёжь имеет к нам претензию: мы развалили Советский Союз. Мы все внутренне переживаем: что случилось с нашей державой? И сегодня встает тот же вопрос: можем ли мы не предать современную Россию?

В зале стали перешёптываться, словно ощущая некую опасность от человека, который ничего не боится и говорит правду. Его нельзя просто так одернуть, прервать. Он не дорожит «крышей» власти. Чего доброго, ляпнет лишнего, и пленарное заседание педагогического форума будет омрачено.

«Какие мощные, но в то же время простые слова, – подумал Ключков. – У нас же педагоги, особенно те, кто педагогами управляет, так выражаются, так наведут тень на плетень, нагородят умных терминов, а смысла-то и нет». Но вот какое дело: «простые и мощные слова» тоже клонили в сон, они перестали воздействовать, и Ключков, похоже, выработал иммунитет к любым вообще словам. Он не откликался на них, как бывалый пасечник уже не реагирует на пчелиные жала. Призывы любить Родину его уже не задевали, даже если исходили они от искренних людей.

Конечно, Логинов чувствовал аудиторию, согнанную на мероприятие добровольно-принудительно. И решил пробить её толстокожесть. И сделал это с отчаянием пчелы, которая жалит человека, защищая свой родной улей, безвозвратно жертвуя собой. Да, будет больно, место укуса распухнет, но пчелиный яд в итоге будет для организма полезен.

– Ещё немного о патриотизме...

Почему-то с вершины той горы, из сна, меньше всего хотелось думать о патриотизме.

– Так вот, о патриотизме, – Логинов сделал неприлично долгую паузу и заговорил вкрадчиво и тихо. Пчела была готова расстаться со своим жалом, но решила уж всадить так всадить. – Мой отец воевал. И вот он как-то рассказывал, когда вернулся с фронта. Зашёл, говорил он, как-то мой отряд в белорусскую деревню, в которой несколько дней хозяйничали немцы. Ищем, рассказывает, избу переночевать. Входим в один дом. Смотрим – сидит на полу старенькая бабушка, а перед ней тело мальчика. Внук. Ему лет пять. Вместо головы – какое-то кровавое месиво. Бабушка молчит, и даже плакать уже не может. И подняться не может. Потом рассказала. Пришли немцы, смотрят – мальчонка. Его спрашивают: «А где есть твой папка?». И он ответил, гордо и громко: «Фашистов бьёт!». Ну, маленький, несмышлёный. Немцы рассвирепели, один взял мальчишку за ноги, раскрутил – и с размаху головой о печку... Тут же нашли его мать, долго насильовали, потом застрелили. Она лежала в сарае. Мы, рассказывал отец, всякого в ту войну повидали, но как было нас пятеро, тёртые мужики, – все плакали. Бабушку мы накормили из своей провизии, в избе прибрались, мальчишку и его маму похоронили тут же, в саду... Как мы после этого давили этих нелюдей! С такой злобой!

Зал потрясённо молчал. Многие не знали, как реагировать. Владимир Иванович словно опять провёл урок, а непутёвые ученики будто что-то осознали важное. Их ужалили туда, где ещё больно.

– И в заключение пару слов о труде современного учителя, – сказал Логинов. – К сожалению, сегодня из учителей делают поставщиков образовательных услуг. Учителя «натаскивают» детей на правильные ответы по ЕГЭ, суживая тем самым кругозор знаний. У учителя голова заполнена отчётностью, бумагами. Особой проблемой стала ничтожная доля учителей-мужчин в школах, которые

увольняются, едва поработав. И кто, позвольте спросить, будет воспитывать детей, если не школа и родители? Ответ очевиден: в лучшем случае – друзья, улица, а скорее – Интернет и телевизор. А в телевизоре в лучшее эфирное время по нескольким федеральным каналам – ор и ругань по поводу того, кто с кем, простите, переспал.

На этих словах раздались аплодисменты, но не аплодисменты одобрения и восхищения, а угодливые начальству хлопки-намёк: хватит, ты вышел за рамки, ты насторожил Первых Лиц, ты портишь торжественное мероприятие. Но у большей части сидящих в зале не нашлось воли для каких бы то ни было рукоплесканий.

И Владимир Иванович с мудрой горечью окинул взглядом публику, склонил седую голову и покинул сцену. Ключкову было неприятно и стыдно, что так уходит Учитель. А ещё он пожалел, что тоже мог бы стать учителем, но в свое время свернул с этой дороги и пошёл не туда.

Батон третий, усомнившийся

Сегодня Его Мяучество взирал на просторы Котовасии не столь безмятежно и бесстрашно. Он наблюдал за картиной весны, взгромоздившись на перила балкона. Его с окружающим миром уже не разделяло оконное стекло, а лишь высота пятого этажа.

И вот что подумал Кот Батон: коварная вещь – оконное стекло. Вроде всё видно, а пройти сквозь него невозможно. А это – уже ограничение свободы Верховного Правителя всех котов, кошек и котят. Давно подозревал, что людишки, существующие только для того, чтобы служить мяукающему сообществу, чтобы холить, лелеять и лайкать усатых-полосатых, что-то задумали и ведут тайную самостоятельную политику. Поступали даже сигналы с мест – я их слышал в открытую форточку – о вопиющих фактах кошачьей бездомности, голода, холода, издевательств. О притеснениях со стороны собак. Якобы многие соотечественники вынуждены ютиться по подвалам, влезать на деревья, добывать себе корм насущный в виде охоты на мышей, поеданием тухлой рыбы. Фу-фу-фу. Мяукающий сосед этажом выше поведал ужасающую автобиографическую историю о том, что его отнесли к садисту-ветеринару, и тот над ним сотворил такое, что не выразить никаким воплем боли и отчаяния. И самое обидное, что этот выскочка тоже считает себя Правителем

Всех Котов, только Мурзиком Пятым. Ну какой из него Правитель? Во-первых, со Сверхкотами так не поступают, и если слуги устраивают бунт и, свергнув, глумятся над тобой, то значит ты, Мурзик (имя вообще ни разу не царское!), недостаточно привлекателен, упитан и влиятелен. Во-вторых, Правитель Котовасии должен быть один, и это, несомненно, я... Или уже сомненно?

От этой мысли он чуть было не потерял равновесие и едва сбалансировал хвостом и толстым задом. Ух, чуть не полетел вниз! А всё из-за этих вредных мыслей, из-за этой подорванной уверенности в своём могуществе и смысле мироздания.

Батон с жадностью и любопытством вдыхал тёплый воздух майского вечера и смотрел, как рядом над берёзой резвились, как маленькие моторчики, жуки. И так захотелось броситься за этими жуками, преодолеть пропасть между балконом и берёзой, попасть раз в жизни за пределы квартиры, замутить с какой-нибудь свободной кошкой, посмотреть, как эти бродяги-бомжи на мышей охотятся. Сожрать что-нибудь, пусть противное, кроме сухого корма из пакетика...

Он этих мыслей и чувств Правитель Котовасии снова чуть не оступился и не упал с пятиэтажной высоты. Когти впились в балконные перила. Боязно. Говорят, коты всегда приземляются на лапы. А как это на самом деле, кто знает... Но что там, в этом забалконном мире? Это здесь ты – царь и котобог, а там кто?! Нет, нас и тут неплохо кормят. Каждый день два раза, а то и три. Есть уверенность в завтрашнем дне, в гарантированном содержании, в социальном, как выражаются слуги-людишки, обеспечении.

Всё, прочь с балкона. Долой соблазны.

Ух, разволновался, сердечко трепыхается, как птичка, хвост трубой.

Спрыгнув с перил, грузно, как мешок с зерном, Кот Батон отправился лежать на любимое кресло. Вскоре он заснул и увидел дивный сон.

Глава 4. Другая дорога

Клочков проснулся необычайно для себя рано – ещё не было четырёх. За окном вполне светло, день в мае – это вам не то что в унылом ноябре. Соловьи сходили с ума, свежая зелень настраивала на хорошее. Он полежал с открытыми глазами. Батон учуял, что Павел Петрович не спит, и вскочил на кровать, чтобы его погладили. Но даже кот был несколько удивлён, обычно его людской опекун цеплялся за сон до последнего, не хотел вставать, разочарованно отключал будильник с видом невольника.

Клочков встал, окончательно взбодрился холодной водой. Не зря русская поговорка гласит: «Утро вечера мудренее». Мысли с рассветом ясные, логичные и легко находимые. А думать было о чём, потому что неожиданно Клочков задал себе вопрос: «Что делать?». Ещё вчера бы он сказал: «Как что? Ехать на работу, мучиться, ждать отпускных или премии». Сегодня утром у него не было ответа на этот вопрос.

Клочков почаёвничал, надел привычный костюм, сдвинул горло галстуком. «Как это было бы символично – повеситься на таком атрибуте официального внешнего вида, галстук. А вот хрен вам, не дождетесь!». Чувствуя прилив сил и смелости, даже безрассудства, Павел Петрович взял свой портфельчик, сел в прихожей, словно перед дальней дорогой.

– Ты чего? – спросила удивлённо жена.

– Сегодня надо пораньше, сегодня надо, ответственный день, – отозвался Клочков и решительно встал.

До министерства он решил дойти пешком, хотя расстояние было немаленьким – три с половиной километра. Но как не хотелось ехать на маршрутке №56, слушать ретро-радио...

По сути, он разучился за эти годы ходить: дома – сиди, на работе – сиди, в транспорте – сиди. Если бы Клочков был изначально рекой, то к сегодняшнему времени он бы заболотился, загнил, стал источать затхлый запах. Когда-то Клочков спокойно и связно изъяснялся, теперь же – слегка заикался, слова будто спотыкались, то и дело появлялись неотвязные «эт самое», «в общем», «типа». В сознании прочно засел язык документооборота. Вместо «Надо прогуляться, весна, погода чудесная» мозг выдавал: «На основании со-

ответствующих, эт самое, погодных условий и типа чрезвычайной задолбанности на работе назрела необходимость покинуть пределы квартиры».

Клочков шёл легкой походкой, дышал весенней новизной и глазел по сторонам. Он поймал себя на том, что и «глазеть» он отвык. Ну, а что: из маршрутки №56 виды всегда одинаковые. Говорят, у человека падает зрение, когда он смотрит на мир без интереса. А если ему вообще и жить неинтересно, то у него, наверно, всё атрофируется. И как потом себя реанимировать?

И Клочков начинал догадываться – как...

У подъезда убирался дворник, Павел Петрович его поприветствовал. Долгожданная листва распустилась, вот-вот зажелтеют звёздочки одуванчиков. Навстречу попадались люди с добрыми лицами – в маршрутке народ был обычно озадаченный, сосредоточенный и угрюмый. А ведь это счастье – просто идти пешком! Кровушка бегаёт, сердце стучит, мысль работает. Клочков сейчас осознал, что ещё несколько лет сидения за компьютером – и он станет горбатым, и это не считая букета приобретённых на нервной почве хронических заболеваний. Тьфу, какие фигуры речи гаденькие – нервная почва, букет заболеваний. Или так: букет заболеваний на нервной почве...

Как полезно смотреть на мир в непривычное время, другими глазами. Может, для одного человека зелёный цвет – это синий, красный – это фиолетовый. А животные видят всё совсем иначе. Дальше, острее, в иных пространственных пропорциях, в особой палитре. Мы же привыкли к одному и тому же, и ничего не знаем про другие миры.

Дорога была желанна, и не требовалось никакой «дорожной карты». Павел Петрович обратил внимание на свежую разметку. Прочитал афишу – сто лет не был в театре и на концертах. А ведь в наш город иногда заглядывают вполне приличные, интересные исполнители. Сто лет не слышал живой музыки. Что он только не делал за эти сто лет...

Мимо прошла улыбчивая девушка, с выкрашенными в ярко-ярко фиолетовый цвет волосами, в которых была брошка в виде цветка. Хорошо. Неторопливо проехала поливальная машина с предостерегающими световыми сигналами, мол, отойди в сторонку, не то окачу! Очень хорошо. Пыль была пририта к дороге. Свежесть – это прекрасно.

Клочков шёл и всё больше убеждался в том, что надо делать.

Павел Петрович добрался до своей работы, и было как раз без пяти девять. Он увидел столь знакомую утреннюю картину: служащие министерства озабоченно спешили, боялись опоздать. Со стороны они выглядели довольно жалко.

Клочков не пошёл сразу на работу. Он захотел опоздать впервые за много лет. Павел Петрович отправился на набережную, где столько раз раздольным видом на Волгу-матушку пытался отвлечься от нервяков и стрессов. Мост, баржи, широкие пространства... Как сладко – что-то прогулять, на что-то, как выражались некоторые друзья, забить болт. Ветер трепал клочковскую шевелюру, как в детстве, и словно приговаривал: «У, прогульщик, учительница поругает, поставит двойку за поведение, тебя отчислят, и будешь вместо аттестата со справкой». Как бы сейчас сгонять в футбол... А не с кем. Кто ещё поставит на траву портфель с документами, кто вынесет мяч? «Бросай, Клочков, портфель, надувай мячик и играй по своим правилам. И не бойся ничего – только смелым покоряются моря», – сказал себе Павел Петрович. Тут он нарушил ещё один запрет из детства – закурил. Специально купил пачку. Сел на лавку – какой всё-таки вид!.. Затянулся. Хорошо. Конечно, ни семья, ни тем более коллеги-женщины курение не одобряли, не одобрял его и сам Клочков. Но сегодня...

Мобильный Павла Петровича взорвался звонком. «Химера» – высветилось на дисплее. «Да, Фаина Петровна?!» – спокойно и насмешливо сказал Клочков.

– Павел Петрович, в чём дело? Вас уже полчаса нет на работе!!! Почему вы не ставите нас в известность?

– Фаина Петровна, сегодня произошло страшное событие. Умерла последняя на планете самка белого носорога. Этого никто не заметил.

– Клочков, вы в своем уме? Вы трезвый? Я буду вынуждена написать докладную Максимгеннадичу!

– Фаина Петровна, у меня всё хорошо. Просто я наконец-то понял, что у нас с вами разные «дорожные карты» и разные реперные точки. Я сейчас подойду и урегулирую наши разногласия, связанные с исполнением служебных обязанностей и психологической совместимостью. Живём-то один раз.

Клочков затаился сигаретой, включил телефон на громкую связь и положил рядом с собой на лавочку. Из трубки доносилась испуганная ругань, угрозы, удивление. Павел Петрович смотрел на свой мобильный, как на большого таракана, – с любопытством и брезгливостью.

Когда Клочков появился на работе, преодолев охранника Георгия, управление по надзору в сфере образования напоминало встревоженный улей. Все уже были в курсе неадекватности Клочкова. Даже Леночка смотрела на него округлившимися глазами: как, мол, в этом червяке, в этом лакее вдруг проснулось мужество и появилось человеческое достоинство? Неужели нашёл новую работу? Или выиграл в лотерею пять миллионов? А может, его взял под защиту Сами Знаете Кто? А может, он решил уехать за границу, и ему теперь всё до лампочки? Никто этого не ожидал от жалкого, нескладного Клочкова.

– Где вы были всё это время? – с ужасом, но гневно спросила его Фаина Петровна.

– В заблуждении, – ответил Павел Петрович и сел писать заявление по собственному.

«Ну, вот я и вылетел с работы. Вы-ле-тел, – думал Клочков, расправляя плечи. – Экипаж лайнера приветствует вас. Температура на борту отличная. За бортом – ещё лучше. Атмосфера позитивная. Пристегните ремни, в полёте может быть турбулентность».

Батон четвертый, улетающий

Двухкомнатная квартира на пятом этаже хрущёвки, обследованная за эти годы вдоль и поперёк, переливалась огнями, словно стартовая площадка. Лапы ступали уверенно, потому что Батон знал, что сейчас он отправится в путь. Он вскоре познает мир, которого никогда не видел, не слышал, не нюхал. Он понял, что дальше так жить нельзя – от кормёжки до кормёжки, от сна до сна. Он выпрыгнет из этого замкнутого круга, из этой клетки повышенной комфортности.

«Почему коты не летают, как птицы? Или как майские жуки. Ежу понятно, что если я сейчас не полечу, то не полечу уже никогда. Вот, ежу и то понятно, но Батон в полной мере осознал это лишь

сейчас. А ведь всё это время он считал себя Правителем Котовасии, полагал, что ему всё кошачье население завидовать должно. А какой же он Правитель, когда он настоящей Котовасии и видеть не видывал? Не был он, конечно, никаким Царем Всея Котовасии, не был обычным котофеем, он четыре года был котофейком. Да простят меня Павел Петрович, Ира и Маринка. Они меня так захолили и залелеяли, что я стал чемоданом на четырех лапках, заплыл жиром, и мне ничего не хочется. А должно хотеться. Вот сидит Павел Петрович, телевизор смотрит, передача про дальние страны. Я же вижу, как бы он с радостью там оказался, как бы в морях купался, как бы по горам карабкался. А он пивка попьёт и спать идёт. Вот так и я: в окошко погляжу – и на боковую. Я даже в нашем дворе никогда не был, никогда».

Батон вскочил на балконные перила, удивительно легко и даже воздушно, и огляделся. Луна блистала призывно и неотвратимо. Звёзды вспыхивали и меркли, словно искры в наэлектризованной шерсти, когда Батона гладили в темноте. И этот майский воздух – воздух дальней дороги и возможности выбирать себе путь.

Батон обернулся. Ничего не подозревающие слуги-люди безмятежно спали, Павел Петрович даже похрапывал, завтра бедняге, наверно, идти опять куда-то, он говорит, что в гадюшник. И вот тут Батон понял, что любил этих людей, и сейчас, скорее всего, видит их в последний раз.

Заиграла музыка из скрипок и колокольчиков. Словья выводили сумасшедшие трели.

Батон взлетел. Оказывается, ничего сложного. Тут главное – сделать первый решающий толчок, а там уже перебирать в воздухе лапами не составляет особого труда. Батон – ну, какой он теперь Батон, он теперь Эфир или что-то в этом роде – плыл по воздуху. Для начала, конечно, сделал кружок вокруг родной пятиэтажки, осмотрел двор, только что распустившиеся деревья, припаркованные машины. Поднялся повыше. А таких-то дворов, оказывается, десятки, сотни! И везде своя жизнь, многообразная и непознанная. Вот люди, говорят, тоже сидят в своей Солнечной системе и носа дальше не высовывают. А выше, а дальше! Леса, поля, реки, моря, океаны... И везде где хочешь приземляйся, живи, лови мышей, если надо, изучай, познавай, ухаживай за кошками, размножайся (давно пора), знакомься с другими котами, учи их язык. Хотя в кошачьем

мире только диалекты, местные говоры, а язык один, поэтому с этим проблем не будет. И только жаль, безумно жаль потраченных в хрущёвке лет, где живет человеческая семья, которая тоже хочет и не умеет летать.

Курс Батона, естественно, регулировался хвостом. Он поднялся так высоко, что из-за горизонта показалось восходящее солнце. Наступал по-настоящему новый день.

Глава заключительная, а может, и нет. «Дорожная карта»

Утром кот Батон не был обнаружен. Понятно, что он сиганул с балкона или не удержал равновесие на перилах и рухнул вниз. Увесистая задница, похоже, пала в неравном бою с земным тяготением. Пятый этаж и высота пугала. Маринка плакала, Ира была в истерике. Павел Петрович потерял источник дохода, сегодня он первый день не идёт на свою ненавистную службу, а тут ещё пропажа кота. Невесело начинался новый этап жизни бывшего чиновника.

Клочков умылся, оделся и вышел на улицу. Если бы он не был озабочен поиском Батона, он бы вдохнул полной грудью и наслаждался поздней весной. Всё буйно цвело, благоухало, было тепло и безоблачно. Сегодня не надо ни перед кем дрожать, заискивать, уворачиваться от укусов коллег, бояться заработать сердечный приступ. Но мешали два обстоятельства: неопределённость и пропавший кот. И, конечно, жена и дочка, которые переживали и за Батона, и за него, отныне официально безработного.

Клочков два раза обошёл дом, говорил «кис-кис-кис», редкие прохожие смотрели на него с любопытством: взрослый дяденька, а ищет какого-то кота. «Ну, расклеим объявления о пропаже на подъездах, животное видное, найдется». Ему опять пришли на ум чиновничьи выражения «дорожная карта» и «реперные точки». В переводе на человеческий язык эти два оборота можно перевести как «куда идти и зачем?». Собственно, это главные вопросы и есть.

И тут в зарослях под балконом раздалось знакомое «мяу». Оказывается, Клочков за эти годы научился отличать Батонский голос от любого другого кошачьего. Кот-летун сидел, спрятавшись

от людских глаз, и жалобно смотрел на Клочкова. Чёрная шерсть в пыли и растрёпана. Батон мяукал и не двигался с места. «Вот ты где, сукин кот!» – обрадовался Клочков, как не радовался никому в последнее время.

Павел Петрович осторожно взял его на руки, Батон мяукнул ещё жалостнее. Видимо, он что-то повредил себе, может, лапу, может внутри чего, это уже только ветеринар определит. Ужас и шок выражали его глаза. Как он тут ночь провёл, одинокий, ушибленный, среди незнакомых людей и собак-дворняг? Это ведь у него первый раз в жизни, первый раз...

Клочков бережно нёс Батона на руках, как новорождённого, и тот сквозь свои кошачьи страдания благодарно смотрел на бывшего чиновника регионального министерства образования. Павел Петрович поднялся на свой пятый этаж, лифтов в хрущёвках не предусмотрено, и позвонил в свою дверь.

Перед тем как жена открыла, Клочков бросил взгляд на усатую морду. Ему показалось, что кот Батон ему подмигнул и улыбнулся.

«Держись, котяра. Мы прорвёмся», – сказал Клочков и переступил порог.

Топот котов

Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло во втором чтении поправки к закону «Об административных правонарушениях», которые предполагают штрафы за «стук», «передвижение мебели», «громкий храп» и «топот котов» по ночам.

Из информационных сообщений октября 2012 года

А что коты – они топочут разве?
Пусть заполняют мир своей движухой,
искрят глазами и поводят ухом,
мяукают воинственно-экстазно.

Куда противней злобный вой сирен,
скулёж и плач, столь слышимые ночью,
истерика и ругань из-за стен.
А тут – коты. Так пусть они топочут!

Не спится депутатам – вот беда.
Ворочаются, может, совесть гложет.
А тут коты. Они ступают так
легко, чуть слышно, мягко, осторожно.

Бывает, дождь крадётся за окном,
шурша по летним тротуарам влажно.
Иль птицы расщербечутся о том
о сём. О чём – не так уж важно.

На пасть, на клюв поди – накинь платок,
угомони звучащую природу!
В намордник поместишь ли всяку морду,
и всяку лапу – в шерстяной носок?

Я б с этой ночью тоже был «на ты»,
по Невскому гулял бы до рассвета.
И мне бы все окрестные коты
передавали тёплые приветы.

Печаль, как и положено, светла...
Я вкупе с согревающим напитком
мурчал бы с видом доброго кота
и излучал чеширскую улыбку.

Коты! Пусть топот ваш звучит,
от вас не ускользнёт ни мышь, ни крыса.
И в благодатной питерской ночи
найдёте вы своих прелестных кисок!

...Ты снова сонный пленник темноты.
Послать бы все дела к чертям собачьим!
Проснись и посмотри на всё иначе.
Прислушайся, как топают коты.

Ворчуны

Они сидели на кухне перед початой бутылкой дорогого виски и являли миру неторопливые высказывания. Они – это служащий департамента по обеспечению чего-то там администрации какого-то российского региона, худощавый и раздражительный Семён Короедов и частный предприниматель, внушительный, чуть склонный к полноте, но тоже раздражительный Николай Сомов. Их приятельские отношения начались ещё со школы и продолжались до сих пор. То ли потому, что жили они по соседству, то ли потому, что находили друг в друге возможность посмотреть хоть в какой-то компании футбол и попить пивка, а может, потому, что их взгляды на мир нередко оказывались схожими.

– Ну, будем, – сказал Коля, разлив на правах хозяина благородный напиток и взявшись за стопку, – два штукаря вискарь как-никак стоит. Это тебе не наша «Кузнечная», палево, с которого башка с утра...

– Будем...

Первая пошла привычно, и даже слова, которые сопровождали её в последний путь были заранее известными, поэтому входили в часть привычного ритуала чокания. Впрочем, иногда «будем» менялось на «ну, давай». Постоянством, кроме слов первого тоста, отличалась и закуска: с какого-то времени было решено, что лучше сопровождать крепкий алкоголь, как выражался Сомов, «лёгкими фруктами». Непонятно, почему именно апельсины были удостоены чести быть постоянной закуской. Возможно, относительная дешевизна была тому причиной, а может, это было когда-то единожды озвучено, а потому так повелось. Из мелких привычек складывались более крупные, словно ручейки вливались в речку. Но итоговая большая привычка заключалась в совместном распитии чего-нибудь крепкого, темы разговора менялись не особо, и так же неизменна была больная голова наутро и досада на потерянное время и потраченные деньги на выпивку.

– Вот я не могу понять, что у нас за страна, – начал раскрывать любимую тему Сомов. – Вот сидим тут, шотландское пьем. Чё на-

ше-то не пить? А не особо разопьёшься. Потому что всё подделка, всё из порошка, молоко – тоже из порошка. Скоро порошок будут делать из порошка...

– А колбаса? – с готовностью подхватил Короедов. – Ты знаешь, что есть колбаса, в которой вообще ни грамма мяса? Лучше вон апельсинчиков взять...

И приятели взяли по дольке апельсинчика, хотя между ними негласно считалось, что просто есть закуску не совсем прилично, как-то по-женски, что ли...

– Я тут как-то бывшей жене говорю: ты на фига помаду за полторы тыщи купила? Взяла бы за двести рублей, всё равно какие-нибудь таджики в Подмоскovie делают....

– Сейчас всё китайцы делают...

– Вот скажи мне, что делаем мы? – повышал градус раздражения и просто градус Николай, наливая по второй.

– Мы с тобой – бухаем, – попытался вяло пошутить Семён, но переломить настроение товарища не получилось.

– Ничё не осталось, всё разграбили, распродали, а телек включишь – эти все пляшут.

– Нечего там смотреть! Сто каналов, а смотреть нечего. Везде Басков с Кирковым да Пугачева с Галкиным. Или, прости господа, Зверев с Моисеевым. Ничего не меняется...

– И на самом «верху» всё то же: полный стабилизец...

Разговоры о политике и об экономике особенно злили и распяляли Сомова. Он-то знал, кому и сколько дать «на лапу», какой процент «отката» определить, чтобы всем заинтересованным сторонам было хорошо, какой товар как скупить и кому втюхать. Уж он-то знал, что если бы все вокруг были честные и принципиальные, то, скорее всего, он бы остался без работы. То, чем он занимался, Сомов называл «работой», хотя в хвалимые им советские времена его наверняка посадили бы за спекуляцию или мошенничество. «А что, вот все говорят – коррупция, коррупция... Да если бы не было этой самой коррупции, у нас всё встало бы! Всё бы парализовало! Коррупция – это смазочный механизм всех отношений! И вообще – нашей жизни!», – любил повторять Сомов. Уж очень эта самооправдательная мысль ему нравилась, а приятель Короедов ему одобрительно поддакивал.

Сомов имел обыкновение неизменно отовариваться в дорогих магазинах фирменной одежды. И вообще он был неравнодушен к известным брендам, испытывал к ним уважение и даже в некотором роде преклонялся перед ними. Уж если смартфон – то самый-пре-самый. А вот на автомобиль, самый «топовый», денег, конечно, не хватало даже при его доходах, и это раздражало. Сомову казалось, что чем вещь дороже, тем она лучше, качественнее, и отступление от этого правила недопустимо. Его любовь к себе сквозила во всём и часто трансформировалась в презрение к большей части этого мира. Может, из-за этого его жена давно ушла, и это Сомова более чем устраивало. Он не любил быть должным. Что до Короедова, то Николай нашёл в нём слушателя.

– Ну что, поглядим на наших балбесов, – сказал Сомов и включил телевизор. Играли сборные России и Андорры. Происходящее на футбольном поле придавало ворчанию приятелей особую энергию. Шла десятая минута первого тайма, а наши действительно теряли мяч в простых ситуациях, постоянно отпинавали его назад защитникам и вратарю. Скучно было даже комментатору. Особенно раздражала реклама, которая хоть на несколько мгновений, но прерывала игру.

– Я хренею, – бурчал Сомов, разливая по третьей, – получают такие бабосы, а мячик до ворот докатить не могут! На «Ягуарах» и «Порше» на тренировки ездят. А у нас в городе люди едва на лекарства зарабатывают. За квартиру заплати, за жарчку заплати, то да сё. Как жить? А эти за миллионы долларов по мячу, б.., попасть не могут!

И Николай назвал вполне конкретно то место, из которого у наших «футболёров» растут ноги.

– И заметь, – вторил приятелю Короедов, – в Андорре – ни одного профессионального футболиста. Бегают по полю почтальоны, пожарные...

Тем временем то ли почтальон, то ли пожарный поразил российские ворота: мяч, пометавшись в штрафной, отскочил в сетку от нашего же игрока. Страшное трехэтажное двухголосое ругательство сотрясло комнату.

– А знаешь, почему?! Потому что у нас всё так...

Эти слова прозвучали как тост. Содержимое рюмок резко переместилось во внутренние миры приятелей, сделав их ещё теплее и безысходнее.

– И заметь: страна ничего не производит, – Семён смачно заменил «ничего» на более эмоциональный и гораздо менее литературный синоним. – Нефть с газом качаем – бабло оседает в швейцариях, а нам, лошарам, говорят: извините, поджимайте хвосты, затягивайте пояса, держитесь, кризис пришёл...

Сомов смутно почувствовал, что в этой короедовской фразе его записали в «лошары», и поэтому решил сменить тему. После третьей она была тоже вполне традиционной – «о бабах».

– Вот я говорю как-то своей бывшей: чего тебе на 8 Марта подарить? Она: подумай сам, типа прояви, наконец, фантазию и инициативу. Ну, купил ей духи какие-то там. Дорогие! А она обиделась. Надулась. Три дня принципиально со мной не разговаривала, о каких-то там постельных поползновениях и речи не было... А я ей: ну, чё за фигня? В чём дело-то? А она: если я тебе хоть чуточку небезразлична, то сам догадаешься. Короче, ела мне мозг таким макарон неделю. Ела-ела. Я уж извёлся весь, думаю: чего не так? Бухой домой последнее время не приходил, мать её к родне отвёз, на магазины спонсировал... И вот прикинь, чё оказалось, из-за чего эти нервы, обидки, бойкот этот... Тарарам, барабанная дробь, правильный ответ – в студию! Запах духов – не тот. Пахнут они, видите ли, как-то не так. Оказалось, этот аромат, прикинь, СЛИШКОМ СЛАДКИЙ! Эпическая сила! И заявляет: если бы ты был внимательным, если бы тебе было не всё равно, ты бы помнил, что мне нравится другой аромат. Прикинь, Сёма, чё я помнить должен?! Мне больше в свой изнасилованный делами мозг впихнуть нечего. На работе – полная задница: там платежи задерживают, здесь договор срывается, поставщики подводят, а тут – «слишком сладкий». И главное – догадайся про эту хрень сам, нечуткая скотина. А потом ещё удивляются, почему это мы «налево» ходим... Вот потому и ходим. Потому что нельзя не ходить. Потому что надо ходить! Потому что мало радостей в жизни...

После этих «потому что» Сомов встал, чтобы подрезать ещё апельсинов. Настала очередь Короедова жаловаться на женщин.

– Да ладно, Колян, у меня не лучше была ситуация, – отозвался Семён. – Моя тут взялась реалити-шоу смотреть про экстрасенсов. Собираются эти провидцы толпой и угадывают, у кого кто как умер, колдунов из себя строят. Кто самый неколдунский – того изгоняют из проекта. Они любят эту галиматью «проектом» называть

(«галиматъя» тоже была заменена на синоним)... И вот они глаза закатывают, бормочут чего-то. А народ у нас сидит, смотрит... Ну и жена тоже сидит, поглощена этими шарлатанами. А я ей говорю: всё это актеры, для телевизионной картинки, говорю, всё это. Настоящие-то люди со способностями туда не пойдут, не надо им известности. А потом эти участники шоу откроют свои конторки, и туда повалят дуры всякие толпами: где мой суженый?! А там будет сидеть этакая фифа, вся в чёрном, будет смотреть в магический шар, карты переключивать, говорить про венец безбрачия, сглаз, дыру в ауре, энергетическую жопу, а потом заломит цену. Всё деньги... Ну, жена и обиделась. Фиг ли, правда-то раздражает...

– Как хорошо с приятелем вдвоём сидеть и пить простой шотландский виски, – неожиданно процитировал Вертинского Николай.

– И, улыбаясь, вспоминать о том, что с этой дамой вы когда-то были близки, – продолжил Семён и отправил в рот вслед за вискарным глотком апельсиновую дольку.

– Да блин!!! – рванулся к телевизору Сомов, когда мяч попал в штангу андоррских ворот. – Как так?! С такого расстояния? С такой позиции?!

Приятели выпили ещё по одной уже без тоста, не чокаясь, словно ставя крест на всём российском футболе. Тайм окончился, игроки понуро поплелись в раздевалку под раздражительное бухтение тысяч сомовых и короедовых на необъятной одной седьмой части суши.

В перерыве решили покурить. Это было тоже традиционным приятельским ритуалом. Семён вышел на балкон, на свежий воздух, набил трубку, запалил и начал обстоятельно попыхивать. Трубка представлялась более достойным предметом, чем сигарета, табак в отдельных пакетиках казался ароматнее, настоящим, неподдельным, потому что большинство того, что делалось в России и для России, считалось друзьями второсортным, для невзыскательных трудяг и прочих представителей низшего общества. Впрочем, на этот раз Николай не составил Короедову компанию, и «трубка мира» друг другу не передавалась. Сомов остался в комнате тыкать в пульт, дабы узнать последние новости. Ему была нужна новая доза для ворчливого недовольства. Телевизор с задачей постоянных поставок для Сомова негатива справлялся на пять с плюсом. Однажды Семён его спросил: ты чего, мол, новости смотришь, потом бан-

дитов, «ментов», ток-шоу всякие горлопанские, потом – «поющие трусы», юмористов этих тупых, не смешных нисколько. Вятного ответа от Сомова получено не было.

Семён выдохнул табачный дым с каким-то вишнёвым ароматизатором. Он смотрел с высоты четвёртого этажа на проявления срединной осени. Листья то и дело отрывались от веток и пускались в полёт. Иные, везунчики, улетали прочь, другие – опускались на землю, обременённые собственным весом, попадая под колёса машин и не успев толком насладиться хотя бы свободным падением. Видимо, им и на берёзах в лучшее зелёное время было не очень хорошо. Это ведь только на первый взгляд листья все одинаковы. А как приходит пора вянуть да сохнуть, то все по-разному и цвет меняют, и рвут связь с веткой с разной степенью сожаления.

Вон пара прошла, рука в руке – она, конечно, счастливая, прохладно, а волосы развеваются, улыбка кокетливая, юбочка... Он – уже полусчастливый, думает, наверно: уже надоедать всё стало, а что будет, когда она о свадьбе заговорит? Лето прошло, страсть отсалютовала, а что теперь? И вроде ещё хорошо всё, но уже тревожно...

Собака-дворняжка, нелепая, шерсть рыжими клоками, на одну лапу прихрамывает. Чего-то ведь тоже думает своими собачьими мозгами, бегает, пожрать ищет. И работать ей не надо.

К подъезду подкатила белая «семёрка», из неё вышли мужик и его жена средних лет. Из багажника они достали вёдра с яблоками. «Вот уж чего никогда не понимал, так это копанье на даче, – подумал, вдыхая вишнёвый табак, Семён. – Всё же можно в магазине купить. Бесит просто это пенсионерское: ой, а у вас огуречки свои? а много банок закатали? ой, помидорчиков в этом году неурожай!...

То ли табак был действительно в этот раз какой-то особенный, на вечерние философские размышления настраивающий, то ли виски приоткрыл занавес реальности, то ли прохладная осенняя атмосфера поспособствовала, только почему-то вспомнилось на сомовском балконе Семёну одно событие, которое произошло этим летом.

Надо было по служебным надобностям в райцентр попасть. И вот поди ж ты – где-то в глуши, между сёлами, уже немолодая машина сломалась. Кстати, именно после этой ситуации в областной администрации было принято решение обновить парк автомобилей и купить несколько иномарок для нужд мелких чиновников. Не беда, решил тогда Семён, проголосую на дороге, доеду на попутке, время терпит, погода хорошая, успею ещё «согласовать ряд вопросов».

И пошёл...

Дорога вилась до самого горизонта, тёплый ветерок одобрительно похлопывал по щекам, было ясно, если не считать нескольких облачков причудливой формы, июньская зелень радовала уставшие от монитора глаза. Над полем по-хозяйски, неторопливо кружила крупная птица – то ли орёл, то ли беркут, то ли ястреб, Семён в них не разбирался. В общем, что-то выпорхнувшее из герба. Пахло какими-то травами, и чувствовалось, как что-то внутри соскучилось по этому запаху. Идти было легко, и чем дальше, тем охотнее шагалось. Попуток почти не было, а те редкие, что пронеслись на бешеной скорости, были дорогими иномарками, а значит, их водителям было плевать на голосующего Короедова. Был бы кто на грузовой, на стареньком «жигулёнке» – тогда другое дело...

Но непосредственному начальству текущую обстановку обрисовать всё же было надо. Семён достал мобильный и с ужасом обнаружил, что заряд в телефоне иссяк. По закону подлости такие вещи происходят совсем не вовремя. Да, у него был с собой зарядник, Семён его всегда на всякий случай носил в небольшой сумке. Говорят, где ты хранишь зарядное устройство от мобильного, там и твой дом. «Забавненько, – подумал Короедов, – если у меня зарядник постоянно в сумке, значит, и дом мой – сумка. И ношу своё жилище на себе, как улитка». Эта грустно-весёлая мысль на секунду отвлекла от проблемы, но зарядить мобильник было не от чего. Ни от деревьев, ни от солнца, хотя энергии вокруг было предостаточно.

«О, как, – подумалось Короедову, – Если сегодня ты вдруг «инотавелеблинземомент», то бишь вне мобильного доступа, то попадаешь в другой, параллельный мир, пугающий своей свободой, неизвестностью для социума, тебя не отслеживают, не «ведут». И если раньше на самый распространённый «мобильный» вопрос «Ты где?» можно было соврать, то теперь, с развитием видеосвязи, обмануть тотальную, да чего там – тоталитарную, сеть уже не выйдет. А покажи-ка себя? Это на фоне чего ты там? Ты повязан по всем параметрам, ты – человек-точка в системе координат, ты – человек-функция, а так если посмотреть – то и не человек уже, а муха, которая добровольно вляпалась в эту всемирную паутину, и чем сильнее ты дёргаешься, пытаешься вырваться, тем быстрее приползет паук и сожрёт тебя. Это – обратная сторона паутины: да, тебе удобно искать информацию, но и ты – как на ладони. Только вот на чьей ладони?..

Семёну стало тоскливо от того, что без мобилы так дискомфортно, непривычно и даже страшно. С автостопом тоже не везло. Он дошёл до некоего села. «Малые Погребы», – рассмотрел он придорожную табличку. – Ага, значит, где-то есть ещё «Большие Погребы», а может и «Средние», «Верхние», «Нижние», «Русские», «Мордовские». Да, бывают названьица...». И чтобы сгладить гнетущее ощущение безмобилья, Семён начал развлекать себя придумыванием неприличных, нецензурных названий сёл и деревень: Большие Охренищи, Глубокая Задница, Средние Бодуны, Фигасебево и всё в таком роде.

Недалеко от обочины он заприметил небольшую беседку с деревянным крестом. Это оказался обустроенный родник, видимо, источник почитался как святой. Тут же висела эмалированная кружка. Семён, прошедший около двух с половиной километров, только сейчас почувствовал, как хочет пить. Не зря говорят – «живительный глоток»: холодная вода была необычайно вкусной, хотя непонятно, как это может быть, вода она и в Африке вода. Но нет, Семён знал, что в городе «Водоканал» воду берёт прямо из загрязнённой реки, дезинфицирует её, как-то смешивает с хлором, всё это движется по ржавым трубам, и в итоге из крана течёт хоть и вполне себе безопасная водичка, особенно если её профильтровать, однако это уже не то... Вода из родника как-то неведомо преобразила сознание: тревожность словно смыло. Умыв лицо, он ощутил свежесть, не ту рекламную телевизионную «свежесть», он как будто посмотрел вокруг другими глазами. Как та парящая птица над полем, которая всё сверху видит, которая спокойно выбирает свой достойный путь, не бросается опретью вниз за каждым кузнечиком, гусеницей, мышью или за чем там она охотится.

На дороге остановилась женщина лет пятидесяти пяти, по-видимому, местная, в руках у неё были вёдра, она смотрела на Короедова и, не решаясь спуститься к роднику, что-то ждала.

– Сынок, ты пей, я подожду, – сказала она, заметив, что Семён её увидел, и поправила на голове платок.

– А почему надо ждать? Вы проходите, я – всё, – удивлённо отозвался Семён, а сам подумал: «Дело к сороковнику идёт, а для кого-то всё равно ещё «сыннок». Приятно, когда случаются такие «рецидивы молодости».

– Ну как же, чать, у меня вёдры-ти пустые. Примета такая: баба с пустыми вёдрами навстречь – нехорошо, – объяснила местная.

– Да мне как-то поф...ну, в смысле не верю я особо в приметы, ничего страшного, проходите, – сказал Семён.

Женщина подошла и стала набирать воду.

– А ты, я смотрю, нездешний, – сказала она.

– Да вот, по делам здесь, проездом. Точнее – проходом, – скаламбурил Семён, а вы не подкажете, где здесь можно телефон зарядить? Позвонить надо, сказать, что задержусь по форсмажорным обстоятельствам. Машина сломалась, а мне сегодня в райцентр попасть надо. Мне бы только розетку найти.

– Телефон... Да хоть у меня можно, – предложила селянка, – если отселева, то второй дом справа. Вот и зарядишь свой форсмажорный. Чать, лектричества из розетки-ти нам не жалко. Меня Евдокией Григорьевной зовут.

– Семён, – представился Короедов.

– А где ж ты, Семён, трудишься?

– В городе, в администрации. Содействую.

– Кому ж ты содействуешь?

– Содействую я, как это сказать... В общем, содействую деятельности департамента по развитию, – с иронией и даже невольным оттенком паясничания ответил Семён. – Да вы вёдра давайте, помогу поднести...

Евдокия Григорьевна с неохотой рассталась с вёдрами, внимательно посмотрела на Короедова.

– Ну, вот и поглядишь как раз, какое тут у нас развитие... Развивамся, индаль плакать иногда охота. Работать тут людям негде (женщина сделала ударение – «людЯм»), раньше-ти ферма была, я там дояркой раньше, потом всё хозяйство разорили, колхоз разграбили. Мужиков у нас в Погребях нет почти, все на заработки разъехались. Да и с заработков не все возвращаются. Школу недавно закрыли, ребятишков в селе не осталось. Хлеб, продукты в сельпо вот завозют, спасибо. Я вот на пенсию недавно вышла, пенсию получаю. Огород есть, слава Богу. Корову держу. Сейчас у нас в селе скотины не осталось, а я вот держу. Привыкла я к коровам, не могу без них. По хозяйству одно, другое, так и день проходит. А если захвораю, так дочка у меня, Катерина, она лечит. Не врач, а лечит...

«На самом деле жизнь тут жуткая, – подумал Семён, таща вёдра, которые с каждым шагом становились всё тяжелее, – развлекься не-

чем, Интернета наверняка нет, была бы ещё здесь вообще мобильная связь, а то зря вёдра тащу и сам сюда зря тащусь... Топят дровами, их ещё нарубить надо, еда хоть и натуральная, за неё ещё погорбатиться придётся. Сортиры во дворе вонючие, с мухами летом, а зимой в них тоже не кайф. А мы ещё в городе на жизнь жалуемся, ноем. Как говорится, расскажи шахтёру, как ты устал на работе в офисе. Другими словами, расскажи деревенскому, как ты задолбался... Кстати, с этими вёдрами я точно задолбался. Они-то здесь привычные, выносливые, я давно ничего тяжелее ручки не держал. Пальцы всё больше к клавиатуре приучены, чем к лопате...».

Они открыли калитку и вошли в дом. Семён наконец-то поставил воду на пол в сенях (он подумал, что это сени), разулся, прошёлся по холодному полу в комнату, оглядел нехитрую обстановку. Там была настоящая русская печка, и хотя хозяева готовили на электроплите, печь, очевидно, грела дом зимой. Малые Погребы ещё не были осчастливлены газом. Стол, кровать, старая икона в углу. Бедно, но чисто.

– Вона розетка-ти, втыкай, – сказала Евдокия Григорьевна. – А может, молочка пока с хлебцем? У нас тут ещё пекарня работает, пекут хлеб хороший, настоящий.

– Не откажусь, – признался Семён, так как и вправду нагулял изрядный аппетит.

Он включил мобильник в розетку, зарядка пошла, но худшие опасения Короедова подтвердились: сети не было.

«Заповедник какой-то, – подумал Семён, – прошлый век...».

– Кать, у нас гости, – сказала хозяйка.

В комнату въехала молодая привлекательная женщина. Именно въехала – на инвалидной коляске. Если бы не эта коляска, не глубокий взгляд, она вполне могла быть на обложке глянцевого журнала. Но одета она была совсем не гламурно: лёгкий домашний халат, простая коса, тронутое худобой лицо, глаза с зелёным отливом, никакого макияжа. Босые неподвижные ноги.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я – Екатерина, дочь Евдокии Григорьевны.

– Добрый день, – ответил Короедов. – Семён. Очень приятно.

Но «приятно», конечно, не было. Сочетание женской красоты и инвалидной коляски угнетало. Нависло тяжёлое бессловье.

– Вот молочко, попей. Парное, утром доила, – появилась хозяйка. – Садись вон за стол.

Молоко было прохладным, вкусным, хлеб – душистым.

– И мы вот с Катей тоже перекусим, – суетилась Евдокия Григорьевна.

Он подвинула стул к столу, дочь переместилась тоже поближе. Семён посмотрел на её руки – сильные, худые. Было видно, как будет выглядеть Екатерина лет через двадцать-двадцать пять. Семён сразу ощутил быстротечность времени, почувствовал себя убийцей этого времени, безжалостным его транжиром. Чем он занимается, зачем? Ведь через эти двадцать-двадцать пять лет и вспомнить будет нечего. А тут ещё огромные старые часы настенные тикают невыносимо громко. И каждый этот «тик» был словно проявлением включённого счётчика бомбы, которая рано или поздно рванёт, и ни синий провод, ни красный уже не перекусишь, не поможет, остаётся сидеть рядом и обречённо ждать.

– Раньше-ти всё хорошо было. Школу она здесь кончила, в город поехала, в институте училась педагогическом, вернулась опять в деревню, говорит, здесь и работать буду, замуж тут вышла... А пять лет назад Катенька с мужем и дочкой на машине ехали и разбились, – заговорила после «тикающей» паузы Евдокия Григорьевна. – Пьяный мужик из соседнего села на грузовой летел, ну и вот... Серёжа и Леночка – насмерть, а она позвоночник повредила и так вот и осталась. Или уж судьба такая, а может, сглазил кто – не знаю...

– Мама, – Катя страдальчески посмотрела на Евдокию Григорьевну.

– Извините, – выдавил Семён, не зная, что сказать. Любое слово было бы неуместным.

– Ну, вот так и живём, жить-то надо. Ну, местный собес помогает, коляску вот хорошую дали, спасибо. Муж у меня, слава Богу, жив-здоров, сейчас к Петровичу пошёл. Соседи у нас хорошие, тоже ежели чего...

При всей вкусноте хлеба и молока они встали комом в горле. Семейные фото смотрели со стены, там все улыбались.

– Да ты кушай-кушай, сынок, я ещё молочка налью.

Это второе за сегодня «сынок» тронуло Семёна почти до слёз. Будто его, незнакомого случайного человека, приняли в семью, почти усыновили и будто заместили им, Семёном, погибших...

– Была у меня детская коляска, а теперь вот такая, – сказала, глядя в окно, Катерина.

– И что? Ничего нельзя сделать? – спросил Семён.

– Медики сказали, нужно много денег... Очень много... Тогда можно попробовать сделать операцию за границей, в Германии. Тогда есть шанс.

– А ещё у Катеньки после этой беды дар открылся, – сказала Евдокия Григорьевна. – Она стала людям помогать, лечить их. Приходят к ней. А ещё она видит, что с ними будет наперёд. Вона чего оказывается...

Семён опешил. Она? Она – и лечит?

– Да, есть немного такое, – сказала Катя, – так что если интересно, могу посмотреть, что тебя беспокоит. Раз уж попал к нам.

– Почему бы нет, – Семёну стало просто любопытно. «Битый небитого везёт», – вспомнилась ему фраза из сказки про лису и волка.

– Давай-давай, худого не будет, – приободрила Евдокия Григорьевна.

– Раздевайся до пояса и садись на этот стул, – сказала Катя уже уверенным, ровным голосом.

Катерина закрыла глаза и стала водить руками рядом с телом.

– Ну, в общем так: проблема с поджелудочной, печень не совсем в порядке. Поменьше копчёного, солёного, жареного. Со спиртным аккуратней, пореже. Немного смещён один позвонок... А ещё что-то тебя томит, с работой связано. Как будто постоянно какой груз в себе носишь.

– Ну, да, – отозвался Семён, – как не выпивать при таких начальниках...

Катерина стала словно бы собирать то грязное, что невидимо окружало Семёна, быстро шепча, а потом – бросила это незримое в миску с водой. Той самой, с родника. Евдокия Григорьевна сразу взяла эту посудину и вынесла, вылила воду в огород. Закончила шёпот Катерина словами молитвы.

– А ещё попей березовый гриб чагу, есть у нас сушёный, будешь заваривать. Потому что почистить тебе надо организм. Как трубы рано или поздно надо прочищать, так и в человеке.

– Ладно, – сказал Семён, хотя очень сомневался, что будет употреблять внутрь этот нарост на деревьях.

– Могу сказать, что тебя ждёт в ближайшие годы, – сказала Катерина и прикоснулась к его запястью. Ладонь оказалась очень теплой, даже горячей. От неё исходил словно ток. У Семёна слегка закружилась голова, и перед глазами с бешеной скоростью понес-

лись картинки из его жизни. Пока – из прошедшей её части. Вот он, восьмилетний пацан, гоняет в футбол у себя во дворе, обводит одного, второго, падает, получает синяк на коленку, слышит голос матери: «Сё-ма! У-жи-нать!». А вот он сидит за партой, плюется из трубочки бумажными шариками. В него тоже летят такие комочки, всем весело, кроме учительницы. Она ругается, грозит вызвать родителей. Потом – он на черноморском побережье, накануне был шторм, Семён входит в волны по крупному песку, а вокруг – медузы, как сгустки киселя, и касаться их противно. Вдали – прогулочный корабль, море – до горизонта, пахнет кипарисами и шашлыками. Вода солёная, выталкивает из себя. В ладони – ракушка... Ещё воспоминание – старшие классы, школьная дискотека, актовый зал, в колонках ритмуется заводная песня, включается медляк, все сразу жмутся к стенкам, стесняются пригласить девчонок... Ещё из всплеск сознания – он мчит на мотороллере, ему семнадцать, ему хорошо и свободно, он ни о чём не думает, может, разве о том, что в гараже употребит с друзьями чего-нибудь согревающего и они пойдут шататься по вечернему городу в поисках эдакого...

– ...Не надо, я, наверно, не хочу знать, что будет, – сказал Семён и осторожно отвёл свою руку от ладони Катерины.

– Это правильно. Когда не знаешь, – больше шансов это будущее подправить. Поэтому, я хоть теперь твоё знаю, а говорить тебе не буду. Одно тебе скажу – меньше злись, день пришёл – старайся радоваться ему. Вот увидишь – так тебе легче будет.

Семён кивнул и словно вышел из оцепенения.

– У меня телефон уж, наверно, достаточно зарядился, – сказал он и начал прощаться. Катерина улыбнулась ему и помахала рукой.

– Ты там, в администрации-ти своей, скажи, чтобы по нашей улице дорогу сделали. А то как дожди начинаются, никто сюда проехать не может. Ни «скорая», никто. А как захворат кто, не знай, чё и делать. Тут по нашему порядку одне старики живут.

Евдокия Григорьевна протянула Семёну пакетик с сушёным грибом чагой.

– Возьмёшь небольшой кусочек гриба, положишь его в чайник, зальёшь кипятком. Пей как обычный чай, с сахаром, а лучше с мёдом, – напутствовала Короедова Катерина. – И больше ходи пешком. Своими ногами.

– Спасибо вам за всё, – сказал Семён и шагнул за дверь. И чуть не получил по лбу черенком от граблей, на которые наступил. «Очень символично...», – подумал он.

Короедов снова шёл по дороге, в надежде тормознуть попутку. По сторонам располагались домишки, из многих уже ушла жизнь, они заросли крапивой и прочей кустистой зеленью, окна были заколочены. Семён достал из сумки пакетик с древесным грибом. «Прямо как в сказке про Алису, – подумалось Семёну, – откусишь один раз – вырастешь огромным, откусишь с другой – станешь мелким-премелким. Только вот знать бы, с какой стороны откусить. Жаль, что у меня нет какого-нибудь занюханного цветика-семицветика, с одним лепесточком, чтобы Катя снова стала ходить. Да кто я такой, чтобы приказать ей: «Встань и иди!»?.. Нет, надо мыслить реально, надо написать письмо в министерство социальной политики, поднять связи. Есть же какой-нибудь способ собрать деньги на лечение, есть же всякие благотворительные фонды, программы... Надо этим заняться. И вот он уже представил, что с Катей всё хорошо, что она здорова, счастлива, что они становятся близки, что между ними разгорается страсть...

В центре села расположилась полуразрушенная, но величественная церковь с пятью куполами, без крестов. С рыжих кирпичей давно была содрана, как шкура с пойманного зверя, штукатурка, окна и вход зияли пустотой. Очередная жертва борьбы советской власти с Богом. Понятно, что силы были неравными, и церковь, хоть и поруганная, устояла, а вандалы уже давно не значились в списках живых.

Семён ради любопытства залез внутрь. На обшарпанных стенах кое-где сохранились бледные фрески, особенно под куполом. На земле валялись доски, кирпичи, осколки бутылок. Тут он заметил икону Троицы, которую наверняка недавно принесли и прикрепили на стену местные. Рядом была воткнута свеча. Семён достал зажигалку и высек огонь. Свеча, нехотя потрескивая, загорелась. Минута тишины.

И вдруг её взорвал звонок мобильного. Семён аж вздрогнул от неожиданности. Видимо, телефон нашел сеть, и связь установилась.

Номер был незнакомый.

Неизвестно почему, но при горящей свече Семёну говорить по телефону не хотелось.

– Да, – ответил Семён, задув пламя.

Дым от фитилька мгновенно заполнил легкие. Он имел привкус табака с вишней...

– ...Ну, чё, пошли, второй тайм начинается. Хрен знает, отыграются наши футболисты, нет ли.

Голос Сомова звучал из-за спины, хотя поначалу показалось, что как будто из телефона. Короедов стоял на балконе, курительная трубка в его руке дымилась, сумерки медленно и неотвратно наступали...

Семён с тоской и презрением к себе ясно осознал, что никакие «связи» им так и не были подняты и что они никогда подняты уже не будут. Что мысли про «благотворительные фонды и программы» так и останутся немymi, невылупившимися словами. Что «скорая помощь» так и будет застревать в осенней грязи на дороге в Малых Погребах.

– Слышь, Колян, ты это, без обид... Я – домой. Не буду я досматривать. Не на что там особо смотреть, – сказал Семён товарищу.

– Как знаешь, без проблем, – ответил Сомов. – Смотреть там и правда нечего. Только за вискарь вложись, как договаривались... Такие бабосы получают, я прикинул: сто долларов в минуту! А ходят по полю пешком!.. Инвалиды!

Осенний выдержан регламент,
и снег пока не белобрысит.
Сегодня я изрядно занят:
веду реестр опавших листьев.

Они сдаются все в архив,
в который вряд ли кто заглянет.
И ветер-бюрократ охрип.
Осенний выдержан регламент.

Пульсировал в них сок и мёд,
а нынче – пущены на ветер.
Их ждёт земля, потом – сжуёт,
им ничего уже не светит.

Все листья описи подверг.
Декабрь стучится. Да, войдите!
Я просто бесполезный клерк,
и ветер – мой руководитель.

До востребования

Ленка Сумчатая

У неё была вымирающая профессия – почтальон. И жила она в деревне Грибовке, которую местные невесёлые шутники называли Гробовкой, потому что похороны в ней случались гораздо чаще, чем появления на свет. Самих шутников становилось всё меньше, потому и юмор, равно как и все другие признаки человеческого бытия, здесь постепенно таял.

Грибовка не могла оставаться в стороне от того, что в первом десятилетии двадцать первого века люди почти перестали писать друг другу письма, то есть старым способом, ручкой на бумаге, от того, что они перешли от сложных повествований и сочинений к молниеносным и кратким сообщениям, и даже само слово «сообщение» сократилось до трех букв – СМС. Теперь все прилагаемые к бездушно-электронному тексту чувства уместались в нехитрый перечень смайликов, жёлтых рожиц, обозначающих радость, восторг, огорчение и некоторые другие разрешенные производителями электронных устройств эмоции. Появилась возможность видеть собеседника, где бы он ни находился, почти в любом месте Земли.

Об этом нередко задумывалась Лена, коренная, так сказать, грибовчанка. Размышления были примерно такие: «Вот раньше если захотел почитать книгу, живую, бумажную, – идёшь в библиотеку, сидишь в читальном зале, шелестишь страницами, а они пахнут этой самой библиотекой, клеём. Теперь нажал на экран, как сейчас говорят подростки, девайса – и читай, хочешь – слушай, хочешь – видео смотри... А в том-то и дело, что не хочешь. Уж очень доступно всё. Не надо сдавать килограммы макулатуры, чтобы получить «Графа Монте Кристо» или избранное собрание сочинений Достоевского. Чтобы потом с гордостью показывать гостям книжный шкаф, вот, мол, какие книги достал. Еда всегда вкуснее, если голодный, неизбалованный. И с письмами – так же. Лист бумаги, неповторимый почерк человека, который для тебя важен, почтовый ящик, потёртый, железный, который открывается с таким скрипом, и почтальон, живой, настоящий, вроде меня, у которого в сумке письма, письма, среди которых есть, может, самое важное... Сегодня

в почтовых ящиках – пустота. Их содержимое перекачевало в другой, виртуальный, мир. А они, ящики, ещё остались, скрипят, как старики, ворчат и вспоминают, какие письма, какие газеты и журналы попадали в их всегда теперь незаполненное брюхо».

В Грибовке и окрестностях её звали по-разному: Ленка-почтальонша, Леночка-почтальон, в зависимости от того, как к ней относились жители и какие послания она им приносила. А ещё некоторые за глаза называли её Сумчатой – из-за привычки носить довольно внушительную сумку на животе. Вот уже семь лет она работала на почте и таскала эту сумку из кожзаменителя, и даже под её грузом приобрела чуть заметную сутулость. И когда ей подруга-ровесница Наташа, двадцатидевятилетняя продавщица из местного сельмага, говорила: «Ну, чего ты за эти копейки горбатишься?» – то смысл получался и прямой, и переносный. И чтобы совсем отточить образ, Наташа добавляла: «Вот ради чего? На Доску почёта тебя не повесят, премию не дадут. А наградят тя, Ленок, орденом Сутулова!». «Надо же кому-то почту носить, – отвечала обычно Лена. – Да и куда я пойду с двумя детьми?». И действительно: в селе вариантов больше не было, уехать в город – невозможно, детей оставить нельзя, да и боязно было той городской жизни. И чем дальше, тем боязней.

Да и некогда было думать Лене о карьерных прорывах, благосостоянии, революциях в личной жизни или манне небесной. Вставать приходилось рано, собирать младшего Женьку в детский сад (в Грибовке было дошкольное учреждение, куда приводили аж восемь детей). Бывать он там ох как не любил, потому что воспитательница, толстая тетя Фрося, всё время говорила: «Смотрите, не обкайтесь у меня!». И там кормили противным омлетом и тошнотворным молоком с пенками. Несъеденное громогласно подвергалось обещанию «вылить всё это за шиворот». Поэтому сонный Женька хныкал, гундосил, распускал сопли, не мог попасть рукой в рукав рубашонки.

Старшая Анька, второклассница, просыпалась сама под пение недорезанных петухов, тоже нехотя одевалась, заглядывала в приготовленную с вечера школьную сумку. Ей опаздывать было нельзя: учиться приходилось в соседнем селе Петровском, более крупном, где базировалась администрация поселения. В Петровское свозили ребят из окрестных деревень, грибовская школа была закрыта об-

ластным начальством «в рамках оптимизации общеобразовательной сети и в целях повышения качества общего образования». Некоторые учителя из Грибовки вместе с детьми ездили в Петровское на одном микроавтобусе. Поначалу Лена боялась отпускать дочь, да деваться было некуда.

Хорошо, что с ними вместе жила мама Лены, Полина Ивановна, её в селе все звали «тётя Поля», она помогала: и детей накормить, и в садик отвести младшего, хотя у самой суставы болели и давление скакало так, что иногда даже сознание терялось. Понятно, что денег ни на что не хватало, ни пенсии тёти Поли, ни зарплаты почтальонской. Кто же будет хорошо платить, если профессия вымирающая...

Ну, а с мужем своим Лена никогда особо счастлива не была, разве что до свадьбы, когда с таким томлением ждала ночи, чтобы ускользнуть из дома и шататься с Сашкой по окрестностям, наслаждаться всяческими запретными плодами. Это была свежая, гибкая, безбашенная молодость, дурманящая пахучей новизной, безбрежностью будущего. Но, как это бывает, расплескать её получилось быстро. Саша затосковал, стал всё больше и больше пить. Остатки бывшего колхоза окончательно растащили, работы в селе не было. Его это злило, особенно когда на свет появилась Анечка. Ссоры, скандалы, упрёки. Однажды Саша чуть не умер от палёного спирта, который распили с мужиками.

Едва спасшись от объятий того света, Саша, будучи не на шутку напуган, решил завязать, месяц ходил мрачный и трезвый. Но делать всё равно было нечего. Или не совсем так: дел было выше крыши, в деревне-то только поспевай, только заработать было невозможно. Вот и решил он податься вахтовым методом в Ханты-Мансийск, в «нефтянку», как уже сделали несколько молодых грибовских мужиков. Правда, вот что его сдерживало: жёны «вахтовиков» стали погуливать, не всецело посвящая себя ожиданию своих благоверных.

Конечно, благоверность уехавших тоже была сомнительна. Поэтому тут уж было так: куда ни кинь – везде клин: здесь в нищете жить невыносимо, всем вместе уехать нельзя. И с долгими рабочими командировками семьи распались естественным образом. Так произошло и с мужем Лены: поначалу он привез неслыханную сумму, но она вскоре растаяла – на детей, на одежду, на новый мобильный телефон, хотя сотовый сигнал в селе был неважнецкий.

Второй раз полярная северная ночь проглотила Сашу и переварила. Он попросту исчез. Оставил ей только свою фамилию «Касатонов» – и исчез. И вот уже полтора года от него не было ни слуху ни духу.

Поговаривали, что он завёл себе богатую женщину и уехал с ней в другой город, а то и за границу. Наташа, забегавшая нередко к подруге поболтать, высказывала версию, что он там спился и бомжует. Заявление в полицию (которую здесь по старой привычке упорно продолжали называть милицией) о пропаже человека не сработало. Как говорят, план «Перехват» результатов не дал. А жизнь шла своим чередом, шла мимо, кого подбадривая, а кого и втоптывая в землю.

Вот и осталась Лена ни вдова, ни жена, и вроде как несвободная. Всё реже дети спрашивали: «Мам, а когда папка придет?». Всё меньше находилось в потоке мыслей места для уехавшего на Север человека. И рванула бы на поиски, как жена декабриста, по его следам, да как детей на шее у бабушки оставишь? Случится что – и как дальше? И вот уж полтора года ни одного мужика к себе близко не подпускала: и страшно, и стыдно, и надежда на возвращение крохотная оставалась, хотя порой Лена думала, что уж и не надо никакого возвращения, ничего из этого хорошего не выйдет. Нечто подобное двенадцать лет назад произошло и с её отцом: он просто переехал в другой район без объяснения причин. Некоторые умники назвали бы это кармой.

Место работы Лены, точнее, её эпицентр, находилось в Петровском. Там, в местном отделении «Почты России», она каждое утро получала корреспонденцию, чтобы разнести по селу (с недавних пор оно официально стало именоваться «Петровское сельское поселение») и окрестным деревенькам. Своей машины у почтового отделения в Петровском не было. Если везло, то везло, местные попутки обычно Сумчатую не обижали.

Пройдя адреса по Петровскому, Лена шла за три, четыре, шесть километров: в деревню Избенки, где доживали свой век одиннадцать бабушек, приходилось ковылять через лес в Марьино. Рассказывали, что на этой дороге можно встретить волков, которые в последнее время расплодились и нападали на овец и телят. А ещё болтали, что именно на Марьинской просеке ночью видели свинью с человеческими глазами. И будто мальчишки из Петровского загнали её, изловили и отрезали ухо. На следующий день вроде у старой бабы Вали

Терёхиной было ухо платком замотано. Про неё же ходили слухи, что она в сарае с бесами водилась, раздевалась, кувыркалась через двенадцать ножей и обращалась в свинью.

Но Лена, хоть и пугалась таких рассказов, знала, что всё это чушь, что баба Валя при жизни была добрая старушка, которая страдала потерей памяти и была в последнее время совсем глухая. Лена помнила, как носила ей пенсию, как она всё порывалась угостить Лену «чаёчком». Одинокая-преодинокая, потерявшая молоденького мужа в конце войны. Лена шугала мальчишек, которые залезали к ней в сад поживиться яблоками, сидела и слушала её воспоминания, всю её «бывалошную жизнь». «Добрые» у нас люди, любят за глаза говорить. Надо же, двенадцать ножей...». Впрочем, неволью Лена, сидя за чаёчком, искала глазами ножи, смотрела на повязанный платок и потом ей становилось стыдно за эти мысли.

Нет, людей Лена боялась больше, чем волков и оборотней. В прошлом году на дороге в Грибовку к ней пристали незнакомые пьяные подростки и отобрали сумку. Там была пенсия трех грибовских бабушек, они её забрали. Сумку вернули, полоснув по ней ножом; до сих пор эта рана у сумки не может зажить, и очевидно, никогда не заживёт. Тогда Лену будто парализовало, она боялась, что её пырнут, что её будут домогаться. Но юных налётчиков интересовали больше деньги на выпивку. Потом Лена очень переживала, что не вступилась за эти пенсии, что не закричала, не позвала на помощь.

А ещё она до дрожи боялась свою начальницу, которая руководила почтовым отделением в Петровском. Это была классическая стерва, безмужняя, высокомерная Ольга Вениаминовна, которая не разговаривала с людьми, а отчитывала их. Она носила один и тот же синий костюм, строгую длинную юбку, зато причёска всегда отличалась жутким разнообразием: то она накручивала себе какие-то воланы, то сооружала на голове почти египетские пирамиды, то перекрашивалась в разные цвета. «Петровское отделение! – говорила она в трубку со смесью официальности и презрения. – Выражайтесь яснее, по существу! Женщина, ничем не могу вам помочь! Вы что, меня не слышите? Я русским языком говорю: ничем, слышите, ничем не могу вам помочь!».

Как она орала после того случая с подростками! Грозилась уволить, называла безответственной, безалаберной, и так в несколько заходов за полчаса, как рыба-пила. В итоге Вениаминовна заставила

написать Лену объяснительную, а бухгалтерии поручила удержать сумму утраченных пенсий из её зарплаты. И хотя деньги были в общем небольшие, но двухмесячный заработок Лены накрылся медным тазом. Вечером со слезами обиды и стыда она просила в долг у Наташи.

– Гнида эта твоя Вениаминовна, – говорила Наташа. – Одолжу, конечно, о чём говорить. Отдашь, как сможешь. У самой твоей начальницы ни детей ни плетей, вот и злая как собака. Нашла кого обижать, Ленка моего!

Она обняла растерянную и благодарную подругу и предложила: «А давай на неё порчу наведём! Я это быстро! Поговорю кой с кем, и все её крашенные волосья повывадывают! Глядишь, и собьём спесь с неё!».

– Что ты! – запротестовала Лена. – Как это можно! Она же несчастная женщина, если разобратся...

– Себя бы пожалела! – возмущалась Наташа. – Ты, я смотрю, у нас больно счастливица! Ну, ладно, но смотри: ещё она тебя так обидит раз, устрою я ей танцы с саблями... А своему скажу, чтобы тебя до Петровского на машине подбрасывал, старайся туда больше ногами не пехать...

Всё же Наташа – молоток. Прямо не подруга, а круг спасательный.

– Надо тебе, мать, газовый баллончик раздобыть. Пшик – в харю, и всё! – продолжала она рассуждать.

– Ну, куда мне, Наташ, я ещё с перепугу в себя прысну. Ну, в одного попаду, а другие? И куда я потом от них с сумкой сбегу?! «С толстой сумкой на ремне». Да и не смогу я человеку в лицо, в глаза...

– Человеку! В лицо! – передразнивала её подруга. – Кабы человек был с лицом, а то гадёныши тупые, так и придушила бы вот этими руками! Поколение пепси...

Наташа показывала свои руки, сильные, нешуточные. Эти руки не раз отвечивали «по щам» мужу-выпивохе, плюгавенькому типчику абсолютно недеревенской внешности. Как и почему они до сих пор жили вместе – это была одна из загадок мироздания. Может, потому что она продавала в сельмаге продукты, а он их туда привозил из райцентра на узике, тоже «бывалошном» и глухом, как баба Валя. То есть всегда глех, и достучаться до него – надо было постараться.

Рядовой Парамонов

Стояло солнечное Вербное воскресенье, Лена накануне срезала несколько веточек, которые теперь пушистились на столе в вазочке. В приоткрытое окно врвался воробьиный гомон, и эти незатейливые птички, казалось бы, серые, сегодня трубили, ликовали, шумели, словно единственный раз им позволили расслабиться, покричать, вволю наворобиться, прервать свой предначертанный жизненный путь праздничным воплем, который, конечно, мало кто заметит, никто не оценит, но это неважно, неважно, потому что этот крик – самое главное из того, что останется от этих птах. А солнце? Оно впервые за год лизнуло своей атомной энергией землю, и там, под коркой ошпаренного снега, очнулась трава, взбодрилась почва и тоже впервые задумалась, какому растению дать ход, а какое придушить как бесполезный сорняк.

Домашних дел за неделю накопилась уйма: надо было начинать вскапывать огород, натопить баню, постирать бельё, приготовить с Аней уроки на завтра. Полина Ивановна, склоняясь над швейной машинкой, пыталась прострочить шов, несмотря на дрожащие руки. Женька ползал по полу и, перевоплощая в своём воображении кусок деревяшки в машину, сосредоточенно двигал её по невидимой дорожке и пускал слюни.

Лена вышла за водой до ближайшей колонки. Захлопнув калитку, она с удивлением заметила листок бумаги, выглядывающий из почтового ящика. «Это что же, почтальон здесь я, а тут какое-то послание – мне». Лена поставила вёдра на землю, с легким скрипом открыла рот металлического ящика и достала письмо. Её удивление росло стремительно: это был старый конверт аж времён «Почты СССР», 1980 года с портретом полковника Александра Суворова. На нём выцветшими чернилами были выведены индекс Грибовки и адрес Лены: «Заречная, 28», но никакого штампа, оттиска или печати, которые позволили бы определить почтовое отделение, не было. А в графе «Индекс предприятия связи и адрес отправителя» значилось: «В/ч 1941, Николай Парамонов, до востребования».

«Кто такой Николай Парамонов? Почему мне? Что за конверт, который лет 25 как не используется для почтовых сообщений?». Пальцы почувствовали, что внутри конверт не пустой. Лена посмотрела сквозь него на солнце, но толком ничего разглядеть не смогла. Охваченная любопытством и удивлением, она сходила за водой и,

скрываясь от детей и матери, оторвала краешек конверта и извлекла оттуда листок бумаги, сложенный вчетверо, который на вид был ещё более древний, чем конверт. Он словно вырван из какой-то забытой тетради в линейку, с грязными разводами и пятнами. Ощущение, что это письмо из школьного музея. Почерк – рваный, поваленный вправо, словно старый деревянный забор. Стала читать:

«Здравствуй, Лена.

Меня зовут Николай. Мне так и видится твое лицо, видишься ты, не понимающая, что это за письмо. Очень прошу, не выбрасывай его сразу, дочитай до конца. Я долго, очень долго, боялся тебе написать, потому что всегда был нерешительным, но мне уже терять нечего. Там, где я нахожусь, очень скучно, да и родственников у меня нет, потому что я детдомовский, хотя родом, как и ты, из Грибовки. Просто мне бы очень хотелось, давно хотелось, чтобы кто-то знал, что я, скажем так, существую. Писал мне письма. Вспоминал обо мне. Иногда я представляю, почти вижу, как ты возишься с детьми, идёшь на работу со своей сумкой, нетребовательная, одинокая, беззащитная, мне хочется сделать для тебя что-то хорошее...».

Лена испуганно осмотрелась по сторонам, хотя ничего нового вокруг не произошло. В глазах помутилось, по спине побежали мурашки. Сердце билось, словно строчил пулемёт. Это просто какой-то бред. Она глубоко вдохнула и вновь впилась взглядом в покосившийся забор почерка...

«Я очень далеко. Вряд ли мы встретимся по-настоящему, ну, точно ещё долго не встретимся, поэтому ты можешь быть спокойна. Я вот чего осмелюсь тебя попросить, да, это странная просьба, да, я понимаю, что, скорее всего, ты мне откажешь. Но всё равно: я тебя прошу иногда писать мне. Немного, пусть несколько строчек, можно нечасто, хоть раз в год, но даже от этого мне будет радостнее. Письма опускай в свой почтовый ящик на калитке. Прости за то, что потревожил. Если нет, не обижусь, значит, так тому и быть. С поклонном и надеждой на ответ, рядовой Николай Парамонов».

Лена сложила листок в конверт и спрятала в карман. Занеся вёдра в дом, она спросила:

– Мам, не видала, к нашему почтовому ящику никто не подходил, никакие бумаги в него не кидал?

– Что ты, Леночка, – откликнулась Полина Ивановна, – кто ж в него чего положит? Ты ж у нас почту разносишь по ящикам, аль нет?

– Ну да, ну да, – растерянно бормотала Лена, глядя на Женьку, который, раздобыв какую-то палку, прицеливался и стрелял из неё, будто из винтовки: пш-пш!

Она села на диван, с минуту помолчала и снова спросила:

– Мам, а у нас в Грибовке Парамоновы никогда не жили?

– Парамоновы? Не знай, дочка, не было у нас никогда таких... Вроде в Марьино жили раньше давно, шас-то нет... У нас точно не было. Да ты сама лучше меня все фамилии знаешь, списки там у вас на почте есть... А чёй-то ты какие вопросы задаёшь, за водой она сходила. Может, тебе там голову напекло?

– Да я так просто. Просто так, – забормотала Лена. – Спущусь в погреб за картошкой!.. Просто так.

Она спрятала странное письмо на дно своей сумки и спустилась в погреб. «Ничего не понимаю, – думала Лена. – Выглядит всё как розыгрыш, сейчас же можно всё подделать, бумагу обработать, типа под старину стилизовать. Но кому это надо, зачем? Первое апреля прошло. Кому-то романтики захотелось, слова такие...». Она выбралась в комнату с пакетом картошки и услышала голос матери:

– А вроде был перед войной, говорят, у нас какой-то Парамонов, сирота. Родителей то ли раскулачили, то ли умерли они. И вроде он пришёл после детского приюта в колхоз работать на трактор. А как война началась – так на фронт ушёл со всеми мужиками, молоденький совсем.

– И что? – спросила Лена и почувствовала, что у неё холодеют руки.

– И, говорят, сгинул там, пропал без вести.

– А звали его как?

– Ой, не помню, дочка, может, Михаил, а может, Николай, не помню. А чтой-то вдруг про него заговорила?

– Да так, интересно просто. Просто интересно.

С этого дня Лена выуживала со дна своей сумки конверт, перечитывала письмо по нескольку раз и в недоумении прятала обратно. И ни с кем она не решалась поделиться этой тайной, даже с близкой подругой Наташей, и письмо это словно жгло, оно как будто делало сумку тяжелее, словно и не лист бумаги это, а бандероль или посылка, которую и бросить нельзя, и отдать никому невозможно.

«Если это шутка, то не смешная и даже жестокая шутка», – думала она.

Почтальон Пушкин

– Та-а-а-к... Опять наше высочество не соизволило явиться на работу вовремя, – встретила Лену Вениаминовна интонациями, не предвещающими ничего хорошего.

– Простите, Ольга Вениаминовна, автобус задержался...

– Значит, я, недостойная, на работу не опаздываю. А почту за тебя кто разносить будет, Пушкин, что ли? У тебя сегодня три бандероли, 17 извещений, 13 писем, и не только по Петровскому...

– Я всё сделаю, Ольга Вениаминовна.

– Смотри у меня, Касатонова. А что если проверка придёт, а тебя на месте нет? Мне что, прикажешь изворачиваться, врать, что ты корреспонденцию разносишь? Ты хочешь, чтобы я за тебя перед руководством краснела?

Лена представила пунцовую Вениаминовну, опустившую взор в пол, а перед ней самого Президента, сидящего за столом, постукивающего по нему пальцами. «Так-так, как вас там, Ольга Владимировна, если не ошибаюсь...». – «Вениаминовна». – «Значит, Вениаминовна. Я вот не пойму, почему вы, вполне себе ответственный работник «Почты России», заставляете своих подчинённых исполнять несвойственные им профессиональные обязанности? Почему вы как руководитель начального звена не организовали работу Петровского почтового отделения надлежащим образом?». «П-почему, я всё организовала, вот у меня в кабинете и портрет Ваш висит, и отчётность в порядке, и бухгалтерия, и журнал поступлений ведётся... Даже грамота у меня от Минсвязи имеется за плодотворный многолетний труд на поприще, то есть во благо и в связи с юбилеем...». «Это всё, конечно, хорошо, Ольга Владимировна». – «Я Вениаминовна...». – «Тем более. Поэтому как Президент России, который тоже вынужден пользоваться услугами «Почты России», хотел бы вам указать на ряд недостатков, а в отдельных случаях и существенных недоработок. Возьмём хотя бы вашу, с позволения сказать, кадровую политику. Почему у ваших подчинённых зарплаты маленькие, почему вы заставляете их писать кучу ненужных бумажек, почему вы принуждаете сотрудников продавать всякую ерунду типа стиральных порошков, моющих средств и зубной пасты, какое отношение это имеет к почте? Почему в соседние населённые пункты ваши сотрудники ходят пешком? Почему у вас люди стоят в очереди с извещением, чтобы получить письмо, и ещё неизвестно,

получат они его или их просто обхамят? Почему у вас тут, в Петровском отделении, реклама всяких микрозаймов «до зарплаты» и для пенсионеров? Они и так все в долгах и кредитах, вся Россия парализована этими «легкоденьгами», а вы ещё и на почте это впариваете?! Так что, Ольга, как вас там по отчеству, я как Президент Российской Федерации объявляю вам строгий выговор с занесением». – «Мы исправимся, мы исполним все Ваши указы и поручения, мы станем образцовым отделением», – лопочет красная Вениаминовна. «Устал я от вас таких, – машет рукой глава государства. – Да что уж взять-то с вас, если тут до сих пор Пушкин корреспонденцию разносит...».

– ... Я с тобой разговариваю, Касатонова, – Лена поймала себя на мысли, что улыбнулась прекрасному видению. Она вздрогнула и снова вернулась в этот мир, в котором всегда перед всеми виновата.

– Я тут как-то в Интернет заглянула и вот что обнаружила, – продолжала Вениаминовна. – Анекдотов про «Почту России» до обидного полно. Вот, например: «Внук решил отправить деду в деревню коньяк пятилетней выдержки, поэтому купил трехлетний и отправил «Почтой России». «Мало кто знает, что «Почта России» является автором таких изобретений, как сыр с плесенью, уксус и изюм». И вот как тебе: «Делаем деньги с «Почтой России» – заказываем в интернет-магазине стул. Выбираем доставку почтой. Получаем посылку, а в ней уже антиквариат». А эти кавээнщики тут ляпнули по телевизору: «Это почта: здесь всё для того, чтобы никто ничего не понимал...». А всё почему – потому что такие почтальоны, как ты, не могут на работу вовремя прийти и и быстро разнести корреспонденцию. Потому что ты, Касатонова, безответственная.

Лена молчала и ждала, что за анекдоты в Интернете ей сократят и без того крохотную зарплату. И тогда точно придётся проситься к Наташе в магазин или искать какую-нибудь другую работу. Но Вениаминовна на этот раз не стала применять особых репрессий. Но дальнейшие её слова Лену тоже не успокоили.

– В общем так, Касатонова. Через три недели в областном центре пройдёт конкурс «Мисс «Почта России». Нам спустили разнорядку с требованием представить участниц от района. Мы посоветовались с коллегами и решили командировать тебя. Отстоишь нашу честь. Условия конкурса мне скинули, ознакомься. Походишь там по сцене, задом повертишь, ты бабёшка вполне себе смазливая, если

приодеть, причесать и сделать мейкап. Ты хоть знаешь, что такое мейкап?! В общем, готовься. А сейчас – бери корреспонденцию и дуй по адресам.

Лена посмотрела на распечатанный листок. Конкурс состоял из самопрезентации, творческого соревнования и дефиле в разных нарядах и даже – о, кошмар! – в купальнике. Ходить по сцене, когда на тебя смотрят сотни глаз, мужчины там всякие, это невозможно! А ещё – фотоаппараты, видеокамеры, да ещё это в газеты попадёт, в Сеть... Этот позор был пострашнее гнева начальницы.

– А можно я не буду участвовать? – робко спросила Лена.

– Чего-чего? – взъерилась снова Вениаминовна.

Уважительную причину Лена придумать не успела. Да и не умела она врать. Даже во благо.

– Будешь, ещё как будешь. Куда ты денешься с подводной лодки!

Эту мерзкую фразу про подводную лодку Лена слышала много раз. И именно она окончательно добивала все её робкие попытки возразить.

Лена взяла сумку и вышла на воздух. Хождение по адресатам имело один большой плюс: в это время она не находилась в замкнутом пространстве со стервой-начальницей.

«Жаль, что Президент никогда не заглянет в Петровское», – думала она, вышагивая по селу, представляя, как она будет в купальнике (на котором, наверно, будет приляпан кружочек с номером) стоять на сцене и деланно улыбаться перед масляными глазками зрителей.

Мероприятие

В актовом зале Петровской школы было устроено мероприятие, посвящённое наступающему Дню Победы. Никто толком не понимал, что это – праздничный концерт, день памяти, встреча с ветеранами, поэтому учителя так и говорили – «мероприятие». Зал украсили шариками, на плакате был нарисован солдат-победитель в каске и автоматом ППШ, улыбающийся, лишённый индивидуальных черт. Немногочисленные старшеклассники долго возились с звукоусилительной аппаратурой, пока не отладили звук микрофона, который постоянно норовил пронзительно гудеть. Потихоньку подходили сельчане, рассаживались по местам, привели последних фронтовиков – Семёна Петровича Никифорова и Клавдию Никитичну Прокофьеву.

Семён Петрович почти ничего не слышал, голос был тихим и сиплым, годы согнули его в поклоне, словно в благодарность за долгую жизнь, которая ещё в юные годы могла оборваться от шальной пули или осколка. Было сложно представить, как он, девятнадцатилетний, низкорослый, освобождал Венгрию и Австрию. Бывало, что он забывал, что было пять минут назад, но помнил почти все деревеньки и сёла, которые он прошёл с боями в Европе, помнил каждого пристреленного немца, благо, их было немного, всего три. Помнил своего командира, который грозился его расстрелять, потому что Семён принес ему несвежей воды, и у того случилось расстройство желудка, страшно неуместное при марш-броске.

Клавдия Никитична в войну была медсестрой, и непонятно, как она не сошла с ума от солдатских страданий, стонов, криков, набухающих кровью бинтов, покалеченных тел, безруких, безногих, обречённых молодых и не очень молодых бойцов. И когда её внучка, уже взрослая девушка, говорила, что боится идти лечить зубы, Клавдия Никитична не возражала. Она невольно вспоминала тех ребят в полевом госпитале и больше всего на свете хотела, чтобы никто не страдал. Даже от кариеса. Даже от лечения кариеса.

Лена собралась с духом и отпросилась у Ольги Вениаминовны в школу, ведь Анечка должна была петь в хоре. Она увидела в актовом зале немало знакомых лиц. Многим она носила письма, выдавала бандероли. Да и вообще в деревне все всех знают, поэтому личная жизнь здесь затруднительна. Ну, то есть все не просто всех знают, а знают всё обо всех, так что пока «сарафанное радио» Петровского превосходило своей эффективностью любые современные электронные социальные сети. Впрочем, молодое поколение всё больше уходило в виртуальный мир. Теперь ребяташки с одной улицы всё чаще не играли, не встречались вживую, а сидели по домам, глядя в мониторы. Туда же переместились и игры, и дружба, и первая любовь.

Лена скромно села на задний ряд и стала ждать начала. «И-почтальон-сойдет-с-ума-разы-скива-я-нас...», – выхватило её сознание строчку из звучащей песни. «А ведь и правда, – подумала Лена. – Тогда как почта работала? Под бомбёжками. Донеси письмо до окопа, возьми у солдат их письма. А если похоронка, каково её было отдавать родным? Открывает тебе дверь жена, мать, дети, а у тебя в сумке – конвертик, последняя весточка: «... погиб героически там-то»

или «... пропал без вести». И как будто ты виновата, как будто ты убила. Пытаешься успокоить, но ничего не получается, разворачиваешься, уходишь, а позади остаются вой и причитания. Идёшь по деревне, а люди тебя боятся, гадают, к кому на этот раз, к кому... И если почтальон обходит их дом, им чуть легче: может, всё обойдется, может, жив пока...».

На сцену вышли старшеклассники, мальчик и девочка, а также учительница русского языка и литературы. Они читали стихи на военную тему и предлагали участникам выступить.

– ...В нашем районе проходит ряд мероприятий патриотической направленности, – тараторила девочка-ведущая возвышенно-ровным голосом. – Мы продолжаем проводить туристические слёты, соревнования по игровым видам спорта, смотрят строя и песни, в школах формируются спортивно-оздоровительные клубы, возрождается сдача комплекса ГТО... Мы присоединились к реализации проекта «1418 огненных вёрст» и разработали свой маршрут в честь Победы. Назвали его «Героями гордится край родной...». Цель данного маршрута – собрать материал о ветеранах войны для школьных музеев и провести акцию в рамках...».

Мысли Лены отстранились от «акции в рамках», и она вспомнила о странном письме, которое лежало у неё в кармане блузки. Месторасположение в зале позволило ей незаметно достать его. Она вновь пробежалась глазами по строчкам. «...С поклоном и надеждой на ответ, рядовой Николай Парамонов...».

– А мы хотим предоставить слово «детям войны», – продолжала ведущая. – Тяготы военного времени легли на их детские плечи, но они вынесли всё. Пожалуйста, Лидия Андреевна...

Микрофон взяла пожилая женщина, некогда доярка бывшего колхоза. Говорить ей было тяжело.

– Знаете, память у меня плохая. Но вот никогда я этого не забуду. Это было в сорок четвертом. И вот на мой день рождения мама сварила нам несколько картошин. Детей нас у неё было четверо. А нормальной картошки тогда, конечно, не было... Ели траву, почки берёзовые, гнилые картошки искали в поле. Попробуй зерна возьми себе просто так – всё на фронт. И вот у нас, детей, получился праздник, были эти картошки, мама сохранила. Мы все тогда голодали, кто как скелет был, кто опухал с голоду. В нашей деревне несколько человек умерли. И вот мы эти картошки съели, а мама выпила этот бульон, отвар этот картофельный... А потом была Победа, мы

в поле тогда работали, пахали, и тут крики: «Победа! Победа!». И тут кто кричит, кто плачет, кто пляшет, кто чего!.. Прямо все как с ума сошли. А я отца своего ещё месяц потом бегала на станцию встречать, думала, что вернётся. Каждый день бегала. Пока похоронка не пришла...

В зале стояла гробовая тишина. Почему-то Лене пришло на ум именно это расхожее выражение, уж очень оно было сейчас уместным – «гробовая тишина». И вот эту самую тишину нарушило дурацкое хихиканье и пиликание с задних рядов: двое девятиклассников увлечённо тыкали пальцами в свои смартфоны, толкая друг дружку локтями. Все посмотрели на юнцов, но никто ничего не сказал, даже укорять их теперь, ругать, звать к совести было стыдно. Всем было так неловко, что девочка-ведущая не сразу возобновила сценарий, пригласив на сцену ещё одного «ребёнка войны», Андрея Фёдоровича, пенсионера из Петровского. Лена с тревогой подумала, что не отключила звук в своём мобильнике, стареньком, потёртом и дешёвом.

– Ну, что я хочу сказать, мы, конечно, жили тяжело, работали без выходных. Голодали. Я вот сваво батю дождался, – говорил Андрей Фёдорович. – Он пришёл с войны, нам очень повезло. И вот он рассказывал, что сначала у нас и оружия-то не было много, сидят солдаты в окопе и ждут, когда убьют того, у кого винтовка. Говорил: вот убьёшь немца, у него и автомат возьмёшь, и зажигалку, и часы, и нож, и провизию. А нашего солдата убьют, с него и взять-то нечего. Вот за эти-то слова его и взяли куда следует, больше его никто не видел. Стукнул кто-то... Но вот что я хочу сказать: смотрю я сейчас на Украину и думаю: не доби́ли мы фашистов тогда. Не доби́ли...

– Спасибо, Андрей Фёдорович, присаживайтесь, – вежливо прервала старика ведущая и предоставила слово для отчёта ученикам из числа актива школы.

– ...В этом году ученическая коллегия нашего района выступила с инициативой провести акцию «Напиши письмо прадеду», – вернул в реальность Лену голос восьмиклассника-ведущего. – В этой акции уже поучаствовали 750 человек. Школьники узнали, что в дни войны письма были в виде треугольников, сложенных из обычных листков бумаги. Также они познакомились с настоящими письмами с фронта и написали свои письма-обращения к прадедам, которых уже нет в живых. Вот, например, письмо первоклассницы Тани Сорокиной.

На сцену вышла девчушка с большими бантами. Ей дали микрофон. Она глубоко и резко вздохнула и начала читать наизусть:

– Здравствуй, мой прадедушка Саша. Пишет тебе правнучка Таня. Мне семь лет. Я учусь в первом «Б» классе. Жаль, что я с тобой не знакома. Но я много слышала о тебе от родных. Я знаю, что на войну ты ушёл в молодом возрасте, был тяжело ранен в боях с фашистами, награждён орденами и медалями. Ты, прадед Саша, был солдатом стрелкового полка, участвовал в обороне Ленинграда. Потом, когда ты вернулся, ты работал главным бухгалтером в сельсовете. Мы помним тебя и гордимся. Большое спасибо, дорогой прадедушка, за то, что мы теперь живём в мирное время. Ты давно умер, и поэтому я никогда не получу от тебя ответа. Но ты будешь живой в нашей памяти. Я хочу брать с тебя пример, быть такой же смелой, не отступать перед трудностями, любить Россию и быть хорошим человеком. 9 мая я пойду на митинг, посвящённый Дню Победы, и ты, дорогой прадедушка, будешь рядом со мной...

У многих в зале на глазах были слезы. Зашемило сердце и у Лены. Всё же непонятно, с чего начинается такое безумие, как война, думала она. Живут-живут себе люди, работают, любят, в гости друг к другу ходят и тут – раз и начинают друг друга убивать. Встают под разные знамёна и убивают. Мало какой войне есть исчерпывающее, полное объяснение. Ну, понятно – с Великой Отечественной: русских людей решили перебить за то, что они русские, на своём языке разговаривают, свои песни поют. Понятно, что мы должны были дать отпор. А гражданская война? Это совсем непонятно. У этих флаг белый, у этих – красный, все за народ, слова у всех правильные...

– Письма с фронта. Письма на фронт. Как долго и труден был их путь, – говорила тем временем девочка-ведущая. – Сегодня я предлагаю вам принять участие в акции «Письмо ветерану». Здесь за столами лежат листки с готовыми текстами письма. Вы можете дописать свои слова, слова благодарности нашим дорогим ветеранам.

Гости подошли к нескольким столикам, сели писать. Лене вдруг захотелось ответить тому незнакомцу на его загадочное послание. Она под села к пишущим, достала свое письмо и ручку. Она слабо отдавала себе отчёт в том, что делает, хотя этого с ней никогда не случалось, ведь по жизни её везли два коня, точнее, кобылки –

скромность и рассудительность. Но тут впрягся третьим ещё один конь, пока безымянный, и эта тройка прибавила скорости и удалой безоглядности.

«Дорогой Николай!» – написала она на листе вслед за его строчками. Она опасалась что-то написать не так, потому что зачёркивать потом было ещё боязнее. Но ручка как-то сама стала выводить слова.

«Дорогой Николай! («Почему «дорогой»? Когда он успел стать «дорогим»?) Мы не знакомы, но мне кажется, что вполне можем таковыми стать. То, что я тебе отвечаю («Ну, вот я с ним уже на «ты» почему-то»), уже несколько странно, но ведь я не делаю ничего постыдного. Как там – «Я вам пишу, чего же боле». Николай, я не против общения, но ты, я надеюсь, серьёзный человек, похоже, военный, поэтому нехорошо устраивать такие прятки, нагнетать загадочность, устраивать эту странную игру с почтовым ящиком и письмом. Надеюсь, ты реальный человек, а не какой-то чей-то розыгрыш. Было бы интересно тебя увидеть. Сама не знаю, почему тебе пишу, но сейчас начинаю понимать, для чего – чтобы поздравить тебя с приближающимся Днем Победы. («А правда, вот почему я взялась за ручку, вполне нормальное объяснение!»). Здоровья тебе и удачи».

«Концовка, конечно, глупая, да вообще письмо глупое, ну и ладно, – подумала Лена. – Посмотрим, кто это решил со мной завязать общение...».

– Если вы написали ваши письма, то складывать их в треугольники следует таким образом, – девочка в пилотке с красной звездой взяла листок и стала сгибать. Её примеру последовали те, кто писал, и Лена – тоже. Её разобрало профессиональное любопытство, почтальон всё-таки, кому как не ей следовало бы знать, как делать треугольники-письма. Но только она не отдала своё послание, а незаметно сунула его в свою сумку. Чуть покраснев от смущения, она потихоньку вновь села к зрителям.

На сцену вышли дети младших классов. Каждый из них держал в руке фотографию родственника, участника войны, который погиб или умер позже. Анечка держала фото брата прадедушки, Егора Филипповича.

– Кино идёт, воюет взвод, далёкий год на плёнке старой, – запели дети. Их лица смешались с портретами героев войны, и казалось,

что они молча поют в одном хоре со школьниками. Чёрно-белые лица ожили, глаза смотрели на тех, кто сидел в зале. Некоторые, и Лена тоже, плакали.

«И всё о той весне увидел я во сне, пришёл рассвет и миру улыбнулся. Что вьюга отмела, что верба расцвела. И прадед мой с войны домой вернулся», – пели дети.

Ком в горле заставил Лену на время забыть о письме. Она не помнила, как вышла с Аней на улицу. Они направились к остановке, благо скоро должна быть маршрутка в Грибовку.

– Мам, а почему фашисты напали на нас? – спросила дочь.

– Потому что они плохие, – ответила Лена. – Потому что им приказал злой и жестокий их начальник – Гитлер.

– А почему он был такой?

– Наверно потому, что его никто не любил. И вот если бы наши войска его не победили, то и нас бы с тобой тоже не было.

– А кто бы был?

– Ну, может, кто-нибудь, может, и был бы. Только бы все вокруг разговаривали бы по-немецки.

– А мы сейчас английский учим, немецкий не учим.

– Да, сейчас надо учить английский. Как по-английски сказать: «Аня любит свою маму»?

– Энн лафс хе мазе, – сказала Анечка.

«Да, по-русски это в сто раз лучше звучит, – подумала Лена, – в тысячу раз...».

Навстречу шли парень с девушкой – не очень трезвые.

– Давай ещё полторашку пива возьмём, – канючил он.

– Не хочу уж, не лезет в меня, – жаловалась ему подруга.

– А фиг ли делать-то, – увлекал он её в мутную, несмотря на солнечный день, даль.

Они скрылись за углом.

«Поколение победителей...» – вспомнились ей слова с торжественного мероприятия. «А ведь он её, видно, по-своему любит. И она его тоже. Они ещё молодые и ещё красивые...». И так ей стало жалко этих неприкаянных парня и девушку, жалко погибших и покалеченных в той войне, жалко голодающих 70 лет назад детей, жалко стержову Вениаминовну и жалко себя. Но тут же внутренне себя упрекнула: «Тебе-то жаловаться грех... Сыта, дети растут. Вот ведь какая я неблагодарная...».

Добравшись домой, Лена пропустила Аню вперёд, оглянувшись, бросила треугольничек в свой почтовый ящик.

«Бред какой-то», – подумала она и вошла в дом.

Мисска

Прошло три дня, и Лена стала забывать, что оставила своё треугольное письмо в ящике. Да и голова была забита хлопотами по дому, стирками, стряпней, огородом. Да ещё подготовкой к этому жуткому конкурсу – то ли красоты, то ли знаний-умений.

– Эж ты, подруга, попала, – сочувственно усмехалась Наташа. – А что? Может, в городе мужика нормального присмотришь. Как пройдёшься там этак в дефиле, так на тебя сразу все засмотрятся. Главное – плечи расправь там и не горбись.

– Да куда мне, – отвечала Лена, – кому я нужна, деревенская, с двумя детьми, да и не надо мне ничего, не хочу я на этот конкурс. Слава Богу, там вроде в нижнем белье ходить уже не надо, правила немного поменяли, а то я там вообще сквозь землю провалилась бы. Но всё равно не хочу. Вот смотри, что тут пишут в условиях: оценка выступлений конкурсанток на всех этапах ведётся на основе следующих критериев: профессиональное мастерство, культура речи, эрудиция (ну какая у меня эрудиция?!), общительность (да я своей тени боюсь!), обаяние (очень смешно), внешние данные (это, наверно, размер груди, тоже ничего выдающегося), творческие способности и таланты (ну стишок могу рассказать), пластика (надо уметь ходить по подиуму, как модели, заводя ногу за ногу, прямо и с лицом, будто ты ищешь туалет, но боишься спросить, где он находится, но вида не подаешь, показываешь, какая ты уверенная в себе и независимая), музыкальность (привет тому медведю, который наступил мне на ухо), степень оригинальности (вообще непонятно, чего такое, может, юбку надеть с хвостом) и, наконец, – костюм.

– Давно, Леноч, не слышала я тебя такой тирады, ты вроде как побойчей стала, так что у тебя есть шансы! – с довольным видом подбодрила её Наташа.

– Какие там шансы! Надо сделать красивое платье или заказать, чтобы не опозориться, а у меня денег нет.

– Не дрейфь, сошьём тебе что-нибудь, в город съездим, ткань купим, такой нарядище тебе скроим, все в осадок выпадут, а Вени-

аминовна твоя вообще от зависти лопнет. Чего боишься? Ты молодая, себя показывать надо.

– Нет, ты смотри, чего дальше написано: обязательные конкурсные задания при проведении регионального этапа: первое – «Визитная карточка» – участницы конкурса в течение двух минут представляют краткую информацию о себе, своей работе, своём крае и второе: реклама одной из услуг, предоставляемой предприятием «Почта России».

– Ну и чего? Вот всё и расскажи: я – такая-то, живу в Грибовке, люблю свою работу, начальницу, получаю хрен да маленько, если бы не огород, то вообще зубы на полку положила бы, ноги протянула бы, таскаюсь с сумкой, выполняю тупые поручения, продаю моющие средства, хоть какой-то заработок...

– Наташа, перестань, и без того тошно.

– Извини. Знаешь, ты подходи к этому так: главное – участие. Никто от тебя волшебства не ждёт. Какое в Грибовке на фиг волшебство? Вся магия – это как Петрович с утра нажираться успевает, а на следующий день работает себе на тракторе как ни в чём не бывало, вот одно волшебство только и есть. Так вот – выйди, расскажи о себе, а с творческим конкурсом – ну, стишок расскажи в самом деле, раз поёшь ты невесть как.

– А знаешь, я ведь уже сочинила, ты послушай, может, подойдёт. Ну, не совсем сама, помог один поэт из города, я мысли наговорила, а он всё в рифму сделал.

Лена достала тетрадку и, смущаясь, начала читать:

«Я – почтальон. Я несу вам посланье.

Ждёт меня каждый, наверное, житель.

В сумке – надежды, радость, отчаянье...

Вот – получите и распишитесь.

Вдруг и мои прочитаешь ты строчки,

Но междустрочье важнее, чем фразы,

Я притаилась в извилистом почерке,

В нём ты меня распознаешь не сразу.

Адрес – Земля. Индекс чёткий, межзвёздный.

В бездне скучает солнечный ветер...

Сколько же лет световых... Лучше поздно,

Чем никогда не узнать, что в конверте.

Я – почтальон. Мои крылья поникли.

*Но, вопреки комариному зуду,
Снова я в путь отправляюсь неблизкий.
Люди, дождитесь меня. Скоро буду».*

– Ну, ты даёшь, да ты Лермонтов в юбке! Ну и молодец! – Наташа явно не ожидала такого. – Вот, смотри: платье мы тебе сварганим, стих прочитаешь, о себе расскажешь, про отсутствие мужа и двух детей можно опустить. Расскажи про красоту, которую ты видишь, когда носишь почту, рассветы, закаты, там, лес, всё такое. Попросим кого-нибудь фотки сделать, и на экран их выведем, вот и всё. Это для нас вся эта природа привычная, а они в городе скучают по ней, для них это – романтика. Скажешь, не потому что вам машину не выделяют, а нравится ходить пешком, вот.

– А реклама услуги? – спросила Лена. – Перевод денег? Получение бандероли? Скучно как-то...

– А никто не просит тебя рекламировать настоящие услуги, их можно придумать...

– Что тут придумаешь, всё давно придумано...

– Вот именно – давно придумано, – медленно проговорила сообразительная Наташа. – А что если эта почтовая услуга и была давно придумана?

Лена смотрела на подругу распахнув глаза.

– Слушай меня, Леноч, внимательно. Знаешь, у Фёдорыча Хромого в Петровском голубятня есть? – Лена кивнула. – Так вот, голуби у него страх какие умные. Надо у него спросить, может ли его голубь взять письмо и улететь к тому, для кого оно написано? Ну, хотя бы понарошку, просто взять письмо и улететь?

– И?

– Вот и будет тебе реклама почтовой связи! Ретро! Чё сейчас настрочат смску и отправят: «Ты где?», «Целую», «Ок» или один смайлик, рожицу круглую, или улыбается, или, наоборот, не улыбается – всё на этом. Или электронная почта, мобильные почтовые приبلуды. Чик – и отправлено. А тут, понимаешь, длинное бумажное письмо, дышит духами и туманами, как сказал какой-то поэт...

– Блок, – подсказала Лена, которая начала понимать идею.

– Вот, типа Блок. И вот там, в письме, признания, чувства, слова красивые, то-сё, хренотень всякая возвышенная, не то что здесь – «Манька, зараза, дай пожрать», и это письмо несёт голубь, белая птица, несёт в клюве, он летит высоко в облаках, смотрит, где тот

человек... И вот, наконец благая весть спускается с небес, сердца соединяются, он ей отвечает. Голубь летит обратно, и в конце концов живут они долго и счастливо, связанные священными узами законного брака, умирают в один день (прикинь, счастье какое), тебя назначают начальником отделения, повышают тебе зарплату, а Вениаминовна благополучно выходит на пенсию или неблагополучно, споткнувшись о своего жирного кота...

И тут они расхохотались лёгким смехом.

– Нет, я серьезно, я поговорю с Фёдорычем.

Лена была безмерно благодарна подруге. В перечне немногих пунктов, которые делали её жизнь счастливее, Наташа занимала не последнее место. Попив чаю с прошлогодним малиновым вареньем, они прошлись по селу (благо вечер был теплый и безветренный), в подробностях обсуждая будущий конкурс. Боязнь, которая недавно томительно поедала Лену, сменилась почти озорством. «Вот все будут говорить: смотрите, миска сумку волочёт, миска письма нам несёт! Ну и ладно!».

ОХОХОНЮШКА

Подходя к своему дому, Лена заметила, что кто-то стоит у почтового ящика. Она присмотрелась: ну да, Варвара Кузякина, которую звали в селе Варька Охохонюшка. Сложно было определить её возраст – на вид от сорока пяти до шестидесяти, в зависимости от наряда и от освещения: она словно старела по солнцу – чем ближе к вечеру, тем больше она старушилась. Но, прежде всего, она была примечательна тем, что считалась полоумной. Но и это полоумие было каким-то зыбким. Удивительно, но с представителями власти, в магазине и в прочих более-менее «официальных» ситуациях она могла казаться совершенно адекватным, рассудительным человеком, а в другой обстановке она часто начинала «чудить». Многие помнили, как такая ненормальность началась: рядом с Варькой двадцать три года назад ударила молния; несколько минут она была без сознания, а когда пришла в себя, тут, как говорили, у неё «ку-кушка и съехала». Она могла зимой ходить по селу одетая по-летнему, и казалось, что мороз её абсолютно не касался, и даже пар изо рта не шёл. Она выкрикивала странные слова, словно обращённые ко всем и ни к кому конкретно.

Варьку побаивались за её кликушество. Как-то поздней весной она стала шататься по улицам и приговаривать: «Пить хочу, пить хочу! Охохонюшки!», хотя воды в колонках и колодцах было предостаточно. С этими словами она ходила с неделю. И вот с середины июня в Грибовку пришла жуткая жара и засуха. Растительность на полях и огородах пожухла, вода в двух колодцах просто исчезла, а насосная подстанция вышла из строя. Тогда грибовцы очень страдали от безводья. Дошло до того, что бабушки ходили на кладбище и, воткнув в землю кол, просили у неба дождя. Неизвестно, кто их на это надоумил. С таким же успехом они могли воззвать и к местной администрации, чтобы наладили воду. Впрочем, дождь пошёл на следующий день, а водопровод заработал только через полтора месяца.

Но это ещё безобидный случай. Как-то Варька начала посреди дороги складывать дрова в виде домика. Сложила и села напротив, раскачивается. «Варвара, ты чего тут сидишь с дровами?» – спрашивали её. «Жду, когда загорится», – отвечает. Через два дня на окраине вспыхнул дом, мужик покурил, и от сигареты чуть семья не погибла, вовремя проснулись. Но бывало и хуже. Однажды Варька взяла кружку с водой и гуляла по селу, время от времени отпивая и, полоская рот, эту воду выплевывала. Все понимали, что это не к добру, но Варька ничего не объясняла, только мотала головой, трясла распущенными волосами и, отбулькав горлом, говорила: «Охохонюшки!». Спустя неделю в местном пруду утонул восьмилетний мальчик. Убитые горем родители пошли было к Варьке, но она заперлась в доме и никому не открывала. После заявления в полицию к Варьке наведались следователи, но «накопать» против неё ничего не могли. «А что, товарищи, полоскать горло водой, пребывая в общественном месте, – это противоправное деяние?» – спрашивала представителей органов Варька, являя чудеса нормальности. Довод был железным, и они не стали назначать экспертизу на вменяемость. Им было ясно: на одинокую женщину в селе наговаривали. Ну, подумаешь, травы всякие на столе разложены, ну, подумаешь, не работает нигде, а где сейчас работу найдёшь?.. С тех пор Варьку на улицах почти не видели, неизвестно, чем она занималась и что ела. И вообще ходили слухи, что если Варька заглянет к кому-то в окно – жди покойника. Поэтому даже увидеть Охохонюшку на улице – уже было плохим знаком.

И вот этот «плохой знак» крутился около почтового ящика Лены. Издалека она увидела, что Охохонюшка беспардонно запустила руку внутрь – залезть в него было не проблемой – и вытащила треугольное письмецо.

Лена хотела было броситься и догнать Варьку, но страх перед этой не от мира сего особой остановил её. «Зачем, зачем я поддалась на этот розыгрыш? Вот кто решился поглумиться надо мной! Но зачем ей это нужно? Ещё разрезвонит по селу, что я пишу письма неизвестному солдату. Хотя ничего плохого я не написала...».

Мысли путались, привычное чувство неудобства, стыда перед самой собой наполнило Лену. Казалось, что Варька застучала её за чем-то, что должно быть скрыто от любых посторонних глаз. Она видела, как Охохонюшка, приплясывая, направилась к своему дому. «Ну, вот, давно большая выросла, а в сказки веришь...», – досадовала на себя Лена.

Около часа она не знала, что делать. Потом решила и пошла прямо домой к Варьке. Дверь была не заперта. Пахло каким-то отваром, сырым деревом и особым духом. Ведь у каждого человека – свой запах, который впитывается во все внутренности дома, особенно если хозяин обитает в своём жилище давно.

Охохонюшка сидела на кровати скрестив ноги по-турецки, и разматывала клубок чёрных шерстяных ниток. Из одного клубка она делала другой, и смысл этого занятия терялся в её комнате. На столе стояла двухлитровая банка молока, а рядом – сидящая фигурка из хлебного мякиша. В комнате – вполне чисто и прибрано, никак не скажешь, что у хозяйки, как выражались местные, «мозги хомутлякались».

– Здравствуйте, Варвара, – Лена запнулась. – Алексеевна, если не ошибаюсь...

– Христосовна, Варвара Христосовна, все мы дети Божии, – Охохонюшкин голос звучал словно из старого радио, неестественно, как бы «с песочком».

– Можно я буду называть вас «тётя Варвара»?

Охохонюшка кивнула.

– Тётя Варвара, я к вам по такому делу. Уж извините, но я видела, что вы сегодня взяли из моего ящика письмо. Я хотела спросить, зачем оно вам? И вообще, зачем вы меня разыграли. Да, у

меня нет мужа, это... как-то непонятно. В общем, я прошу отдать мне это письмо и никому не говорить об этом. Пусть это будет такой шуткой...

Варька молчала, продолжая увеличивать один клубок и уменьшать другой. Было слышно, как в комнате жужжат мухи, а за окном лают собаки. Лена ждала ответа.

– Какие уж тут шутки, – наконец заговорила Варька. – Человек давно не здесь, а успокоиться всё не может. А тебе – шутки. Шутница. Охохонюшки!..

Лена надеялась на более внятные объяснения.

– Тётя Варвара, я не понимаю, зачем вы написали мне это письмо. Отдайте мне его, пожалуйста.

– Да не могу я, вот настырная! Я обещала передать ему твой ответ. Ты ж не передашь, ты живая, здешняя, а я уж найду путь.

– Тётя Варвара, пожалейте меня, не издевайтесь. Ну посмеялись – и будет. Я же вижу, что вы не такая, как о вас говорят.

– Охохонюшки!

Варька слезла с кровати, прошлась по комнате, потом остановилась и приложила к своим глазам два клубка. Лицо получилось жуткое, почти череп с глазницами.

– Лена, я тебя вижу. Я тебя насквозь вижу.

Это «насквозь», с ударением на первый слог, словно пронзило Лену, в животе появился холодок.

– И его я вижу, – Варька повернулась к хлебному человечку. – Но он сам написать не может, ему надо помочь.

Варька отложила клубки в сторону и налила молока в блюдце, поставив её перед человекообразным мякишем, словно перед котёнком.

– Он и кушать не может, ему надо помочь. Он ходить не может, ему надо помочь. Он говорить не может, ему надо помочь. И я ему помогу. И ты ему поможешь.

«Что я тут делаю, зачем меня сюда занесло?! – подумала Лена. – Она сумасшедшая. А я – дура, круглая дура».

– Ну, может, и дура. Но ему – приглянулась, – сказала Охохонюшка. И тут Лене стало страшно. Вот уж и правда – «насквозь»... Хлебный человечек безглазо смотрел на неё. «О, Господи! Ну, зачем я сюда пришла?!».

– А пришла ты, чтобы я тебе сказала: ты его встретишь, и я тебе в этом помогу.

– Я пойду, наверное... Извините, что побеспокоила. Я пойду.

– Ну, какие гости так сразу уходят, давай хоть чайку попей, – эти слова прозвучали так обычно, так «нормально», не радиоголосом, а таким вполне обыденным и даже доброжелательным, что Лена не поверила своим ушам. Она села за стол к хлебному человечку.

– Ну вот, угощайся, – Варька поставила две кружки с чаем – ей и себе.

Лена не знала, что и думать. Какая Охохонюшка настоящая: когда нормально разговаривает или когда придуривается? А может, она придуривается, когда говорит нормально? Какая Варька на самом деле? Недаром про неё всякое болтают.

– Ты пей, дочка, чаёк-то, вкусный, с травками, – теперь Варькин голос не содержал ни намека на «тараканов» в её голове.

Чай оказался и правда вкусный, с таким причудливым травяным букетом, что разгадать состав его было невозможно. Именно этот чай успокоил Лену почти до степени равнодушия. Ей уже казалось, что ничего странного и страшного не происходит. Впрочем, со стороны всё смотрелось, мягко говоря, нестандартно: Лена и Охохонюшка пили травяной чай, а хлебный человечек словно участвовал в этом, сидя с ними за столом со своим молоком в блюдце. Варька, будто делала это каждый день, ловким движением руки смочила ему рот.

– А что это вы такое делаете? – спросила Лена.

– Коленьку кормлю, – ответила серьёзно Варька.

«Да, – подумала Лена. – Как там уж у Пушкина, который за меня, как говорит Вениаминовна, почту разносит: не дай мне Бог сойти с ума, нет, легче посох и сума. Сума у меня уже есть, посох только найти осталось».

– Вот и поговорили, – подытожила Варька. – И будь с ним там как-то поласковой.

«Там» – это где, интересно знать?» – подумала Лена.

Она засобиралась домой. Ей почудилось, что хлебная фигурка смотрит прямо на неё.

– Тётя Варвара, ладно, пусть письмо будет у вас, только никому не говорите про него, и что я была у вас – тоже не говорите. До свидания.

– Ну, ступай, доброй ночи. Охохонюшки!..

Лена обулась и очутилась на воздухе. Через некоторое время она сидела дома и делала вид, что читает книгу. Ни дети, ни Полина Ивановна ничего такого в её настроении не заметили.

Спустя несколько часов Лена ушла в сон.

По ту сторону Грязнушки

Как всегда, момент начала сна Лена не заметила, поэтому иная реальность окружила её стремительно и естественно. Она шла по берегу речки, и влажная трава щекотала её босые ноги. Туманные сумерки таили в себе неизвестность. «Речка вроде наша, Грязнушка, но почему такая широкая?». Лена видит лодку, старую-престарую. «Ей поди не один десяток лет, и садиться в неё опасно, утонешь, а я плавать не умею».

– Садись-садись, – говорит ей Охохонюшка (надо же, взялась откуда-то!), тебе – на тот берег...

Лена послушно взобралась в лодку.

– Просила письмо – вот тебе письмо, мне что ли больше всех надо? Сама и передашь, – проворчала Варька и сунула ей бумажный треугольничек. Лена узнала свой почерк.

Лодка, покачиваясь, поплыла в гущу всхлипывающего тумана. Ей показалось, что из-под воды ей кто-то протянул руку. «Наверно, это тот мальчик-утопленник», – спокойно подумала Лена.

Её несло в неизвестном направлении, всё дальше от берега, лодку то подхватывало течением, то начинало кружить, но туман был такой густой, что никаких берегов видно не было. «Ничего, река без берегов не бывает, куда-нибудь да пристану», – подумала Лена. Впрочем, вёсел в лодке не оказалось, и оставалось только ждать. «Куда ты денешься с подводной лодки...», – откуда-то шепнул ей голос Вениаминовны. Лена продолжала плыть, а земли всё не было. «А мне же надо отдать письмо...», – вспомнила она. Достала из сумки (ну, как же без неё?) небольшую пластиковую бутылку из-под минеральной воды, положила в неё треугольное послание, завинтила крышкой и бросила в воду. Лена почему-то решила, что это самый надёжный способ доставки письма до адресата, делают же так моряки, и получается.

Письмо в бутылке уплыло своей дорогой.

Неизвестно, сколько Лена находилась между берегами, между небом и землёй, во власти лодки. Было даже непонятно, тепло или

холодно. И вот лодка уткнулась в берег. Вокруг вроде как рассвело, зелёная трава блистала росой, похоже, настало утро. Листва берёз слегка шелестела на ветру. Значит, Лена плыла всю ночь.

На траве сидел молодой человек в военной форме. Галифе были подвернуты, около босых в мозолях ног стояли кирзовые сапоги, рядом с которыми валялись портянки. Курносое добродушное лицо. Несмотря на юный возраст, испепелённые сединой волосы. Не ускользнул от Лены и цвет глаз – серый с зеленоватым оттенком.

Когда лодку прибило к берегу, солдат встал, надел пилотку с красной звездой, подал Лене руку.

– Разрешите представиться: рядовой Николай Парамонов, Брянский фронт. Уроженец села Петровское.

– Я догадалась, – сказала Лена, уже ничему не удивляясь. – Елена Касатонова.

– Лена, сегодня мы можем познакомиться поближе. Это я тебе написал письмо. Ты не обиделась?

– Это же Варвара написала, чтобы разыграть меня...

– Так это я попросил написать, я ей его наговорил, а она записала. Я же не могу у вас там письма писать, ты же понимаешь.

– А мы сейчас где? – задала Лена прямой вопрос.

– Мы... как бы это выразиться...мы на нейтральной полосе. Мы здесь ненадолго. И если ты не против, прошу считать нашу встречу свиданием.

– Постой, Николай, но ты же умер...

– Убили, – поправил её солдат.

– Извини.

– Жизнь слишком коротка, особенно была моя – раз, и всё. И поэтому, когда мы здесь окажемся – не так важно, чуть раньше, чуть позже. Важнее, что у тебя было и с чем ты сюда прибыл.

– Я вот – на лодке.

– Да, ты пока гость, ты – на минуточку, тебе ещё рано.

– Ну спасибо, утешил, – попыталась пошутить Лена. – А можно задать тебе такой... женский вопрос?

– Задавай.

– Вот я, мне кажется, тебе понравилась, ты мне написал, хочешь дружить... А тебя не смущает, что тебе – восемнадцать, а мне скоро тридцатник, что у меня двое детей, что у меня муж...был.

Солдат сел на траву, Лена расположилась рядом. Он улыбнулся и потербил седые вихры.

– Да, это был женский вопрос... Значит, то, что я неживой, тело лежит где-то под Курском, деревню не помню, это тебя не смущает. А вот что ты старше меня на десяток лет – это страх. Ну, бабы...

«Вот и правда, какая дура!» – подумала Лена.

– Но почему я?

– Почему, почему... Просто понравилась. Может, мне красивая женщина понравится?..

Лене эти слова пришлись по душе.

– Ну, представь: между боями сидят солдаты, письма домой пишут, к ним приходит полевая почта, весточки из дома получают. А мне никто не пишет, и мне черкнуть пару строк некому. А завтра, скорее всего, пуля прилетит или снарядом тебя на части порвёт, и никто про тебя не узнает, не вспомнит. А тут – ты. А то, что 74 года прошло с моей гибели, – ну и что? Здесь это неважно. Здесь нет ни времени, ни возраста.

Лена решила достать из почтовой сумки своё зеркальце – она всегда его носила с собой. И точно: в отражении ей было около семнадцати. Похоже, свет-зеркальце решило ей «всю правду доложить». Ну и пусть эта правда и не правда вовсе, а всё равно приятно.

– Расскажи, как там было.

– А было так: началась война, и в июле нас собрали на призывном пункте. Раздали винтовки, сухпайки. Две недели учили стрелять, метать гранаты, атаковать, штыком колоть, правильно ложиться при взрыве. Немного поработали с артиллерийским оружием, потренировались из пушки стрелять. А что, никто ничего не умел, все же были мужики из деревень, танков не видели, если только трактора. Мало кто думал, что война так надолго, так всерьёз. Помню первый бой, мы готовились, рыли окопы. Сидим, ждём. Сначала налетели и начали нас утюжить с воздуха, разбомбили наши позиции. А что – винтовкой самолёт не сшибёшь... Орём, мечемся, вой, свист, раненые пошли, убитые, части тел разбросаны. Потом танки пошли, с танков – пулемёты, вообще высунуться невозможно. Они нас просто продуманно убивали, как загнанных зверьков. Пару танков подбить удалось, но, в основном, они просто прошли сквозь нас, смели. И только потом пехота ихняя пошла, когда уж и сопротивляться было почти некому. Стреляли, полуживые от страха, кто – бежать, кто посмелее – оставался и умирал. Потом объяснялись со своими, почему проявили трусость, оставили рубежи. А что толку

нас ругать? Стоим, жалкие, поседевшие, грязные... Решили включить нас в новое, свежее подразделение... Я его прозвал «собачьим»: там были натасканные на танки собаки. Их готовили по-особому: кормили только под танками с работающими двигателями. А потом взрывчатку на спину – и вперёд. И псины – молнией, немцы не успевали их отстрелить, из танка их не видно – они же низко к земле бегут. И вот в том бою три танка собачки так остановили... А потом нас командир взвода в атаку повёл. Но мы не добежали до немцев. Пока кричали: «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!» – нас покосили из пулемётов. И меня тоже. И ведь ни одного фашиста у меня не получилось убить. Тут встречаюсь с некоторыми из них. Спрашиваю, что ж вы, падлы, в Россию-то полезли? Они, понятно, нихтферштейн. А что с них, гадов, взять, у них был приказ... Думали, по-быстрому, пока тепло. Вот хрен вам! Потом наши воевать научились, вламывали им мама не горюй, и самолёты у нас появились хорошие, и танки, и атаковать стали с умом, а не с винтовками на пулемёты, и в «котлах» их варить. Но всё это потом – уже без меня.

– А как это происходит там, ну, когда...

– Умираешь? Ну, это как рождаешься, только наоборот. Мало что помнишь. И у каждого – по-разному. А ещё – тут не принято об этом рассказывать. Каждому своё место, каждому своё время. Только как это определяется, как людей ставят в эту очередь, кого раньше, кого позже и за что... Этого я до сих пор не могу понять. Может, в этом и нет никакого порядка, а всё происходит само собой. Тут я ничего не могу сказать.

Они помолчали. Листва шелестела, волны травы колыхались.

Николай откуда-то вытащил приплывшую, видимо, ещё до лодки, бутылку с письмом. Извлек с помощью ножа треугольник, стал читать.

– Спасибо, что написала. Мне теперь будет лучше здесь. И... извини, что к твоему приезду портянки простирнуть не успел, неудобно как-то.

– Да ничего, – улыбнулась Лена.

– Я буду рад, если иногда будешь писать мне письма.

– Хорошо, – согласилась Лена, – буду.

– Это – тебе, – сказал Николай и протянул ей букет полевых ромашек.

– Спасибо.

Лена была очень тронута. Она ощутила, что пора возвращаться, иначе она останется здесь, а дома её ждут мама и дети...

– До встречи, – сказал он.

– До востребования, – ответила Лена, робко обняла солдата и поцеловала. В его дыхании был табак и ещё что-то – наверное, порох. Вмиг небо стало ярче в несколько раз, потом раскололось на две половины: Лена проснулась.

На связи

«Привет, Николай.

С тех пор, как мы увиделись с тобой во сне, прошло три недели. Только теперь я решила вновь написать тебе. 9 Мая, в День Победы, у нас было очень торжественно. В Петровском, как и везде, была акция «Бессмертный полк», люди несли фотографии своих погибших родственников, этих фотографий было много, как и людей. Меня это потрясло. Жаль, что у меня нет твоей фотографии, наверно, её вообще нет. Но я бы прошла в колонне с ней. Возлагали цветы к обелиску. Представляешь, я нашла твоё имя в списке погибших! Ты, оказывается, Иванович...

А ещё я приняла участие в региональном конкурсе «Мисс Почта». Жутко волновалась, готовилась – и заняла второе место. Все удивились, когда я выпустила голубя, и он, облетев весь зал, принёс в клюве письмо и отдал его членам жюри. Если бы ты знал, как он привыкал ко мне, как я училась его запускать! Но Фёдорыч – мужик терпеливый, только такой терпеливый может столько возиться с голубями... Он говорил: у тебя получится, у тебя сердце доброе, голубь тебя послушается. Я даже имя ему придумала – Кеша. Белый с серыми перьями. Он привык ко мне и иногда прилетает, я его кормлю с руки. Потом он садится на конёк моего дома, вертит головой по сторонам, курлычет, потом улетает к хозяину. Ну, совсем ручной. В общем, хорошо, что заняла второе место, а то отправили бы меня на центральный конкурс в Москву, я бы тогда совсем со страха померла. Правда, Вениаминовна ворчит: что, говорит, не первое. Но сама вроде довольна, нашему отделению всё равно плюс.

А ещё она заметно подобрела, прямо другой человек, не грызёт меня больше. А всё потому, что у неё наметился роман, мужик был из города проездом, зашёл к нам и слово за слово, стали общаться,

переписываются в Интернете. Вот почему она раньше злая была, потому что у неё этого «велосипеда» не было, ну это цитата такая почтальона Печкина из известного мультика. А мультик – это кино такое, только нарисованное. А ещё за призовое место меня премировали, денежку дали, поэтому своё бедственное положение я немного поправила.

Анечка у меня закончила второй класс, Женька учит алфавит и уже сам составляет слова. На работе обещали дать отпуск, потому что в отделение взяли ещё одного человека, она меня подменит.

Мне, конечно, страшно посылать письмо туда, где ты находишься. Не дай Бог, о нём узнает кто-то, кроме Охохонюшки, скажут: Ленке в психушку пора. Но не всегда наши вроде серьёзные дела имеют какой-то глубокий смысл, а иногда, казалось бы, глупости по-настоящему ценны. Сегодня ты почтальон, и вроде вся жизнь крутится вокруг этого, а завтра всё меняется полностью. И я этого не понимала до тех пор, пока тебя не встретила, пусть даже так необыкновенно.

Не скучай, я та, кто думает о тебе.

Обнимаю, Лена».

Она сложила письмо треугольником и, оглянувшись, бросила его в свой почтовый ящик. Она почему-то знала, что Охохонюшка его заберёт. А если не заберёт – не беда: придёт новый сон, и они с рядовым Парамоновым вновь свидятся по ту сторону Грязнушки.

Хорошо, что сегодня не на работу. Она пошла на окраину села – туда, где белыми облаками на давно не паханном поле расцвели ромашки. Идти было легко, плечо не отягощала привычная сумка. Дышалось тоже легко: с утра прошёл короткий тёплый ливень.

Лена долго сидела в поле, вглядываясь в даль, иногда проводя ладонью по ромашкам, будто поглаживая детей. Она не хотела их срывать. Для неё они были живые.

Колобок

Я покинул родные сусеки с лёгким сердцем и очень рад.
Просто было предчувствие некое, что валить пора со двора.
В доме сгорбленном худо-бедно наскребли из того, что есть.
Просто было голодно, беспросветно, меня просто хотели съесть.
Что черстветь и киснуть на месте, сыпать крошками день за днём?
Был я раньше безвольным тестом и вот – лёгок стал на подъём!
Я качусь на четыре стороны, я как лёгкий бильярдный шар.
Каждый день новизна – это здорово, надо в путь поспешать,
поспешать.

Я по форме и сути – планета! Да румян, в чём-то солнцелик.
Я – всему голова! И это я в дороге только постиг.
Я клубок-колобок. Эй, звери! Я от вас ухожу, ухожу.
Потому что я вам не верю, о покинутых не тужу.
Вам спасибо за зубы, за пасти и за хищный ваш аппетит.
И качусь я за хлебным счастьем, сердце-мякиш призывно стучит.
Мне зачем однобокость, стабильность?

Я вприпрыжку, вприпрыжку, как мяч.

Мне дорога эта по силам, не остыл, до сих пор горяч.
И клевали меня и сжирали вороньё и стая волков.
Я катился, катился всё далее, и везде-то я был таков.
В телевизорах – лисьи морды. А я – мимо, от песен осип.
Если где и вращаться задорно – то вокруг лишь своей оси.
Я как выпечка свеж, беспечен, хоть в печали был испечён.
Мир, конечно, округл, но конечен, до финала неблизко ещё.
В удалом хвастовстве, припеваючи, часто ловко спасаясь от бед,
я тревожусь теперь всё чаще: как мои там бабуля и дед?
Ведь у них никого не осталось, все ушли навсегда колобки.
Дом скукожился, обветшал он, там по стенам подтёки тоски.
Чем там бабушка лечит суставы, и о чём там ворчит старик?
Кот ученый в костюмчике старом, сказки там всё ещё говорит?
Почтальон донесёт ли пенсию, доведёт автолавка хлеб?
Доберётся ли «скорая», если...если что...через грязь, может, нет.
Есть ли тапочки, плед, продукты, валидол, и почём дрова?
Это я тут весёлый и круглый, а там в огороде – трава.
Там мышам по сусекам не прыгать, ведь амбары давно пусты.

Печка теплится в холодрыгу иль давно успела остыть?
И на полке старые фото, пожелтели они чуток.
А на фото, спросите, кто там? Там я маленький, колобок.
Или можно теперь воротиться, и не поздно вкатиться в избу
блудным хлебом, по половицам, и на стол – загладить вину.
Преломиться краюхами сдобными, вот поди удивятся они!
Я вернулся, скажу, я сподобился, угощайтесь, родные мои.
...Как найти теперь адрес точный? Где тот дом?
 В горле ком. Точка. Ком.
Солнце с неба скатиться хочет и уйти от нас колобком....

Округ

– Ф-фу-ух, приснится же такое, аж вспотел...

Николай Петрович открыл глаза. Он потянулся и размял затёкшие мышцы...

...Депутат Городской думы некоего областного центра Заботин в сорок пять лет достиг, пожалуй, всех возможных вершин. И пока никаких бурь и проблем на жизненном горизонте не просматривалось. Он сладко зевнул и почесал живот пухлыми пальчиками. Дорогое постельное бельё облегалo крупное тело, обширные труселя с нарисованными парусами и яхтами (купил на Гоа) бережно хранили самое дорогое заботинское хозяйство. И как было радостно в очередной раз осознать, что депутатское хозяйство простиралось далеко за пределы его трусов. Коттедж в виде средневекового замка с башенками в элитном и живописном районе для избранных на берегу речки. Джип стоимостью в несколько однокомнатных квартир. Сеть магазинов «Digital Mobile» и ресторан «Вкуснотища» в центре города, акции металлургического комбината, маленький, но уютный домик на испанском побережье, несколько банковских счетов, и не только в России. Кто сказал, что нельзя народным избранныкам иметь счета за границей, тайну вкладов не просто так придумали. А ещё у него была вторая жена – вот она, красавица, рядышком, девятнадцатилетняя моделька Катя, губки бантиком, бровки домиком, груди – игривыми холмиками. Сын от первого брака, Сергей, тоже девятнадцатилетний, поди где-нибудь развлекается ещё, на своём «Мерседесе» рассекает, девок обхаживает. Ну, пусть лучше подальше гуляет, а то удумает к Катюхе подкатывать, а статус жены всё же исключает определённые вольности.

А ещё у Николая Петровича было существо, которого он не то чтобы любил (любовь для него – это чересчур), – породистый бульдог по кличке Шнырь, подарок директора завода пластиковых изделий на день рождения депутата. Шнырь был презабавной псиной, носился по коттеджу и вокруг, грыз всё, что встречалось на пути. И если в других семьях животины за такое получали тапком и временно отлучались от кормёжки, то Шнырь устаивался почёсывания за ухом и одобрительной фразы: «У-у. Каков засранец!». Известно, что обычно собака очень похожа на своего хозяина, и внешностью,

и характером. Что касается лица, то бишь морды, сходство было глубоким: широкие скулы, складки обвислых щек, под которыми были крепкие клыки. А ещё – готовность вцепиться сопернику в глотку, склонность к животным радостям – погулять, пожрать и далее по списку. Только у Николая Петровича потребностей было несколько побольше, ведь, во-первых, он был человеком, да не простым, а «слугой народа». А во-вторых, Заботин всё-таки постарше Шныря, поэтому если этот бульдог жил бы до человеческих лет, то наверняка многого бы добился.

Именно для этого неуклюжего, коротколапого, плоскорулого очаровашки (для Шныря, конечно) была нанята ещё одна моделька – Лейла. Собаку ведь надо выгуливать. Пусть уж это делает молодая и красивая. Они забавно смотрятся и на зелёной травке, и на снегу. Шнырь прекрасно чувствовал себя на заднем сидении джипа и вскакивал туда вполне по-хозяйски. Конечно, Лейле больше подошла бы миниатюрная собачка, таких носят на руках московские подружки олигархов, девицы, которых постоянно тошнит от обилия денег. Микрособачка вещь удобная: говорят, если столь гламурное существо, как спутница олигарха, простите, пукнет, то можно кивнуть на животинку, это дескать, вот оно пукнуло, а собачке можно, она же такая няшная, такая мимимишная... Часто получалось, что это Шнырь выгуливал Лейлу, утаскивая её всем своим дурным весом. Получался эдакий «полёт Шныря». А в нём было около двенадцати пёсых килограммов.

Николай Петрович мысленно пробежался по своему сегодняшнему «расписанию». Для начала надо заехать в салон, пусть сделают маникюр-педикюр, массажик там какой-нибудь замутят. Это деревенщина всякая думает, что мужик должен быть несколько неопрятен и брутален. Фигня это всё. Настоящий мужик никому ничего не должен. Это его все обязаны холить и лелеять. Да, был он в юности нищесбродом, пока с правильными пацанами не связался. И сегодня его радовало, что «слугу народа» по полной программе обслуживает этот самый народ. И он, «слуга», решает, кому сколько заплатить, а кого уволить.

Так, значит, сначала в салон. Потом надо в Гордуму заехать, Генке-водителю надо сказать, чтобы не лихачил, сегодня гололёд, эти коммунальщики даже до административных зданий дороги расчистить не могут, лодыри. Надо поругаться во время заседания

комитета по дорожному хозяйству. Мол, куда наши службы смотрят, надо обратить внимание, взять на особый контроль! Недопустимо так относиться к народу и к народным избранникам! Направить обращение в адрес главы администрации! Чтобы потом журналоги написали: «Ай да Николай Петрович! Какие правильные слова сказал! Как о наших дорогах радеет! Все были бы такие депутаты, как Заботин!». Там, конечно, на заседании, говорильня одна, но тут уж надо потерпеть. Ну, как-нибудь, посидим, не впервой, на то он и планшет, на то он и Интернет... Так, потом заехать в офис «Digital Mobile», устроить разнос исполнительному директору, директору по персоналу и ответственной за маркетинговую политику. Чё-то за последний месяц продажи снизились. И какого лешего они мне лепят: кризис-шмызис, у людей денег нет... Не может такого быть. Впаривать не умеете, втюхивать не можете. А не можете – другие смогут. Капитализм на дворе, кто был ничем, тот стал всем. Пусть берут пример, как фастфуд в телеке рекламируют. Да после этой рекламы это говнище даже мне купить и съесть хочется и колой, прости, Господи, запить. Вот как работать надо! Достучаться, мать вашу, до сердца каждого, до мозга каждого, до того органа, которым каждый думает! Учитесь дурить покупателей, обещайте им наслаждение, устойчивую связь без брака, проводите акции по халяве, вешайте морковку перед носом! Как же бесят эти бестолочи!

Конечно, Заботин, кроме некоторых информационных сайтов, особо ничего не читал, тем более стихов, тем более Пушкина. Но однажды услышанные случайно строчки «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь» ему сразу запомнились и весьма понравились. Это звучало как слоган, как девиз, как концепция, но на людях депутат демонстрации любви к этой фразе позволить себе не мог. На выборы, пусть и по гарантированным так называемым партийным спискам, он шёл под несколькими лозунгами – «Заботин позаботится о людях труда», «Жить для людей, работать для людей!» и «От слов – к делу!». Чтобы не нанимать дорогостоящих заезжих пиарщиков, всю предвыборную кампанию кандидату Николаю Петровичу Заботину придумал отдел маркетинга «Digital Mobile», тот самый, руководителю которого он сегодня собирался сделать разнос. А тогда, в смутное время (а в нашем городе любое предвыборное время – смутное), Заботин очень хотел, чтобы в лозунгах ненавязчиво звучали такие слова и фразы, как «всегда

на связи с избирателем», «доверительный разговор», «откликнется по первому звонку», «активный, мобильный человек». В общем, так, чтобы постоянно капать на мозжечок электорату о преимуществах услуг компании «Digital Mobile». Эти маркетинговые крысы так и говорили: дескать, Николай Петрович, у потребителя надо сформировать подсознательную установку «выбираешь надежную телефонную связь от нашей компании – значит, выбираешь нашего надёжного кандидата, руководителя нашей компании», «он так же не подведёт, как и наша связь», «общение с избирателями будет таким же эффективным, как наши услуги связи». В последний момент было решено от слова «связь» в лозунгах и заголовках отказаться, потому что показалось, что звучит двусмысленненько и даже (тише, не так громко!) коррупционненько. И аналог тут хрен подберёшь: «взаимодействие» – как-то безлико и серо, «узы» – старомодно и настораживает, «консолидация» – нафталином горбачёвщины пахнет. Остановились на действительно удачном варианте. На большом экране за столом сидел кандидат в костюме-галстук и проникновенно, доверительно, насколько было возможно, смотрел в глаза, рука с мобильным телефоном – у уха. Он чуть подался вперёд, словно застыл в желании решать проблемы «простого народа». Под кандидатом было крупно написано: «Я ВАС СЛУШАЮ...». И ниже, помельче – «Искренне ваш, кандидат в Городскую думу Николай Заботин». Вот тут была и скрытая реклама, и особое написание слова «ВАС», которое позволяло обращаться одновременно и ко всем гражданам, и как бы к каждому персонально. Невольно помогла и фамилия: потому что он Заботин, он заботится о своих подданных, простите, избирателях, он – Добрый Хозяин, Вдумчивый Менеджер, Опытный Управленец, в конце концов, Оказывающий Содействие в Решении Насущных Вопросов. Он не какой-нибудь Узколобиков или Жидкотрищенко. Не какой-нибудь Бяков или Козьявкин. Он – ЗАБОТИН. Крупный, солидный, влиятельный. Его до дрожи все вокруг боятся. Ну, разве что за исключением Шныря.

«Да, чуть не забыл! – спохватился Николай Петрович. – На вторую половину дня запланирован приём граждан. Унылое обязательное мероприятие, к тебе приходят нудные просители, одному надо то, другому – сё. А куда деваться, это называется «работа в округе с избирателями». Ну, ничего, зато вечером в сауне попарюсь, потом вискарика накачу, а там чего-нибудь ещё придумаю для расслабона...».

Депутатский день начался и продолжился привычно. Утренний кофе порадовал. Это вам не растворимая гадость из супермаркета для массового покупателя. Это лювак, самый дорогой кофе в мире. Сначала кофейными зёрнами кормят каких-то зверьков, они их выкакивают – и вот вам эксклюзив. В этом смысл нашего маркетинга – продать какашку по цене бриллианта. Научить восхищаться «тем самым» вкусом. Потому что «не все йогурты одинаково полезны». Надо наших коров кофейными зёрнами кормить и говорить, что это вкуснотища (он вспомнил про свой ресторан), что это лювак, и тогда на нашем навозе можно нехило бабла срубить.

Потом Николай Петрович прогулялся по свежему морозному воздуху со Шнырём. Оба были неспешные и довольные собой. Их объединяла общая природа и отличало то, что Шнырь периодически задирает ногу и с умным видом приседал с конкретной целью, а Заботин – нет. «У-у... Каков засранец!» – басил Николай Петрович.

Прикатил на такси нагулявшийся Сергей, ходячий источник проблем. То его от ГИБДД отмазывай, то от армии, то в универе надо ему зачёты проставить, то ресторанам ущерб возместить, если набедокурит, разобьёт чего.

– Привет, батя!

– Явился не запылелся! Занялся бы учёбой! Все ж говорят – это сын Заботина, депутата. Нафига мне эти разговоры? Где «мерс» оставил?

– На Октябрьской припарковал, чё мне, датым за руль, что ли?

– Ты достал уже своими кутежами, понял?

– Ну, батя, ну, чего ты опять?

– Чего? Ничего! Я в твои годы уже зарабатывал! Хотя бы бухай в нашем ресторане, не шляйся по другим, не отвсечивай там!

– А я вот в свои годы иду щас спать...

– Спать! Вот так и проспидь всю жизнь. Я вот не сплю днём. Кручусь, всё сам. А он – «спать»!

Сергей нетвёрдой походкой зашёл в коттедж.

Как и предполагалось, Заботин устроил выволочку своему «офисному планктону», чувствуя, что срывает зло на невиноватых людях из-за шалопаю-сына. Они, конечно, догадывались, отчего зависит настроение босса – с какой ноги встал, всё ли сложилось-слеглось с Катей или не с Катей, как вёл себя сын, не шкодничал ли бульдог и так далее. Поэтому сегодня управляющим «прилетело» крепко.

Потом Николай Петрович привёз свое тело в Городскую думу, где, как он и хотел, высказал свое «фи» в адрес коммунальных служб и пригрозил «обратить внимание главы региона на данную проблему, а также органов прокуратуры, с тем чтобы были приняты соответствующие меры правового надзора и реагирования». Убедившись, что его суровую тираду записали присутствующие телевизионщики, он успокоился, откинулся на спинку кресла и погрузился в планшет. В нём он начал подыскивать место на земном шаре для очередного отдыха. «Вот, например, Таиланд... Рванём туда вместе с Катькой... Хотя зачем с Катькой, говорят, там то ещё местечко, зачем нам самовар в Туле...».

В обед он оказался в своей «Вкуснотище», заказал наваристый борщ, стопочку финской водки, соленья и блинчики с икрой. Шеф-повара ругать не стал, потому что после сытной трапезы благодушное настроение вновь удостоилось того, чтобы овладеть Николаем Петровичем. Он лишь подозвал главного бухгалтера и поинтересовался доходами-расходами за неделю. Результаты его не впечатлили: у «среднего класса» денег явно стало меньше, а элита, к которой причислял себя Заботин, не активно посещала его заведение. «Беда, хоть на базе ресторана бордель устраивай, но не к лицу такое народному депутату, попадёшь в прессу, в Интернет – не отмоешься. Ну ничего, скоро пойдут новогодние корпоративы, тут маржа точняк пойдёт».

После плотного и вкусного обеда явно клонило в сон. «Не зря в детских садиках был придуман «тихий час». Вот Серёжка-паразит его уже себе устроил... Распустил я его, не воспитывал ни фига, всё времени не было...».

Встретаться с гражданами было неохота. Заботин вошёл в приёмную, с него услужливо сняли пальто, препроводили и усадили под портреты руководителей государства и большое трёхцветное полотнище, подали список заявителей.

– Так-так, что тут у нас, – бормотал Николай Петрович. – Пу-пу-пу, ага, мать-одиночка, просит материальную помощь. Жалобы на управляющую компанию, заливает подвал, вопрос по начислению пенсии – это не ко мне, это в Пенсионный фонд, пу-пу-пу, так, житель с улицы Плеханова не может получить гражданство – этого сразу в ФМС направлю, опять материальная помощь, центру для слабовидящих. Так, где пресс-служба? Ага, на месте.

Девушка в углу (как её там зовут, да неважно) встала с фотоаппаратом наизготовку, приготовила диктофон, чтобы сегодня же в пресс-релизе отразить работу депутата в избирательном округе. Николай Петрович прекрасно понимал, что он встречается с людьми «из низов» только для этого – ради информационного сообщения и фотографии на сайте, где он внимательно смотрит на какую-нибудь бабушку. И видно, что бабушка его благодарит, благодарит. За починенную трубу, за перерасчёт пенсии, за ремонт внутридворовой территории, за трудоустройство внуков, за восход солнца и мир во всём мире.

Приём начался. Зашла ещё молодая, измождённого вида женщина, присела в кресло. Она сняла вязаную шапочку, потербила её, но суеты в ней не было, одна усталость.

– Ну, рассказывайте. Меня зовут Николай Петрович, я ваш депутат. Я вас слушаю.

– Меня зовут Семёнова Нина. Я многодетная мама, у меня трое детей. Младшему три года, средний – первоклассник, старшая – в четвёртом. Муж пьёт, то работает, то не работает. Всё пропивает. У меня у самой строительная профессия – маляр. Но приходится с ребёнком сидеть, второго в школу водить. Живём в однокомнатной квартире, когда муж пьяный – это кошмар. Но самое главное – денег нет. На еду надо, за квартиру надо, в школу надо, в садик надо. Ну, бабушка, мать моя, когда может, с младшим сидит...

Заботин поморщился. Типичная ситуация. Сколько таких приходит! Смотрят, как будто он может деньги из своего кармана вытащить. Оно, конечно, можно, но с чего бы? Всем не поможешь.

– А тут ещё Новый год скоро, а мне моим ребятишкам и подарить нечего, – продолжала женщина.

«Ей, пожалуй, ещё не было тридцати, и если её принарядить, отвести к стилисту, сделать макияж, она будет вполне ничего. Да не просто ничего, а супер. Ну, три ребенка, и не толстая совсем. А вложить-то в неё надо не так много, ну тысчонок 50-70...».

– Ну, и чего вы от меня хотите? – спросил её Заботин, почти не слушая, но больше фантазируя, как бы выглядела эта забитая, спонсируй он её на шмотки и прочее. «Сейчас ведь куча телепроектов, где из дурнушек делают секси, из золушек – принцесс. Ну, и чё такого? С баблом-то – хоть к модельеру, хоть к пластическому хирургу. Засунь наших «светских львиц» в хрущёвку, заставь жить

на МРОТ, добавь мужика-алкаша. Сдохнут через день. А эта – держится, детей тащит, чистенькая. Интересно, что бы она сказала, когда узнала, на сколько жрёт Шнырь? И вообще, во сколько мне этот Шнырь обходится? И сколько стоит мой кофеёк?».

Девушка из пресс-службы щелкала фотоаппаратом, что-то усердно записывала в блокнотик.

«А что если предложить ей денег, нормально так, приодеть, в ресторан сводить. Она будет рада, и с ней можно будет легко там всякие шпили-вили... Ну, типа вложиться в неё ненадолго, поиграть с ней, скажем так... А, с другой стороны, узнают, раскрутят, растиражируют. Нафиг я в депутаты согласился? Теперь – публичная персона».

– Николай Петрович, мне особо ничего не надо. Мне бы только чуть-чуть, чтобы новогодние подарки детям...

Заботин кашлянул, отогнал фантазии и подытожил:

– В общем, так: изложите вашу ситуацию на бумаге, отдайте моим помощникам в приёмной, а я подготовлю письмо в соцзащиту, чтобы зарезервировали три подарка. Ну, и чтобы небольшую материальную помощь выделили – на школьные принадлежности. Заставить мужа не пить не могу, сами понимаете. Это пока всё.

– Спасибо вам, – молодая заявительница встала и вышла.

Заботина даже обидело, как это произошло. «Где искренняя волна благодарности? Ей, наверно, дома на ужин на стол накрыть нечего, а она так просто, спокойно и достойно: «Спасибо вам». Дескать, с паршивой овцы – хоть шерсти клок. Дескать, как я задолбалась ходить по таким упитанным ромам, унижаться. Нехорошо люди относятся к власти, неблагоприятно. Мы столько для них делаем, приёмы проводим. Работу даём. А они – «спасибо», и всё.

– Следующий!

Он почувствовал себя доктором, к которому приходят безнадежно больные, а он их нехотя подбадривает, сквозь зубы. И они понимают, что всё это формальность. Но от «клока шерсти» не отказываются. И доктор этот не то чтобы шарлатан, просто ему до лампочки клятва Гиппократы. Его интересуют только деньги. И если он обеспокоен чьим-то здоровьем, то это здоровье Шныря. Главное, чтобы собачка была резва и хорошо кушала. У-у-у, засранец...

– Я говорю – следующий!

В помещение медленно, прямо по-улиточному, вползла бабушка, сгорбленная, в цветастом платке, её руки тряслись. Линзы в её очках были настолько толстые, что мир в них должен быть глобальным расплывчатым киселём, в котором всё смешалось – и богатые, и бедные, и депутаты, и «простой народ», и паршивые голодные дворняжки, и упитанные лоснящиеся Шныри, обычные женщины и модели женщин.

– Евграфова Клавдия Павловна? Жалуемся на коммунальные услуги? Я вас слушаю...

– А? Да, Евграфова я. Я вот что хочу сказать...

Бабушка говорила громко, потому что себя, наверное, плохо слышала.

– Я вот что хочу сказать... У меня в ванной подтекат труба. Соседи ругаются, что я их проливаю.

– А сантехника не пробовали вызывать?

– А на что ж я буду вызывать? Пенсия у меня ма-ленька...

– Так он обязан бесплатно сделать. У вас какая управляющая компания?

– Это чавой-то?

– Так... Адрес у вас какой? Ага, Станиславского, 27. Ага, значит, «Универсал-Сервис». Мои помощники туда позвонят. Сделают вам трубу.

«Это называется черновая работа. Практическая. Унитаз у кого забьется – к депутату. А что – народ есть народ. А у народа есть чаяния. Какое забавное слово – «чаяние». Надо придумать ещё и «кофение». Народные чаяния и кофения».

– А вот ещё чего хочу сказать, – продолжала бабушка, – почему у меня вода так дорого стоит? Холодна ещё нормально. А горяча – откель у меня таеи деньги? Нельзя ли мне вапше эту горячу отключить? На кой ляд мне эта горяча? Я на эти деньги лучше лекарств себе куплю.

– Бабуль, а у вас счётчики на воду стоят?

– Каке щётчики! Нету никакех щётчиков!

– Я дам поручение – поставят вам счётчики. Тогда и платить вам меньше будет. А просто отключить горячую воду нельзя...

– Да сколь мне годков, куда мне эти щётчики! – махнула рукой бабушка. – Я и пользоваться ими не умею.

– Всё вам поставят, расскажут, что с ними делать. Будете платить меньше. Только так, – начинал раздражаться Заботин.

– А вот я что ещё хочу сказать... У нас у подъезда молодёжь постоянно сидит, пьют, шумят, безобразят. А я сплю плохо, а тут оне.

– И что?

– Зоруют!

– Мы всё решим, всё возьмем на контроль! – стал выходить из себя Заботин и посмотрел на пресс-службовскую. – Напиши там, что проблемы будут взяты на контроль и будет проведена системная работа в отношении поднятых в ходе приёма граждан вопросов!

Пресс-службовская кротко кивнула и быстро застрочила в блокноте.

– Вот хорошо, вот вам прям поклон... А я ещё вот чего хочу сказать...

Бабушка, похоже, не собиралась уходить. Ей казалось, что её впервые за несколько лет готовы слушать. Она попыталась поднять проблему вывоза мусора, рассказать о забывшей её дочери, живущей в Самаре, погибшем на фронте отце, о трудностях при походах в магазин, о больнице, в которой она часто лежала, о повышенном давлении. Наконец она ушла. И только после того, как сотрудник депутатской приёмной её пристыдил: к Николаю Петровичу много людей записалось, не всё же время посвящать Клавдии Евграфовне, Станиславского, 27.

И хотя после бабушки посетители пошли подинамичнее, Заботин чувствовал себя утомлённым. Одна мамаша просила материальную помощь на лечение тяжелобольной дочери. Заботин позвонил в минздрав и быстро решил это вопрос. Пришёл таджик-гастарбайтер и на ломаном русском лепил о содействии в получении российского гражданства. Экзальтированная дама хотела денег на организацию частного приюта для собак. Учительница музыкальной школы просила денег на поездку талантливого ребёнка на конкурс в Москву. Всё это было «взято на контроль».

В завершение в приёмную вошла неопределённого возраста дама, в кокетливой шляпке, вся в чёрном, на груди – необычный амулет в виде жирного паука. На шее – узорчатый платок. Перед тем как сесть, она легким поклоном почему-то приветствовала портрет главы государства и как будто даже подмигнула ему. Более того, у Заботина было такое ощущение, что портрет ей в ответ, судя по её лицу, тоже подмигнул. Но депутат этого видеть не мог, потому как изображение Президента было за его спиной и сверху. От этого стало не совсем уютно.

– Кто вы? Вас нет в списках...

– А я без предварительной записи. Я по зову сердца. Марина Ивановна Туманова, директор муниципального центра для слабовидящих «Луч света», адрес: Пушкинская, 10. У меня вопрос о содействии в развитии нашего социального учреждения.

– Слушаю вас. Только по теме, по сути, а то мы и так засиделись. Итак...

Он вчитался в бумагу, которая положила перед ним странноватая посетительница.

– В вашем предварительном обращении вы просите выделить... 33 тысячи 333 рубля. Позвольте спросить, почему обозначена такая... точная сумма?

– Знаете, уважаемый Николай Петрович, когда мы делали расчёты, то пришли к выводу, что пять троек – это просто очень красиво. Не правда ли? Нам эта цифра просто очень понравилась. Мы подумали, что депутат Городской думы Николай Петрович Заботин, крупный бизнесмен, известный авторитет, ну, то есть авторитетный человек, нам эту сумму выделит. И что ему она тоже понравится. Пять троек. Тридцать три тысячи триста тридцать три.

– Так, стоп. Вы тут начали сразу шутки шутить, у меня тоже есть чувство юмора. Но давайте к делу. Все устали, не будем отвлекаться.

Заботин хотел побыстрее свернуть этот балаган под названием «депутатский приём граждан». Шизофреники обычно приходят весной и осенью, а сейчас вроде как декабрь.

– На какие конкретно цели вам необходимы средства в центр для слабовидящих?

Марина Ивановна внимательно посмотрела на депутата и после изрядной паузы заговорила монотонно, молитвенно и убаюкивающе:

– Не для слабо-, а для ясновидящих. Там, в справке, вероятно, ошибка. У нас – муниципальный Центр ясновидящих. Мы собираемся по интересам, гадаем, предсказываем, привораживаем, снимаем венцы безбрачия, крепим семейные связи, наводим порчу, заглядываем за информационный горизонт, штопаем ауру, если прохудилась, оказываем услуги по расположению мебели в квартире по фэн-шую, программируем на успех в финансовых делах, карты Таро, чистка кармы, исходя из степени загрязнения, астрал, магический шар...

– Так, хватит, я не буду тратить время на глупости. До свидания.

Заботин хотел встать, да не тут-то было. Зад словно приклеился к креслу, руки и ноги отяжелели, будто выключилось земное притяжение и включилось какое-нибудь юпитерское.

– Вижу, вижу у тебя безысходность глубокую, будущее беспросветное, дом казённый. Вижу и прошлое твоё весёлое. Знаю, из-за чего от тебя первая жена ушла. Знаю, как на тебя наезжали бандиты, как ты с ними соглашение заключил. Знаю, во сколько тебе обошлось депутатское кресло. Какие ты уловки практикуешь, чтобы покупателей облапошить. Знаю, сколько ты заносишь в чемоданчике и кому, какие транзакции проводишь, обналочка, серые схемы – до рубля, до евро, до доллара. Все счета, всю недвижимость. Я знаю больше любой налоговой, любых спецслужб. Потому что я знаю ВСЁ. Потому что всё ЯСНО вижу.

– Ни хрена себе... Не задался день, – залепетал Заботин, немолимо погружаясь в неожиданный гипноз. Пресс-службовская продолжала невозмутимо строчить в блокнотике и щёлкать фотоаппаратом. Депутат попытался запретительно помотать в её сторону головой, но девушку это не остановило.

– Я вижу сквозь стены твоих хором, за которыми ты укрылся от людей, пряча свою роскошь. В твоей крови – кофе, который побывал в кишечнике заморских зверьков. В твоих жилах – литры бензина, которые сгорают в твоём дорожном джипе. В твоём мозгу – реклама и деньги, деньги и реклама. Но что будет, когда твой бульдог подавится костью? Когда могущественные люди поймают тебя на жульничестве? Когда и вторая жена от тебя уйдёт, не захотев носить тебе передачи?

Глаза на паучьем амулете нехорошо сверкнули. А из взгляда ведьмы – а это точно была ведьма – уже нельзя было выпутаться.

– А ещё, депутат, бывают разные болезни. И знаешь, что? Не все из них лечатся деньгами.

– Я заплачу, я отдам, я всё отдам, – еле ворочал языком обездвиженный и паникующий Заботин. Но он уже ощущал, как язык тоже немеет, словно ему зубной врач вколол изрядную дозу обезболивающего. А теперь ему предстоит хирургическая операция – удаление зуба, а может, и не одного. А вдруг этот хирург – садист, вдруг он вырежет у него, всё сознающего, какой-нибудь орган, продаст его, и почка или печень, или сердце спасёт очередную гнусную жизнь какому-нибудь заживевшему гаду, который намного богаче Заботина.

«Ну вот: сегодня ты – врач, а завтра ты – пациент. Всё может вмиг перевернуться. Но почему молчит сотрудник приёмной? Почему спокойна эта чёртова девка из пресс-службы?! Она, тварь такая, продолжает эту жуть фоткать! – внутренне орал Николай Петрович. – Ага, я понял! Они заодно! Её тупо купили! И этого завприёмной – тоже! Завтра в Интернете появятся фотографии, и весь мир будет ржать и тыкать в мониторы пальцами!».

– А не желаете ли покаяться, господин «слуга народа», а может, чем чёрт не шутит – исповедоваться, – продолжала монотонить стервятница в чёрном.

«В чём покаяться, я ничего такого, – мысленно отбивался Заботин. – Капитал сколотил своим умом, никого не убил... Лично – никого. А то, что у меня женщин много и пожрать хорошо люблю, так что в этом такого... Если и предъявлять какие серьёзные претензии, так есть мерзавцы пострашнее меня... Что я? Я – так, мелочь... Их полно, великих. Их бы, а не меня, надо в первую очередь в ад или куда у вас там определяют таких...».

– Значит, не понял ты ничего. Ладно, раз убеждение не работает, применим другой эффективный педагогический прием – наглядность.

В сознании Заботина вспыхнула картина-воспоминание из середины восьмидесятых. Он – школьник. Стоит в строю на «линейке» среди одноклассников. На всех – красные галстуки. Звучит голос: «К борьбе за дело Коммунистической партии – будьте готовы!» – «Всегда готовы!», – отвечают дети, вскинув руки в «салюте». Этот жест означал – Николай Петрович это помнил, – что пионер ставит общественные интересы выше личных.

– Смотри, ты нарушил пионерскую клятву. Ты стал жить для себя.

«Но ведь все так!»

– Отвечай за себя, бывший пионер Коля Заботин. Ты клялся на красном знамени, цвета крови твоих предков. Тебе повязали такой же кровавый галстук.

«Мне НАвязали! Я был, как все! Я не понимал, что такое дело Ленина, я думал, что... Это такая игра. Как озорница или, нет... зарница».

– Ты поклялся – и потом наплевал на эту клятву. Ты – клятвоотступник.

«Да я что! Сначала нам говорили, что добрый дедушка Ленин всех осчастливил, и мы должны быть верны его заветам. Потом нам сказали, что всё это фуффло, и надо жить для себя и делать бизнес, что надо урвать себе столько, сколько унесёшь. Потом нам сказали, что это тоже нехорошо. А что хорошо – толком не объяснили. И сейчас каждый живёт как хочет и никого не слушает. Причём тут я?» – протестовал Николай Петрович.

Общественная приёмная наполнилась туманом. Ведьма приблизилась к Николаю Петровичу, потрепала его щёку холодными пальцами.

– Вот смотри, бывший пионер Коля Заботин. Вот смотри, пока твой мозг ещё способен на что-то. Итак, вы стоите, пятый Б класс, посмотри на некоторых, слева направо.

Димка Фокин, почти отличник, занимался баскетболом и авиа-моделированием. Принёс в школу наклейки машинок. Добрый мальчик, всегда давал всем списывать математику. У него были хорошие перспективы, закончил политех, но работы не нашёл. Убит бандитами в 1998 году, целились в одного, а он случайно подвернулся. Жена от горя сошла с ума. Дальше по пионерскому ряду: Галя Трофимова. Ей повезло – эмигрировала в Испанию. Поехала как турист и не вернулась. Гриша Рукавишников, да-да, этот курносый мальчишка с веснушками, который переживал, что только три раза подтягивается и поэтому девчонки не будут на него обращать внимания. Он спился. Вот ты пьёшь лювак, а он пил «левак». А всего лишь – одна буква... Наташа Светова, косички взброс, – сейчас сидит с двумя детьми и тремя кредитами, к ней приходят коллекторы и грозят сжечь дом. Полиция не занимается, говорят, вот если будет нанесён ущерб, тогда и будем разбираться. Следующий – двоечник, сорванец, галстук неглаженный, жвачку под парту лепил. Не поверишь, господин депутат, он стал школьным учителем. Учит детей истории. Зарплата смешная, на костюм приличный не хватает, с личной жизнью не везёт – потому что стыдно мужику мало получать... А знаешь, почему у нас учителя – бедные? Потому что кто-то – не будем показывать пальцем – эти деньги украл.

«Это бюджетные деньги. Я их не трогал. Да не мог украсть деньги у всех!» – отчаянно мысленно барахтался Заботин.

– Продолжаем. Видишь этого замечательного мальчишка? Да, ты его прекрасно помнишь, Эдик Герасимов. Этому повезло, рано

уехал в столицу. Стал управляющим банка. Деньги делает из денег. Такой же, как и ты, только ещё хуже. У него даже собаки нет. Только помешался совсем, ни о чём, кроме прибыли, уже думать не может. Леночка Кирпичникова. Просто продавец в продуктовом магазине, переклеивает этикетки на просроченных продуктах, ничего интересного. Вася Уланкин. Отслужил, пошёл в охранники магазина. Пятнадцать лет мыкался, пробовал работать сантехником, слесарем, сторожем. Сейчас осужден за кражу, по пьяни вынес какой-то металлолом из чужого гаража: два года зоны. Смотри, вроде ещё все равны, все мечтают стать кем-то интересным, но никто из этих ребяташек себя по-настоящему в жизни не нашёл. А знаешь, почему?

Парализованный Заботин мотнул головой.

– Потому что такие, как ты, отняли у остальных будущее. Вы завладели всем. Вас – жалкая доля, вы сами – жалкие, но вы всем владеете и перекрываете воздух другим. Вы наслаждаетесь за счёт других. Вы – люди-аскариды...

Видение строя пионеров исчезло. Заботина снова сверлил взгляд, как там её, Марины Ивановны. И от этих глаз оторваться было невозможно. Они впились глубоко и больно. А на периферии зрения Николай Петрович заметил, что огромный паук на амулете ожил и потихоньку ползёт к его галстуку. Медленно, но верно. Жирный, мохнатое брюшко, мохнатые лапки. Всё ближе и ближе.

А вот женщина-исчадие включила ещё одну картинку из прошлого. Коля совсем маленький, ему лет пять. Он играет во дворе с другими детьми. Зима. Они лепят снеговиков. Катают комья снега, водружают ком на ком, делают из веточек руки. Комочек – нос, два комка по бокам – уши. У Коленьки – своё изваяние, у двух мальчиков, чуть помладше, – свои. Дети начинают бросаться снежками, попадают ему в лицо. Он разозлился и разбил их снеговиков, да ещё вдобавок растоптал ногами. Мальчики расплакались и убежали домой, наверное, ябедничать родителям. Коленька остался вдвоём со своим снежным произведением. И, наверное, понимая, что и его скульптура долго не проживёт, разрушил её. На миг ему показалось, что снеговику больно и что он был не такой уж и холодный. И от всего сделанного стало так обидно-преобидно, что Коленька разревелся.

Паук уже полз по его костюму, подбирался к шее. И вот он уже скребёт по ней лапками. От ужаса и соприкосновения дрожь со-

трясла беспомощное заботинское тело. А сейчас – Николай Петрович уже знал это наверняка – мерзкое насекомое залезет ему в глаз. Этим глазом Заботин уже видел паучьи челюсти, чем-то отдалённо напоминавшие оскал его бульдога.

Беззвучный крик наполнил всё депутатское существо...

– Ф-фу-ух, приснится же такое, аж вспотел...

Николай Петрович открыл глаза. Он потянулся и размял затёкшие мышцы.

Ковёрный клещ

Лежит ковёр. Приятная ведь вещь?
Но в нём тайком живёт коверный клещ.
Он копошится и, пожрать ища,
оправдывает образ, стиль клеща.
Он непригляден, он никчѐмен. Что ещё?
Никто бы не хотел так жить – клещом.
И часто вызывают на ковёр
с утра, когда глаза едва протѐр.
И подковѐрная возня – обычный грех,
хотя пылицы хватит-то на всех,
покуда не наступит выходной,
и пылесос, что черною дырой
поглотит, в неизвестность всех таща...
Таков удел ковѐрного клеща.

Холуин

Этот сон ему снился часто. Каждый раз он сводился к одному сюжету: после окончания школы прошло много времени, два десятка лет, но алгебра не была выучена, и за неё в выпускном классе у него не поставлена оценка. А поэтому аттестата о среднем образовании тоже не было. И вот, чтобы получить его, приходилось опять садиться за парту, таскаться в уже забытую было школу, учить всё заново, вместе с малолетками. И даже во сне мучил вопрос: ну сейчас-то для чего этот аттестат, есть же вузовский диплом, получен же он как-то, специальность «Экология и природопользование», вот, пожалуйста, корочка синяя такая... Так нет же, раз в месяц, а то и чаще приходило по ночам это ощущение невыученного, упущенного, непоправимого. И снова, снова он непонятно зачем пытался выучить эту ненавистную алгебру, пытался уловить логику в нагромождении цифр, эти жуткие функции, логарифмы. Старшеклассники смеялись над ним: и чего это взрослый дяденька опять учиться пришёл, ха-ха, пальцами в спину тыкали, перешёптывались. И эти насмешки подливали масла в огонь уныния, тускло тлевшего весь сон, с вечера до утра. А с утра до вечера чадила нынешняя реальность, тоже не столь доброжелательная, лучшим финалом которой становилось ночное инобытие. Жизнь имела чёрно-белый формат, который прерывался выходными, друзьями и вялыми, безрезультатными ухаживаниями за соседкой Любкой.

А ещё он заметил одну особенность: неприятные сновидения почти всегда так или иначе воплощались на следующий день в нечто такое же нервное, грязно-липучее. Поэтому, открыв глаза и попав в действительность, консультант отдела по экологическому мониторингу министерства сельского хозяйства одного из субъектов необъятной Российской Федерации Сергей Николаевич Ухов безразлично покосился на мобильный телефон, который в очередной раз исполнил роль будильника.

Ухову приходилось не просто ходить на нелюбимую работу, но и выполнять её, жить на ней, отдавать ей, как жена-неудачница, «лучшие годы». Уволиться он боялся, потому что мал золотник, да дорог, зарплата первого числа, шестнадцатого – аванс, стабильность, мать её. Не дворник с метлой на холодном ветру, не меха-

низатор в поле весь в масле и соляре. Ну да, офисный червяк, чиновничиска, который вечно боится, что его раздавит лакированной дорогой туфлей Самый Большой Начальник или покусает до смерти сослуживцы-крысы и сослуживицы-змеи, за глаза называющие Сергея Юрьевича Лопуховым. Ну и ладно. Когда-то в школе его сначала дразнили Ушастым, а после прочтения «Войны и мира» – Безуховым.

Так получилось, что в его отделе работали только женщины в возрасте «ягодка опять++». Полянка из этих ягодок никогда не была местом, где можно было расслабиться. Все ягодки были волчи, и каждая ядовита. Эти дамы улыбались друг другу, взаимно восхищались своими юбками, нюхали друг на друге парфюмерию. Они болтали без умолку, обо всём, – о погоде, о болезнях, о нижнем белье, о том, кто чей любовник. Они любили лечиться, глотали для профилактики разные таблетки, поочередно измеряли давление. На Ухова они мало обращали внимания. Когда одна из них выходила из кабинета, то становилась предметом «перемывания костей» остальными. Ухов иногда называл место своей работы «мини-СТЕРВство». Ему ежедневно приходилось невольно выслушивать тонны чепухи и сплетен. Иногда его подташнивало, когда, обсуждая какого-нибудь мужика, они употребляли слово «непромытый». Велик русский язык, но именно оно, это слово, представлялось самым мерзостным.

А ещё бывал отпуск длиной 1/12 жизни, когда принадлежишь себе, и утраченное достоинство приходит, словно в гости, когда официант в каком-нибудь Дрездене приносит тебе настоящее пиво. С настоящими сосисками из настоящего мяса (привет нашему минсельхозу). Сидишь, объясняешься с ним, как белый человек, на английском и не хочешь вспоминать ни хамоватую родную действительность, ни бомжей Казанского вокзала в Москве, ни свой отдел, ни Павла Александровича, министра, того самого – Самого Большого Начальника. Но самолет из Европы неизменно возвращался, и всё повторялось снова – боязнь оплошать, вздрагивание от телефонных звонков.

«Марсельеза» вернула его в 31 октября. Ухов намеренно устанавливал на мелодии пафосные, сверторжественные, патетические мелодии – гимн России, «Боже, Царя храни!», гимн Лиги Чемпионов, «Оду к радости», «Марсельезу» и тему из «Звездных войн», где давным-давно, в одной далёкой-далёкой галактике. Ему казалось,

что эта бравадность как-то будет взбадривать его, подталкивать к активным действиям, когда ему будут звонить, и когда пробуждение будет таким «торжественным». До «Марсельезы» были именно «Звездные войны», но эта музыка порождала в голове образ Джаббы Хатта, толстого слизняка-деспота, непринужденно закусывающего своими слугами, которые постоянно пытались ему угодить. А уж кого Джабба Хатт напоминал Ухову, было ясно как день. Как очередной серый рабочий день.

И вот сегодня снова этот нехороший сон: его вернули доучиваться в школу, осваивать алгебру, эти формулы и уравнения, которые он не понимал и знал, что понять их уже поздно. «К доске пойдёт...». Шариковая ручка строгой советской учительницы неумолимо опускалась в конец списка. «Ухов!». В классе смех, возгласы одобрения. Он идёт к доске, ноги ватные. На него устремлены десятки глаз, кто-то смотрит с брезгливостью, кто-то сочувствует, кому-то всё равно. Ухов берёт мел, и звук, когда белый крошащийся кусочек трётся о доску – скрипуч, визглив, отвратителен. Задание вроде написал, но как решать... Проходят мучительные секунды, но идей нет... Ухов пишет что-то наобум. «Да, с такими успехами придётся оставить тебя на второй год», – раздаются в мозгу слова математички. Кто-то из учеников бросает в него грязную мокрую тряпку, она, как медуза, прилипает к его спине. «Ушастый – сифа! Сифа!» – отдельные крики сливаются в общий надрывный хор. Ненавидистные ученики уже почему-то в масках чертей, ведьм, поросят, волков, медведей с учительницей встают, и поют: «Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé!».

«Это мобильный, спасительный мобильный с гимном против тирании зажавшихся начальников и злых математичек. Специально для таких, как я, для сережек уховых», – подумал чиновник. Итак, на календаре и правда 31 октября. В западных странах этот день называется Хэллоуин, и вроде как активизируется нечистая сила, дети наряжаются во всяких существ, пугают друг друга тыквенной головой, глаза и рот изнутри светятся свечным огнём.

А вот и нет. Ничего этот мобильный не спасительный. Если в америках и прочих ирландиях – Хэллоуин, то у нас, по крайней мере в нашем министерстве, это другой праздник – день рождения Самого Большого Начальника, Паллисаныча.

Ухов уже давно воспринимал происходящее на своей работе как ежедневный языческий обряд жертвоприношения главному идолу, чтобы заслужить его снисхождение. Кабинет Паллисаныча – пузатого, грозного и капризно-непредсказуемого существа – был центром мира, капищем, где Перун современности, гневливый бог, повелитель молний, наказаний и поощрений, со слюнявым ртом, кривился в гримасе, отбрасывал в сторону подносимый документ и кричал: «Опять говно написали! Разогнать вас всех к такой-то матери!». Бывало, что у людей случались инфаркты, они бледнели, у них дрожали руки, они что-то лепетали в свое оправдание, но терпели, потому что думали, что вдали от капища жизни нет, работы нет. Они привыкли терпеть и даже по-своему любили Паллисаныча, потому что Он есмь работодатель, поилец и кормилец их семей, а если будет в настроении (будет, обязательно будет!), то под Новый год, глядишь, и подпишет Самую Главную Бумагу – распоряжение о премии. Каждый день, каждый час чиновников во всех отделах, управлениях и департаментах министерства, от начальничков побольше до уборщиц, интересовал Самый Главный Вопрос – «Как у Него настроение? В духе ли?». За последнее время все научились отвечать на него, бросив взгляд на секретаршу Светика. Если стеснительная, но счастливая улыбка, – Он в Духе. Если глаза бегали, лицо было бледнее обычного, хотя обычно оно было тоже бледное, как у Арлекина, то – беда, стихийное бедствие. Макияж у Светика был тоже какой-то арлекинский. В общем, постоянная задача министерского племени была – ввести Самого в Дух.

А Светик в приёмной Паллисаныча на днях выдала:

– Вот иметь бы такой волшебный приборчик, который бы мысли читал. Только бы Он подумал: «Кофе хорошо бы, с лимоном, сахара два кусочка, со сливками...». Я бы – раз! И всё бы заранее приготовила... Или нет, лучше приборчик, который бы мысли предугадывал...

– Он бы разозлился, что ты его мысли угадываешь, – резонно заметил ей на это Ухов, в волнении ждущий аудиенции.

– Да, ты прав, – грустно сказала Светик, и стала ещё больше похожа на Арлекина. Она ежесекундно помнила, что предыдущую секретаршу уволили, потому что у неё под рукой не оказалось сливок к кофе.

Сегодня Введение Самого в Дух было особенной, непростой, задачей. И праздничная лесть должна была быть в несколько раз

сильнее, действенной будничной. Сегодняшнее камлание должно быть глубже, искреннее обычного. Но самое жуткое – это должны быть не просто поздравления и славословия, а что-то креативненькое, как выражался Сам. А то решит, что ничего не придумали, что всё штампованное, серенькое, формальное. Так-то они меня уважают! Лицемеры! Всех уволить!..

Сегодня на Ухове лежала тройная ответственность. Ему поручили придумать оригинальное поздравление от имени всех сотрудников управления. Сценарий. А значит, он в этот день по сути отвечал за настроение Самого. Часть ответственности на себя взяла Маргарита Иосифовна, начальница информационного обеспечения. Будучи в годах, она верила в то, что Самый Большой Начальник на самом деле добрый и замечательный человек, и никакой он не старый Перун, вечно всем недовольный и гром и молнии низвергающий. А просто сотрудники бестолочи и выполняют его поручения не с должным усердием, рвением и тщанием. Стоит только исполнить всё как нужно – и воссияет улыбка на лице Его. Но как-то всё не получалось, как-то всё не «воссияивала».

За две недели Ухов и Маргарита Иосифовна начали, как выражались в министерстве, сушить мозг и придумывать что-нибудь эдакое. Поздравительные стихи, найденные в Интернете, были пошлыми, однообразными и глупыми. Ага, попробуй найди хорошее поздравление в стихах для министра! Песня? Выстроиться в ряд и спеть? Любая песня в исполнении хора из наших сотрудников прозвучит как издевательство, как намек, а значит, как повод для порчи настроения, а значит, страшно подумать... Танец? Ещё хуже. Просто подарить подарок? Какой? Фото в красивой рамочке? Банально. Дорогие часы? Во-первых, дорого, во-вторых, скажет, что это намёк, что Мне пора уходить, а не пойти ли вам самим отсюда подальше... Подарками Его не удивить, у Него есть всё... Здесь нужен нестандартный ход...

И вот что надумал Ухов. Драматургия. Сценка. Крепостной театр имени Самого Большого Начальника. Сюжет таков: посланцы всех концов планеты прибыли поздравить Величайшего Паллисаньча. Все дела бросили – и прибыли. А так как они говорят на разных языках, то нужен переводчик. Это был первый придуманный образ, и Ухов отважился в него вжиться. Дальше придумывать было легче – Маргариту Иосифовну решили нарядить японкой, за что её сослуживцы тут же окрестили Японой Мамой. Консультан-

та министерства Галю решили обрядить в образ пресс-секретаря Госдепа США Джейн Псаки – кепка, шорты, кроссовки, с глобусом в руке, именно так, по мнению Маргариты Иосифовны, должен выглядеть рупор американского империализма. Из мужиков отдела развития сельских территорий было решено сделать «грузинский хор». Заодно они должны вручить символический дар – бутылку вина из солнечной страны. Предложение подарить рог как символ изобилия было забраковано сразу. А то подумает, что это намёк на какие-нибудь рога, тогда прости-прощай хорошее настроение. Но абсолютной «бомбой» должен стать начальник отдела экономического анализа и прогнозирования Виктор Петрович Климов. Его образ – арабский шейх, в белой простыне. Вот это – точно прокатит. У шейха будет микрогарем, туда войдут две молодые сотрудницы и, собственно, Светик, которая на несколько минут покинет свой пост №1 в приёмной. Нашлись и «итальянка» с «французенкой», и цыганка с медведем, которая нагадает Паллисанычу многая лета, золотые горы и прочего счастья, непонятно как только это всё влезет в него, уж некуда вроде... Отрепетировали. Временами даже было весело. Лишь бы понравилось Самому, лишь бы «зашло»...

Дорога на работу была привычной. Осенний холод, полудождь-полуснег. Грязь. Отрешённые лица пассажиров микроавтобуса. Из кабины водителя раздавалось «утреннее шоу». Два мужских голоса и один женский возбуждённо, перебивая друг друга, хохоча, изображая приподнятое настроение, засоряли мировосприятие. Конечно, предметом обсуждения между музыкой, тоже громкой, суетной, был сегодняшний Хэллоуин – кто как его празднует. «Я вот сегодня упразднюсь – устроим представление. Только тыквы не хватает», – думал Ухов. Его бесили два «праздника» – Хэллоуин и День влюбленных, 14 февраля. По его мнению, эти две даты были высосаны из пальца. Потом слушателям предложили звонить в прямой эфир, чтобы они ответили, надо ли брить подмышки и почему. Потом ведущая поделилась новостями со всего света под смех и комментарии коллег: канадец нарядился в дерево и парализовал тем самым дорожное движение, филиппинец бросил в своего друга собакой, и тот подал на него в суд, а житель Австралии в знак протеста сел голым задом на дикобраза. И, конечно же, – гороскоп: сегодня, 31 октября. Тельцам предстоит напряжённая работа, а вечером – романтическая встреча, Овнам не стоит доверять словам коллег,

а Козерогов вызовут к начальству, и надо готовиться к неожиданностям... Ухов как раз был Козерогом. Он вспомнил, что его приятель-журналист сам сочинял эти гороскопы, когда астропрогнозы из Интернета были скучные. «Господи, какая хрень, – внутренне скулил Ухов, – утром шоу, днём – шоу, вечером по телеку – ток-шоу... Все орут, друг друга перебивают, никто никого не слышит...».

Нарумяненная, прихорошившаяся и даже похорошевшая Маргарита Иосифовна поставила задачу поздравить Самого раньше всех. До коллег-министров, до губернатора, до депутатов, до глав районов. Чтобы отмучиться побыстрей. Все с этим согласились и за полчаса до начала рабочего дня стояли наряженные в отделе племенного животноводства, который временно превратился в гримёрку.

«Шейх с гаремом, цыганка, грузины... Настоящий Хэллоуин. Точнее – Холуин, – с тоской подумал Ухов. – Холуйский шабаш...».

И вот час X настал. По согласованию со Светиком новоиспечённая труппа всыпалась в кабинет к Самому. «Ну-ка, фрукты, встаньте в ряд, вместе мы – увядший сад», – перефразировал про себя Ухов старый рекламный слоган.

Самый Большой Начальник был приятно удивлён, расплылся в улыбке. Он вышел из-за уставленного дорожками коньяками, фруктами и бутербродиками с икрой стола, поправил галстук на круглом животе.

– О, как!

– Высокоцитимый, дражайший и достолюбезный Павел Александрович! – начал читать листки в папке Ухов и тут же подумал, что это, пожалуй, перебор, всякому лизанию есть предел. – В замечательный день Вашего рождения представители разных континентов, бросив все дела, примчались сюда с поздравлениями, подарками, данью, оброком, калымом... Итак, первая иностранная дама – Япона Мама.

– О, Павел Александрович-сан! Хадзимасите sake, суши, мандзю, васаби, ясай. Япона-мама вас поздравляй! – протараторила завернутая в псевдокимоно гейшеподобная Маргарита Иосифовна.

– Сакура зацвела, чашка sake в руках. А тут – звонок из приемной, – «перевел» с японского «толмач».

«Если наш раёшный театр не придётся по вкусу, всем актерам надо будет сделать харакири и провалиться на дно Фудзиямы», – мелькнуло в сознании Ухова.

Он не успел вспомнить, что Фудзияма – это гора, и продолжал:

– Япону Маму сменяет Джейн Псаки, компетентная дама от Обамы Бараки.

– Горы Ростова, моря Белоруссии, наша планета – для Вас будет пусть, и мистер Обама Вам дарит в презент, только найдите всё сами, май френд! – проангличила консультант Галя. Она вручила Самому Большому Начальнику глобус и отпорхнула назад. Она была одной из немногих, кто не боялся быть уволенным. Тем более, в настоящее время она переживала бурный роман, и поэтому для неё меркли любые грозные старые перуны.

Самый Большой улыбался всё шире. Шоу ему явно нравилось.

– Слово предоставляется самому состоятельному гостю, шейху Сауду ибн Махмуду Абуль-буль второму.

Заговорил «шейх», заглядывая в шпаргалку и имитируя «восточный» акцент:

– Ассалам алейкум, о, солнцеликий! Мудрый, сильный, великий. Из 365 жен я привёз самую дорогую – смышлёную, свежую, молодую.

В укутанной «жене» именинник узнал Светика, которая внесла ему с поклоном кофе. Чувствовать себя восточным деспотом министру было приятно.

– Буон-джорно, бамбино! Чао, синьор! – вступила «итальянка».

– Жеву лямур, мон сеньор, – вторила «французенка».

– Представительницы Евросоюза поздравляют Вас с днём рожденья и желают посетить свои прекрасные страны, – «перевел» Ухов. Тут ему кто-то позвонил, и его телефон исторг «Марсельезу». «Хорошо, что получилось, будто так задумано, – подумал он, прервав мелодию на конце фразы. – Что ж я звук-то предварительно не выключил, это ж театр!».

Потом на авансцену выскочила «цыганка», суля Самому блистательное будущее и золотые горы. В её руке был поводок с начальником отдела развития сельских территорий в маске медведя, который прохаживался, слегка ревел, притоптывал и махал «лапами». Почти детский новогодний утренник, если забыть, что Топтыгину было уже за пятьдесят.

Наконец грянул «грузинский» хор, и бутылка дорогого «Кинзмараули» была вручена виновнику торжества.

Цель была достигнута, Паллисаныч вошел в хорошее настроение и до вечера из него не выходил. До конца рабочего дня в расслабленном состоянии было и всё министерство. Добрый (всё равно добрый, а вы сомневались!) Паллисаныч распорядился отдать остатки закусок и часть огромного несъеденного торта (а то испортится) в отделе министерства, «актёры» хорошо закусили и попили чайку...

Домой Ухов ехал на общественном транспорте, в котором уже не было никакой навязчивой музыки. Уставший народ, разделавшись с очередным рабочим днём, возвращался по жилищам. «Вот сантехник – чинит унитазы. Ценный человек? Безусловно, – размышлял вечерний пассажир. – Иначе всё зальёт дерьмом. Если всё зальёт дерьмом – это непорядок. Поэтому сантехник – нужный человек, ибо обслуживает нужник. Да. Хирург режет и спасает жизнь, отбрасывая лишние органы. С органами исполнительной власти так не получится. Ха-ха. Куда мы без хирурга. Учитель учит детей, и хороших, и лентяев, и лоботрясов (тут Ухову вспомнился его сегодняшний сон). Сельчанин растит хлеб, картошку-моркошку, чтобы мы все кушали, вкусно кушали, продает всё это себе в убыток. Но я? Почему я паразитирую на всех этих людях, у которых не то что на Европу, на коммуналку, еду и лекарства не хватает? Что полезного делаю я?...».

Тут Ухов вспомнил, что у Самого Большого Начальника была особенная фишка. Если он приезжал в глубинку на своей роскошной «Бэхе», местные ловили весьма нехилого стрессняка. Это ж надо накормить, развлечь, показать – администрацию, школу, клуб, сельхозпредприятия. А вдруг он расстроится?! А Паллисаныч в первую очередь заходил в туалет. А какие в Россиюшке туалеты? Поуглите, если не знаете. Деревянные, уличные, с отверстием вонючим очком, куда страшно, яко во ад, низвергнуться, поскользнувшись. В общем, отдельная песня. Самому Ему, конечно, подбирали наилучшие, тёплые, отремонтированные, с канализацией варианты, но – тщетно. «Как вам не стыдно, – прессовал оскорблённый посещением сего заведения Паллисаныч аборигенских начальничков, – вы даже туалет достойный сделать не можете! Туалет – это ваше лицо!». При встрече с местными жителями, откушав хлеб-соли с рушника, он обычно говаривал, еле сдерживая брезгливость: «Какая у вас природа! Как я вам завидую! Да у вас лучше, чем в Австрии и Франции!». Чего-чего, а сравнить с Францией возможность у него была...

«Bravo tu as gagne et j'ai tout perdu...», – почему-то звучало в голове Ухова, то бишь «Победитель получает всё», в версии Мирей Матье. Выйдя из транспорта, Сергей Юрьевич вдруг посмотрел на небо. За день облака разошлись, и появились звёзды. А он и не заметил, что сегодня, оказывается, вне министерства светило солнце. «Вот так и живу – сгорбившись, смотря в пол, в тротуар или в свою отчётность... На работу – темно, с работы – темно, на работе – мрак...».

Засыпая и опасаясь снова оказаться за партой с непознаваемой алгеброй в тетради и на доске, Ухов не знал, что Хэллоуин в министерстве продолжился. Вечером к Самому Большому Начальнику пришли люди из Следственного комитета в сопровождении загадочных существ в камуфляже и в масках. Ему было объявлено, что он арестован и подозревается в крупных финансовых махинациях. Самый Большой Начальник пришёл в восторг, потому что инсценировка «масок-шоу» на день рождения – это блистательно, это всем креативам креатив. Вот уж порадовали, вот угодили, вот учудили-распотешили!

Однако некоторая неприятность всё же произошла. Сотрудники СКР оказались не ряжеными, а самими настоящими, и маски силовиков так и не были сброшены... Но как и почему было низвергнуто языческое божество – это совсем другая, неинтересная, история.

Грош цена

Фёдор Трифонов был ничем не примечательной личностью, но заурядным человеком его тоже назвать было нельзя. В своём «под-сороковнике» он сохранил достаточно подросткового, и даже детского простодушия, и можно сказать, что он до сих пор как следует не повзрослел. Худая собака до старости щенок – он слегка обижался на такие заглазные слова в свой адрес, и было странно порой ощущать себя пацаном с седеющими висками. С женой Екатериной он жил сносно, играл вечерами в шашки с сыном-третьеклассником, и супруга их обоих называла «мальчиками», когда просила в чём-то помочь по хозяйству или провозглашала время ужина. Переходить сразу из стадии «юноши бледного» в «мужичка потрёпанного жизнью» было неприятно, но быть мужиком, сильным, принимающим решения с ударом кулаком по столу, удавалось редко. Муж – голова, а жена – шея: эта народная пошлость ещё со свадьбы сидела в сознании и воплощалась в жизнь. Впрочем, такая семейная субординация вполне устраивала Фёдора.

Кстати, шея последнее время всё чаще начала побаливать, видимо, уже стали изнашиваться суставы. Спортом Фёдор никаким не занимался, считал это глупостями, пустой тратой времени. А работа-то была всё сидячая – он искал, словно блох в шевелюре, ошибки в газетных полосах, и назывался «корректором». Было в этом слове что-то бездушное, будто Фёдор превращался в некий прибор, карандаш, текстовый редактор в компьютере. Его охватывала тоска, когда он читал: «В рамках заседания был рассмотрен ряд актуальных вопросов, затрагивающих систему жилищно-коммунального хозяйства. Заместитель директора муниципального предприятия «Рога и Копыта – Сервис» Иван Иванович Растакойтов отметил, что во исполнение поручения главы администрации будут приложены все усилия для обеспечения...». «Опять журналисты не напрягались, пресс-релиз передрали, а мне эту «тухлятину» вычитывать...», – думал Фёдор. Иногда, кроме корректуры запятых и грамматических ошибок, Трифонов приводил тексты в опрятный вид, делал их удобочитаемыми. Но обычно он был просто беспристрастным постановщиком либо расстановщиком запятых, потому что рассудил, что труд, особенно творческий, должен оплачиваться лучше. А

повышать скромную зарплату сотруднику «Заволжского вестника» Трифонову никто не собирался.

Скромник, он всегда чувствовал себя неуютно, когда в общественном транспорте (а в городе N это были в основном «маршрутки») он сидел, а затем в салоне появлялась девушка-женщина-бабушка, то его охватывало состояние томительного неудобства, полустыда, хотелось встать, уступить место, но именно своим вставанием и обращением он боялся обидеть пассажиров. Оставалось сделать вид, что погружен в свои мысли, в смартфон, в едущий законный пейзаж, унылый, надоевший... Поэтому он взял за привычку вообще не садиться, потому что всё равно на следующих остановках обязательно войдёт кто-то более достойный – противоположного пола или преклонного возраста.

В последние пять лет мечты свои он подгонял под зарплату. Каждый раз он хотел побывать в Африке и взобраться на Килиманджаро, но из года в год деньги уходили в песок приволжского пляжа и чернозем своего дачного участка, где приходилось сажать помидоры, огурцы, морковку, всякие кабачки, собирать яблоки. А потом – консервировать, консервировать и консервировать, благо в гараже есть большой погреб. Что делать, так получается меньше денег оставлять в продуктовом магазине. И чем дальше, тем явственней понимал Фёдор: больше не будет в жизни значительных изменений к лучшему, не будет чудес, не будет богатства, не будет снежной африканской вершины.

Впрочем, было у Фёдора одно увлечение, за которое его уважали немногочисленные, но постоянные друзья. Неизвестно почему, но он тяготел к старым вещам. Жена всегда их норовила выбросить, а Фёдору всё было жалко. И – слава обстоятельствам – был у него собственный Храм Сохраненного Времени, прибежище вещей-пенсионеров, вещей-бодрячков, вещей-доходяг. В «миру» это уютное место называлось обыденным словом «гараж», Фёдор же именовал его «келья». Только там он обретал душевное равновесие, среди вселенского б/у. Приходили друзья и сидели, выпивали и закусывали, обсуждая самое важное, самое злободневное, самое тревожное. Например: как будет выглядеть человек через пять тысяч лет (наверно, лысый, маленький, с огромной башкой, с органами-запчастями, вообще без половых признаков, и каждый будет кто во что горазд, людишки-конструкторы), в каком году будет колонизирован Марс, какие колёсные диски для наших дорог лучше – литые или штам-

пованные, когда начнут вживлять чипы для всеобщей тоталитарной слежки, когда вымрут русские. Иногда неспешные разговоры выливались в жаркие споры, особенно когда дело касалось политики. Но обычно темы были космического масштаба. Может, их и навевал гараж-музей, гараж-обитель, куда женщинам, а значит, суете и нервам, был путь заказан. Здесь не было тиранов-начальников, самодуров-чиновников. Можно было спуститься в погреб, пусть холодный но полный вкусных «ништяков», – соленых помидорчиков, огурчиков, рыжичков, кабачковой икры. Там же, в кромешной тьме, притаилась бутылка с ароматным хлебным самогоном, которым снабжал Фёдора друг Серёга.

Господи, как хорошо, что есть этот гараж, место, куда можно уйти, сбежать, спрятаться, уединиться, побыть собой, посидеть с друзьями. Посидеть просто так, без «пользы», без «толку», щедро транжиря время. Вот что тает, словно арктические льды, вырубается, словно тропические леса, утекает в небытие сквозь пальцы, словно чистая пресная вода, вымирает, как орангутанги и панды. Это – возможность быть собой, говорить, что думаешь, что чувствуешь, пить, что захочешь, и петь, что вздумается. Употреблять любые слова, в любых формах и конфигурациях. И не постучат соседи в стенку, и не заворчит благоверная, и не «поставит на вид» вышестоящий. Ну и пусть, что машины пока нет. Этот гараж не для автомобиля, этот гараж для людей. Старых добрых.

А еще – для вещей, тоже старых добрых. Рука не поднималась отправить в небытие советский приемник «Океан», который до сих пор работал, хрипел, искал на разных частотах станции. Они и вещать давно перестали, а стрелочка «Океана» всё равно норовила их найти, эти затонувшие радиомиры. Стоит пощёлкать переключателем, почти таким же, как на газовых плитах, вытащить телескопическую антенну, покрутить настройки и поймать что-нибудь этакое, ретро, рок, джаз какой-нибудь. Ну, как можно выбросить такую, как говорил Трифонов, «шарманку», если ещё подростком, в конце восьмидесятых, он вылавливал в общем шуме Би-Би-Си, «Голос Америки», «Радио «Свобода» и прочую буржуйскую пропаганду. Ну, и пусть Екатерина упрекает, дескать, нужно тебе больно это старьё, оно, мол, сохраняет отрицательную энергию... А вот и ничего не отрицательную. Это воспоминания. Это кряхтя ещё живёт, функционирует. Вещи, сделанные не в Китае, старые кони, которые не портят борозды, пенсионеры-инженеры той ещё закалки,

которые дают фору молодым менеджерам. А как можно выбросить самовар? Да, чай из него не попьёшь, сапогом пар не погоняешь, но каков! Пузат, важен, с затейливыми ручками. Достоин того, чтобы просто стоять и красоваться. Ну и пусть стоит. В него Фёдор наливал теперь напитки покрепче, и пить их из самовара стало почти ритуалом. А эти советские подстаканники? Одним своим видом навевающие поездовые (или поездатые) мысли, стук колес, запах постельного белья, полустанки-станции-города. С этими подстаканниками, с этими гранёными классическими стаканами и чай – с особенным, железнодорожным вкусом. Старенький диван, продавленный, потёртый, но всё ещё зовущий присесть, прилечь, прислониться. Шахматы – играть в которые особое удовольствие – деревянные, увесистые, большие, такими не то что мат поставить, их просто двигать приятно. Да, можно тыкать в экран, но электронные, компьютерные шахматы – это всё равно, что резиновая женщина. Фёдор никогда, конечно, не имел дела с резиновой женщиной, но она прочно стала для него символом всего поддельного, новаторского, бездушного, штампованно-массового. И пусть иногда друзья во время посиделок убеждали его, что в будущем технологии станут столь совершенны, что любую представительницу прекрасного пола можно будет купить, и «магазинные» будут в сто раз лучше, Фёдор в этом вопросе также оставался неотступно старомоден.

– Нет, ты представь, – говорил ему как-то Серёга. – Пройдёт время, все будем себе баб покупать. С индивидуальным набором функций. С изменяемыми формами, причёсками. Этакий кухонный комбайн, с которым и спать можно, и поговорить по душам.

Мысль о «поговорить по душам с комбайном» вызвала общий смех.

– А главное, не выносит мозг, не пилит. Молчит! Молчит, благодать-то какая! – воодушевлялся бородатый Илюха. – Нет этого: «Когда полочку повесишь?! Где шлялся? Опять у Федыки в гараже висали?».

– Главное: надоела – выключил, – продолжал заглядывать в светлое будущее Серёга. – А совсем настоиграла – пошёл и новую купил или, там, в лизинг взял...

– А приходишь в магазин, обиженный такой, оформляешь возврат со словами: «Вы чё мне стерву подсунули?» – «Ну, вы же сами просили поестественнее, понатуральнее...» – «Ну не настолько же!» – «А вы в настройках регулировали такие параметры, как

«взбалмошность», «обидчивость»?» – «А сразу по умолчанию нельзя выставить, чтобы нормальная была?» – «Ну, это вам надо модель попроще, чтобы только по дому работала и чтобы симулировала удовольствие» – «Как так симулировала? Пусть по-настоящему!» – «Это невозможно, это же робот!» – изображал воображаемый диалог на разные голоса Илья.

– А у меня и сейчас робот. Со всеми функциями. Такая вот мне досталась дорогая... модель, – с комическим трагизмом заключал Серёга.

Снова раскатистый хохот. Сомкнулись антикварные кружки, захрустели солёные огурчики.

– А я вот с машиной не смог бы, – признался Федя.

– Ну, и сиди со своим самоваром! – скаламбурил Серёга.

Фёдор встал, обнял самовар, поцеловал его, подставил кружку, открыл краник, и оттуда зажурчал коньяк...

Все гаражи в чём-то похожи, но все разные, как семьи у Толстого. Это форма, а вот чем её заполнить – вопрос личный. Кто-то в гаражном кооперативе использовал свой бокс, просто чтобы поставить машину на зиму. Кто-то – как погреб, хранил там картошку, моркошку, капусту, банки. Некий ушлый мужичонка оборудовал у себя в гараже обогреваемое любовное ложе, романтически его обставил – цветочки, свечи – и водил туда разных фурий, ехидн, валькирий и прочих наяд. То-то его жена удивлялась, почему его новая иномарка так часто ломается... Была в кооперативе и гараж-мастерская: хозяин поставил столярный станок и мастерил стулья, столики, тумбочки, тем самым нанося непоправимый вред государству, уклоняясь от налогов, проверок и прочих административных прелестей российской действительности. А вот через семь боксов от гаража Фёдора – вообще бодяжили левый алкоголь, лепили на бутылки этикетки дорогого коньяка, виски и водки. Иногда по ночам к этому гаражу подъезжала грузовая «ГАЗель», из которой выгружали большую ёмкость со спиртом неведомого происхождения. Водка делалась простым разбавлением водой. Коньяк производили куда более сложным способом: в уже готовую «водку» для насыщенного цвета добавлялся самый дерьмовый чай, а для неповторимого аромата – опилки, позаимствованные у мужика-уклониста от налогов; это всё настаивалось пару недель, после чего растекалось убивать нетребовательных алкающих сограждан. А вот Фёдор в гараже спасался,

как монах, хотя его отшельничество случалось только по выходным. Спасался он, как правило, с братией, но порой и без оной.

А ещё в гараже Трифонова нашли уют старые письма, деревянные ящики от посылок, многочисленные книги и литературные журналы – «Новый мир», «Нева», «Юность». Когда-то в «перестройку» в них печатали много чего хорошего. К электронным и аудиокнигам Фёдор так не приучился, а вот почитать он иногда любил, но так, чтобы не мешал никто, не отвлекал. Поэтому гараж стал не только кельей и баром, но и библиотекой. Там же в последнее время он начал пописывать небольшие рассказы, которые с неохотой брал в печать местный «Литературный вестник». Благо профессиональная грамотность позволяла Фёдору выдавать на гора вполне приличные тексты. Из скромности он не называл их рассказами, он так и говорил: тексты.

В гараже он написал о мальчике, который в первый раз выудил в реке рыбу, чему сначала был очень рад, а потом не мог видеть, как рыба задыхается, корчится, бьёт хвостом. Как потом не мог эту рыбу есть, а потом она ему снилась, он просил у неё прощения. Рыба его так и не простила, и он сначала стал всё больше молчать, а потом и вовсе онемел. А однажды он разгромил рыбный ларёк на рынке, после чего получил условный срок. А ещё ему казалось, что у всех людей вокруг – рыбы глаза. Редактор литжурнала, напоминающий седого крота, этот рассказ взял в печать со скрипом, сказав: «Что-то у вас, Фёдор Петрович, всё как-то мрачно. Так, конечно, читать увлекательно, есть проблематика кризиса гуманизма современного общества, некий надрыв, так сказать... Но давайте в следующий раз что-нибудь более, так сказать, жизнеутверждающее... А то наше руководство прочтёт и бюджет нам порежет, так сказать... Где, мол, лучезарность жизни, где вздохи на скамейке, объятья ветра, трели соловья... А тут ни тебе трелей, ни любви – рыба какая-то, так сказать, с запахом уныния...». Фёдор пообещал исправиться, но художественная правда взяла верх: через месяц он принес кроту маленькую повестушку, в которой описана деградация алкоголика Павлуши. Сначала он молод и беспечен, весёлые застолья, смешные ситуации, удалые авантюры. Потом залить в себя спирт становится главной целью в жизни, персонаж теряет девушку, стремительно старится, ломает себе челюсть, падая с мотоцикла, и в итоге превращается в тупое, злое, покалеченное животное, пропивает свою квартиру. В финале он погибает, раздавленный в подворотне случайно во

сне грузовиком. А в это время ему снится: он, маленький, играет во дворе их дома со своей двоюродной сестрёнкой, они смеются, мама зовёт их домой ужинать. Сестрёнка убежала, дверь за ней захлопнулась. А Павлушка войти домой не может. Изнутри скрипнул засов. «Мама! Впусти меня, – кричит он, задрав голову, – я пить хочу!». «Не пущу, ты уже всё в доме выпил!» – откликнулась мать чужим голосом. Тут Павлушка споткнулся о шланг (а в шланге-то водка, водка!), упал, а на него свалилось сгнившее дерево, из-под которого уже выбраться не было сил...

– Так-то написано талантливо, но почему опять, так сказать, такая безнадёга?! – бормотал редактор-крот. Напиши, что он в итоге раскаялся, пошёл в церковь там, случилось чудо, и он излечился. А в таком виде я напечатать не могу, нет, так сказать, катарсиса, позитива.

Фёдор ничего переделывать не стал и отложил это прозаическое творение в долгий ящик.

На этот раз компания была классическая – Фёдор, Серёга и Илья. Повод для сбора тоже был классический – всех «задолбала работа», радовала суббота. Перед входом в гараж томились и румянились шашлычки, погреб был проинспектирован на предмет наличия банок с консервированиями, на столе в ожидании сгруппировались пластиковые тарелки, звонкие стеклянные стопки, коробка томатного сока. Самовар был заполнен настойкой на хрене, из-за чего Серёга окрестил этот сбор друзей «хреновым собранием».

– Вот что я вам расскажу, побратимы, члены тайного Ордена Прибухатов Выходного Дня, – начал Фёдор. – Иду я на днях по нашей центральной улице после вычитки полос, устал, глаза утомились, иду, никого не трогаю. Внутри тоска, потому что денежки на исходе, а зарплата только через неделю, в общем, задница. И тут меня окликают два молодых человека южной национальности: где, говорят, ближайший антикварный магазин? Ну, я антикварные маленько знаю, на улице Карла Маркса, говорю, есть. А они: брат, выручай, работали тут, начальник кинул, денег не заплатил, ехать домой не на что, до отхода автобуса два часа. И показывают монеты. Четыре штуки. Старинные. Вот, говорят, нашли при разборе старых домов во Владимирской области. В ломбард сдавать – не примут, нет российского паспорта. А я, сами знаете, падок на все эти ове-

янные историей штучки. Глянул: ё-мое, а там рубли и полтина 1743 года, деньги периода императрицы Елизаветы. А они ещё такие: брат, монеты серебряные, а зачем они нам? На них билеты на автобус не купишь... Подержал я их в руке и, как под цыганским гипнозом, говорю: сколько? 400 рублей. А у меня в кармане всего 450, последние. Вот, думаю, мне счастье привалило, серебряные монеты почти за так можно взять, а денег как назло – хренушки, да что ж я за нищеврод за такой!!!

– Вещунья с похвал вскружилась голова, сыр выпал, с ним была плутовка такова, – саркастически заметил Серёга и хрустнул огурцом.

– А звонок другу не судьба было сделать? – спросил практичный Илья и потянулся к самоварному кранику.

– Так вот, – продолжил Фёдор, – давай, говорю, монету одну куплю за 300 рублей. Один из «плутовок» помялся, типа сложно, от сердца отрывает, но согласился: давай. Это я ещё и торговался! Иду, монета увесистая, карман прямо прожигает... Добрался до Интернета, смотрю – за такие монеты дают на аукционах тысячу долларов, тысячу триста, полторы. Тут уж у меня точно голова вскружилась. Ещё сильнее я пожалел, что упустил такой супершанс, который дается свыше, да ещё раз в жизни. Надо, думаю, было все четыре брать! Быстренько занять у кого-нибудь, да хоть бы у вас вот! Потом бы прибыль поделили!

– И не позвонил-таки. Мы бы тебе мозги вправили, – сказал Илья.

– Я сам обманываться рад, – вздохнул Трифонов. – Ну, жене ничего не сказал, а на работе у журналистов спрашиваю, сколько может такая монета стоить? А мне: ну-ка... Ага, не серебро это ни фига. А откуда? Так, мол, и так. Э, дурачина ты, простофиля. Это китайцы делают весьма качественные копии этих монет, а кто-то вроде таджиков придумали такую вот легенду про Владимирскую область, гада-начальника и срочный автобус. И ведь срабатывает! И ведь верим! После всех «МММ», после всех микрозаймов, «наперстков», суперпылесосов, проверки зрения на дому и гарантий на пластиковые окна, после всех лохотронов, смсок, после всего – верим. Что ж мы за народ такой, богоизбранный или ущербный, не пойму.

– Ты за весь народ не говори, – пробурчал Серёга. – Извини, конечно, но если ты дурак, это ещё не значит, что ты – богоизбранный.

– И всё, – продолжал Фёдор, – старинная серебряная монета превратилась в обычную железячку, которой грош цена, вожделенная иномарка – в тыкву, хрустальные рюмандели – в алюминиевые кружки, нефтегазовые акции – в коммунальные счета за квартиру. Птица Обломинго распростёрла надо мной свои крыла, включилась губозакаточная мегамашина и закатала меня вместе с губами целиком... А как я размечтался... Куплю Артемке велосипед, жене – шубу, не знаю, зачем она ей, но куплю, съезжу в Африку. Представляете, как это страшно – прожить всю жизнь и никогда не взобраться на Килиманджаро...».

– Страшно, – серьёзно сказал Серёга.

– Звездац как страшно, – вторил Илья.

Помолчали. Издали доносилась помесь звуков: шумящий поезд, чирикание воробьёв, подъехавший за новым алкогольным пойлом фургончик...

Фёдор вытащил монету из кармана, приложил её к глазу. Теперь из него смотрел профиль российской императрицы Елизаветы Петровны.

– Размечтался, одноглазый, – подытожил своё печальное повествование Трифионов.

– А ты вот что, Федя – съел медведя, – подал голос Серёга. – Ты об этом рассказ напиши. И считай, что купил сюжет за 300 рублей. Недорого для нормального рассказа.

– А это мысль... Ну, за жизнетворчество, – сказал Федя.

– На фиг такое жизнетворчество, – не согласился Илья.

– За чистую монету, – скаламбурил Серёга. – В смысле – примем.

– За то, чтобы выпить в этом составе на Килиманджаро твоей хреновой настойки! – предложил Илья.

– А вот за это – правильно! – воодушевился Трифионов.

И троекратный перезвук стопочек бубенцами прокатился по сумрачному, но такому уютному гаражу.

СНТ «Яблонька»

Часть первая. Престарелый автобус

Говорят, что в России в августе случаются всякие катаклизмы – катастрофы, кризисы, путчи, поэтому в это время лучше быть в отпуске, а ещё лучше – в отпуске на природе. И если ты среднестатистический, то есть небогатый, и если ты среднего возраста, то сад, огород, дача – вполне себе вариант. Вот где воздух свеж, тишина, если с соседями повезёт, физический труд, которого порой так не хватает горожанину. Вот где можно после грядки предаться неспешному самокопанию, полнотелым мыслям, заварив чай с мятой, а к вечеру организовать мини-праздник с пивком или чем посуровее.

Егор Колобов только начинал входить в «дачный» вкус. Ему всё чаще хотелось побыть одному, уехать из города, спастись от суеты, помойных потоков информации. Вот и друзья Егора начали над ним подтрунивать: мол, что, опять в саду? К земле привыкаешь?

Расписание автобусов по маршруту «СНТ «Яблонька» – Белогорск» висело на заборе, и ветер его нещадно трепал, оно сырело под дождями. Но силы природы были не способны изменить утверждённый на год местными властями и правлением садового товарищества автобусный путь. Время тоже было неизменным. Туда: в 8.30, 14.00 (льготный) и в 17.00, обратно – всё то же самое, только на два часа позже.

Егор сегодня неплохо поработал: собрал несколько корзин яблок и груш (то-то варенья будет), поборолся с сорняками, смастерил столик для веранды. Именно за этим столиком теперь можно будет сидеть после трудов праведных с семьёй (женой и семилетней дочкой), с друзьями или соседями. Например, с Петром (участок с южной стороны), усатым мужиком, деловитым до неприличия. Он копошился, словно жук, всё что-то пилил, обустроивал, колотил, поливал, рыхлил. Но как только солнце клонилось к закату, он наведывался к Егору и презентовал ему очередную настойку – на это он был тоже мастер. Что бы ни произрастало на огороде Петра – так или иначе впоследствии соединялось не только с сахаром, уксусом или солью, но и со спиртом. Отсюда и были такие причудливости,

как настойка дынная, мятная, алычовая, укропная, имбирная, само-собой-хреновая, посмотри-какая-на-шиповнике, а-эту-никогда-не-пробовал-яблоко-слива-груша-облепиха и а-это-ассорти-во-обще-много-тут-чего-угадай-сам.

Вот и теперь Егор с Петром сидели, употребляя и смакуя садово-огородные дары в разных съедобных физических состояниях: твёрдом – огурчики, помидорчики, лучок, укропчик, картошечка варёная, в жидком – компотик из местных ягод и фруктов и, конечно, настойки и наливки разных цветов и крепости. И даже в газообразном – сосед был горазд и табак выращивать и сушить. Вообще Колобов не курил, но настоящий табачишко, набитый в трубочку, – это иногда вполне было в охотку, как какой-нибудь Сталин или Шерлок Холмс. (Не в самое плохое время живём: были годы в истории, когда слова «Сталин» и «какой-нибудь», поставленные рядом, могли привести к высшей мере). По мнению Егора, лучше употреблять то, что вырастил сам, – себя-то травить не будешь. Основу пиршества составляла жареная на мангале свинина – вкусная до безумия. Всё же так мясо замариновать и пожарить, считал Колобов, может только мужик. С ароматными специями, да сбрызнув сухим белым винцом, да под свою помидорку. Э-э-х!

– Такая у нас страна, – всё надо делать самому. Хочешь нормального мяса – вырасти корову, хочешь масла – надои молока, хочешь неотравленных овощей – копайся сам в огороде... А может, оно и к лучшему, – неторопливо рассуждал Егор.

– А ты чего хотел, вот ввели против нас санкции, – отвечал Петр. – И сразу стало понятно, что наша еда – неважнецкая. Ну, почему мы не делаем французский сыр или чешское пиво? Неужели это так сложно? Это – элементарно. Это не космический корабль, не андронный коллайдер.

– Просто халтурить не надо – вот и все дела. Не бодяжить, не экономить на ингредиентах, не добавлять химию. И всё, остальное просто – выдерживай рецепт, там, технологию. Самое недостижимое для нас – не халтурить.

– Тут суть в другом, – отзывался сосед. – Просто себя ты травить не будешь, потому что ближе тебя у тебя никого нет. Ну, семья там, друзья, знакомые. А чужие люди тебе пофигу. Наши производители относятся к потребителям (о, как официально: «производители» к «потребителям») как к чужим, как к существам, которые

деньги платят. Вот если бы все относились друг другу как к близким, то разве кормили бы гадостью? Мы все ждём друг от друга подвоха, все в общественном транспорте злые как собаки. Чужие.

– Как-то я на каком-то украинском пиве прочитал девиз пивоваров: «Для людей как для себя». И пиво-то правда было достойным. Да, в этом как раз вся собака зарыта. Не должно быть чужих людей, тогда и всё будет вкусно и на совесть.

– Ну, ты прямо идеалист. Прямо сказочник. Ты не забывай, где ты живёшь. Не у тебя ли на прошлой неделе лопату и шланг спёрли? Не мы ли, садоводы новоиспечённые, во все глаза глядим, чтобы у нас чермет какой не увели?! Чтобы доверять друг другу, надо чтобы все сразу стали честными, а так у нас не будет никогда. Как только кто-то «почестнееет», сразу его и облапошат. Он обидится и сразу в отместку обманет. Везде мошенники и воры.

– А закон? Пусть все соблюдают закон!

– Ключевое слово «пусть!». Где твоя волшебная палочка? Где её мановение? Щас наколдуем.

Егор воздел к небу руку с бутылкой. И наполнил облепиховой настойкой чайные чашечки.

Закатное солнце играло в виноградных лозах, уютно покрывающих веранду, где сидели друзья-соседи. Колобов начал «колдовать»:

– Трах-тибидох-тибидох! Заклинаю, чтобы все наши огурцы-помидоры росли бурно, чтобы нам не отключали воду для полива, чтобы медведка не жрала морковку, червяки отвернулись от яблок, а тля от смородины, чтобы воры не лезли в пределы заборов наших, чтобы по ночам было не холодно. Трах-тибидох-тибидох! Чтобы наша сборная по футболу стала чемпионом мира! (Хотя это перебор). Чтобы самые горячие и красивые женщины были нашими! Чтобы я расплатился с ипотекой и купил наконец-то машину! Чтобы у нас было нормальное правительство, а депутаты говорили только правду!

– А ещё колдуй: чтобы, трах-тибидох, за коммуналку не мы платили, а нам приплачивали, – подхватил Петр. – Ещё хорошо бы вернуться в детство, попробовать тот квас из бочки, те кукурузные палочки, яйцо всмятку, торт, который пекли сами, каждый корж, а ты тайком ел тесто... Почему тогда было всё такое вкусное?!

– А музыка? – вторил Егор, поставив бутылку на стол и перестав «колдовать». – Она заводила, завораживала, мы ходили в гости и переписывали с кассеты на кассету, подкручивая отверткой головку магнитофона под верхние частоты. И слушали до умопомрачения. «Модерн Токинг», итальянцев. А сейчас или музыки нет, – хотя так-то пожалуйста, полный Интернет, – или уже не хочется слушать. Как будто рецепторы какие отмерли.

– Ну, за утерянную музыку!

– А, кстати, неправильно, что мы вдвоём сидим, – сказал Петр. – По-русски надо соотносить на троих.

– И чё делать, кого звать?

– А вот что.

Они смастерили пугало (Егор давно хотел сделать что-нибудь для остротки птиц, а то клюют ягоды, заразы). Взяли мешок, набили травой, нанизали на жердь, приколотили поперечную палку, надели старую рубашку Егора, нахлобучили фетровую шляпу. Не хватало разве что объявления: «Продается садовод Егор. Б/у». Взгромоздили пугало у столика, налили ему стопочку.

– А как же он без рта пить будет?

Нарисовали краской глаза и рот.

– А вот что бы ты поменял в прошлом? – спросил Петр, наливая очередную.

– А бы... Пригласил одноклассницу Ленку в кино. А потом бы с ней... Ну, ты понял. Ну, и чтобы она ответила взаимностью. А то получается, что в отношении Ленки жизнь прожита зря. Сейчас она живет, говорят, в Канаде, а я, видишь, сижу здесь, во саду ли, в огороде. Как хрен.

– А представь, что с Ленкой всё сложилось. Что тогда?

– Ну, тогда... Тогда с Валькой и Танькой из группы по университету...

– Тогда – за несбыточных дам!..

Хорошо-то как! Колобов очень ценил моменты, когда никто не треплет нервы. Он работал в конторе по ремонту мобильных телефонов. Клиенты часто ругались, шеф имел отвратительный характер, все орали, дёргали. Постоянное напряжение доставало. А тут – тихо и благостно.

– Хозяева! Абрикосы не нужны?! – Это была старушка с ведёрком абрикосов, в платочке, с сухими руками и неопределённым взглядом из-под густых бровей. Егор привстал.

– Нет, бабушка. У нас тут своих слив девать некуда, а тут ещё и абрикосы. Спасибо.

– Ну, как знаете. А то вкусные, спелые. На варенье хорошо, в пироги.

После соседской настойки мир Колобова был уже в несколько сдвинутом измерении, хоть и более весёлом, но каким-то уже насто-раживающе другим. Голос пожилой женщины как будто показался знакомым. Она стояла у калитки, Егор подошёл к ней. У бабушек надо обязательно что-нибудь покупать, причём не торгуясь. Тебе всё равно, а доброе дело сделаешь. Глядишь, и грех какой-нибудь простится, да и когда сам состаришься, у тебя тоже какой-нибудь молодой небедный шалопаи чего-нибудь купит. Это в германиях и америках пенсионеры начинают по свету путешествовать, у нас из доступного – поездка по маршруту «город – огород».

– Хорошо, почём ведёрко?

– Да сколько дашь, сынок, сколько дашь.

Егор протянул ей купюру и стал обладателем не особо нужных абрикосов.

– Вот спасибо, сынок, – сказала старушка. – Баба Лена помолится за тебя.

Она похлопала Егора по плечу и неуверенной медленной походкой заковыляла вдоль садовых домиков.

«Где же я её раньше мог видеть? Это она, что ли, баба Лена?» – подумал опять Егор и вернулся к застольному общению с Петром.

То ли ворона, то ли ворон, говорят, это разные птицы, села или сел на крышу дачного домика. Пернатое внимательно наблюдало за приятелями и каркнуло во всё соответствующее горло.

– Чёрный во-орон, что ты въёшься, над мое-ею головой? Ты добычи-и не добыёшься, чёрный ворон, я не твой!

Егор с Петром пели, пили и вдыхали жизнь полной грудью. Внимательный взгляд птицы их совершенно не интересовал.

Посиделки с соседом под огородные дары и жареное мясо длились до часу ночи. Спать на свежем воздухе было хорошо, Колобов покачивался на волнах тёплой августовской ночи в гамаке, и брызги звёзд качались в такт. Его подвешенное состояние было словно космосом, в котором болтаешься, как погружённый в океан, и будто всё проплывает мимо тебя, и все жидкости, и даже наливки соседа

Петра собираются в шарики различной величины, и ты играешь ими, а иногда ловишь ртом. «Так выпьем за вечность, звёздную глубину и неведомый смысл!». И – опа – ртом плывущий по воздуху спиртосо-державший шарик, а после – раз – и из тюбика какой-нибудь космиче-ской закуски. И луна улыбалась Егору и подмигивала хитрыми кра-терами, и пела ему колыбельную. Яблоки падали с глухим стуком, звёзды чиркали по тьме и кузнечики разбавляли стрекотнёй тишину.

Проснулся Егор от прохлады и от ощущения, что его тербит и будит пугало. Он нервно дёрнулся, огляделся – пугало стояло в не-скольких метрах, хотя Колобов не помнил, чтобы вчера именно на это место они с Петром его установили. Егор поёжился, выбрался из гамака. Момент, когда сосед ушёл к себе в домик, тоже вылетел из головы. Она, кстати, побаливала. Ещё бы, столько употребить. Время на мобильнике было 12.05. «Ни фига себе я поспал! – по-думал Егор. – Надо собираться домой. Как раз на «двухчасовой» автобус успею».

Воздух, несмотря на полдень, стал каким-то холодным и гу-стым, не иначе как ветер сменился на северный. На мгновение ему показалось, что воронообразная птица пролетела задом наперёд. Ко-лобов протёр глаза, в очередной раз решил, что совсем уж злоупотре-блять не следует, умылся, дособирал яблоки и груши. Тут он увидел пластиковое ведёрко с абрикосами, которые он вчера из соображе-ний благотворительности купил. «Ну, купил и купил, – подумал он, – только надо бы бабушке как-то ведро вернуть, да вот где её най-дешь. Ну, понадобится ведёрко – сама объявится».

На автобусной остановке на лавочке сидели семеро садоводов пожилого возраста. Неудивительно, ведь рейс на 14.00 был льгот-ным, то есть за полцены для пенсионеров. Эти люди уже никуда не спешили и были по-советски разговорчивы, открыты. Егор даже назвал про себя рейс на два часа «престарелый автобус». Бабушки и дедушки потихоньку подходили, с трудом волоча незамысловатые урожаи фруктов и овощей – из корзин и ведёр виднелись помидоры, кабачки, яблоки. Некоторые женщины несли цветы – всё же чело-веку свойственно не только есть, но и любоваться. Новоприбывшие тут же включались в общий разговор – разговор обо всём на свете.

– Приезжает Горбачёв в Ставропольский край на родину, – рассказывал анекдот мужик в старомодной кепке. – Ну, пригласили его выпить. После гулянки просыпается он, значит, глядит в зеркало и не видит пятна на лбу. «Мужики, что же мы вчера пили?» – «Как что, сначала спирт, а потом, как спирт кончился, пятновыводитель».

Садовый народ одобрительно кивал и улыбался.

– А у меня на участке эдакая зверушка завелась, как хомячок, – подключилась бабушка с корзиной помидоров. – Бегат-бегат. Ры-и-женький такой. Ну, правда, не знай, кто это. По телевизеру говорили, что это – американская собачка. Их специально вывели, собачков-то этих. Вот и развелись они. У меня тоже вон, видно, живёт. Выглянет, глазки такие...

И она на пальцах показала, какие глазки.

– А вот ещё тут слышал, что Земля в 2335 году налетит на планету Нибиру, – говорил ещё один пенсионер, в клетчатой рубаше, потрёпанных штанах и большим родимым пятном под носом.

– Чего «не беру»? Чего это ты, Иваныч, не берёшь? – недослышала его, по-видимому, жена.

– Дык, к тому времени тебе уж всё равно будет, пенсию-то платить перестанут.

Егор молчаливо стоял чуть поодаль и чувствовал себя немного не на общей волне, словно какой-нибудь бобр пришёл на птичий базар.

– А тут чего на днях показывали – батюшки! Сидят: лигарх, полюбовница лигарха, а тут заходит его жена. Ну, и давай волосья им выдёргивать. И он там такой: «Завещаю всё состояние ей!». Малахов, этот ведущий: «Кому из них?» А лигарх: «Ей – моей кошке! Только она меня в жизни и любила!» Ну, и заносит кошку в студию. Вот как бывает. Серая такая, как моя Муська.

– А моя кошка ничего не жрёт, тока сухой корм. Ни молоко, ни рыбу, ничаво. Один раз кошка поест, и только его и ест потом. И ничаво ей больше не нады.

– А теперича мы чего едим? Говорят, в могилах покойники уже не разлагаются, все свеженькие лежат, как новые. А всё потому, что консервантов в еде много...

Егор поёжился от слов о законсервированных покойниках. Было что-то не по-летнему прохладно. Ох уж этот «льготный» рейс... Между тем престарелая компания насчитывала уже человек

пятнадцать. Огородничество остается в России по преимуществу делом людей поживших. Чем ближе к земле, тем ближе к земле. Егору одновременно и понравилась и не понравилась эта пословичная мысль.

– А тут у меня дома труба засорилась, – повествовал один дедушка, потирая неухоженную бородку. – Чего делать?

– А ты купи порошок специальный, «Крот» называется. Пакетика три. Разведи с водой и влей в свою раковину, – отвечал дедушка безбородый.

«И будет тогда троекратное воздействие», – пошутил про себя Егор и тут же придумал невесёлую скороговорку, чего от себя не ожидал: «Кроткий крот коротал год. Коротал-коротал, да не выкоротал».

– А что, Михална, ходила в этом году за грибами? – вопрошала одна из собравшихся.

– Да сходила тут на прошлой неделе, набрала волнушков, маслятков маненько. Заплутала, прям переволновалась вся, – отозвалась соседка.

«Ходить за волнушками – волнительное занятие. За лисичками – хитрое, за свинушками – свинское, потому что ими и травануться можно», – подумал в стиле «Алисы в Стране чудес» Егор. Странно, он никогда не размышлял такими игривыми образами, словно за него стал думать какой-то другой мозг, взятый напрокат, или в его тело вселился другой человек. Реинкарнация, провал во временной портал, что-то в этом роде. Да, провал в портал. А что: у него в телефоне рядом с номером Петра была пометка «345 Пётр. Врата». Это был код от подъезда, иногда дачные соседи ходили друг к другу в гости и в городе. И сам Пётр по-апостольски прятал ключи от калитки и дачного домика в укромном месте под забором. Конечно, в райском саду Петра было место и трудам, и наслаждению, и вкушению плодов, а также их переработке, консервации и транспортировке в город на вполне себе рабочей машинёшке. А сегодня, видишь ли, он не стал будить Колобова, уехал без него, и гаишничков, похоже, не побоялся, после вчерашнего-то. А Егору, видишь ли, приходится с ведром и корзиной садиться на «престарелый автобус»...

Между тем пыльный, замызганный ПАЗик, кряхтя выхлопной трубой, подкатил к остановке. Садоводы-пенсионеры стали взбираться по ступенькам, неся свою поклажу, среди которой были ещё

рюкзаки из прошлого века. Егор активно помогал им, подтаскивал их вёдра-корзины, ставил у сидений. Мест хватило всем, даже остались свободные.

Погода явно портилась. Тучи всё больше грозились дождём. «Тучи грозились грозой» – уточнил внутри Егора Неегор. Да, теперь в Егоре будто жил ещё некто, который встревал во все мысли, причём так словесно паясничая. Ну, это после вчерашнего, после настоящей. И хорошо, что Колобов уже в автобусе, внутри явно теплее.

И тут Егор увидел ту самую вчерашнюю бабушку, как помнится, бабу Лену. «Есть Баба Яга, а есть – Баба Лена» – нехорошо пошутил внутренний Неегор. А настоящий Егор решил, что можно будет договориться о возврате ведёрка из-под абрикосов.

Двери зашипели и захлопнулись. Непонятно почему, но Егор почувствовал себя в ловушке, словно кто-то запер его снаружи. «Льготный» автобус пришёл в движение ровно в 14.00. «Пришёл в движение» – какое глупое словосочетание», – заехидничал внутренний Неегор. Мимо поехали садовые домики, яблони, всякие насаждения. Вся растительность кланялась ветру, который усиливался.

Пенсионеры продолжали судачить обо всём.

– А вот я сорняки подёргаю – потом залью их водой, это всё перегниёт, туда добавлю помёту куриного, а потом это поманеньку – в малину. Ягод больше получается, – повествовала одна бабушка.

– А я позавчера шесть килограммов яблоков продала у магазина. Плохо народ покупат. У всех щас яблоки, – отвечала ей другая бабушка.

«Яблоки вздора», – прокомментировал Неегор.

– А у меня в этом году хорошо пошёл сорт Московская Скоропелая. Пытался привить на неё дички груши – не пошло, – вздыхал мужик в кепке.

– А вот слышал, врачи где-то в Италии готовятся человеку голову пересадить. И говорят, что это будет наша, русская, голова. И доброволец – наш больной из России.

Внутренний Неегор совсем распоясался: «А вы, друзья, как ни садите...»

– Здравствуй, молодой человек, – узнала Колобова баба Лена, – спасибо, что купил абрикосы. Вкусные?

– Добрый день, – отозвался Егор и вспомнил, что их даже не попробовал.

Кондуктор пошла продавать билеты, пятьдесят процентов от стоимости.

– Ты уж извини, но как с пенсионера я с тебя взять не могу, надо заплатить как за обычный билет. Тебе в один конец?

Егор растерялся от такого вопроса. Конечно, в один. На садовом автобусе всегда в один.

– У нас на льготном можно оплатить несколько поездок, а потом просто предъявите эти билеты, – пояснила кондукторша. Это была женщина в годах с хитрым взглядом. Она держала несколько рулонов билетов, словно пассажир был волен выбирать, куда ему ехать. Среди рулонов была почему-то и туалетная бумага.

– Мне до Белогорска, до конечной.

«Мне до бесконечной», – передразнил внутренний Неегор.

– До конечной, – словно споря с этим альтер эго, повторил Егор.

«Остановка «Хэппиэндная». Из этого следует, что дальше автобус не следует», – опять открыл беззвучный рот Неегор.

«Наверно, так начинают сходить с ума. В человеке поселяется другой, а то и несколько, потом они разговаривают, спорят, и ты уже не знаешь, кто настоящий, кто изначальный, настоящий ли изначальный, кто из них прав...».

«Из-за леса из-за гор показался Неегор», – Колобов попытался побить чужой внутренний голос его же стилистикой. И правда, на некоторое время Неегор заткнулся. Потому что если так дальше пойдёт, то может далеко докатиться. И тогда Егор приедет из своего сада каким-то другим человеком.

– Баба Лена, давайте я абрикосы пересыплю в пакет, а ведро отдам, – обратился он к знакомой бабушке.

– И буду я с пустым ведром?

– А я вам яблочек...

На том и порешили.

Пока Колобов возился с яблоками и абрикосами, он не заметил изменений. Внутренняя обшивка автобуса как-то сама собой обновилась. Или он просто не обратил внимания, когда залез внутрь? Деревья придорожной посадки как будто стали на пару метров ниже. За окнами пошёл дождь. И это ещё не всё. Листья явно пожелтели. Нет, такой эффект восприятия бывает, когда через автомобильные стёкла зелёные листья меняют цвет. Всё можно объяснить. Тем и отличается человек от животного, что может объяснить всё-всё-всё,

вплоть до самого невероятного и сказочного, а потом успокоиться и сидеть дремать. Солнце? Это потому, что оно есть, и потому, что оно – огненный шар. Луна – это потому что спутник земли. Трава? Потому что растёт и зелёная. А жёлтая почему? Да потому что осень, что тут непонятного?! Ну, а раз всё объяснено, – то скучно. И нечего вопросы задавать. Всё ясно. Всё-превсё.

Но ясно не было. Вдруг почудилось, что пенсионеры как-то помолодели, им уже было лет по пятьдесят-сорок. Прямые спины и твёрдые голоса. Но одежда была та же. Не изменилась только женщина-кондуктор. Хотя разве что цвет лица приобрёл синеватый оттенок.

Пропал сигнал мобильного телефона.

А за окнами уже было что-то похожее на поздний октябрь.

– Нет, ну каково это – парламент из танков расстрелять! Мог ли ты представить, что каких-то пять лет назад было бы такое? В Москве! Говорят, Би-Би-Си вели прямой репортаж, и попросили даже наших военных выкатиться на середину моста, чтобы телевизионная картинка была лучше, – страстно говорил помолодевший в кепке.

– Такую страну загубили! О чём мы думали, когда победе над «хунтой» радовались? У нас на заводе уже пять месяцев зарплату не платят, – отозвался рядом сидящий.

«Это что за завод, где пять месяцев не платят? И о какой зарплате речь, если он должен быть на пенсии? Это что же, мы едем... назад?.. И не просто назад, а вообще НАЗАД? Что происходит?» – запаниковал Колобов.

– Баба Лена, что происходит?

Та, что была полчаса назад «бабой Леной», теперь – вполне себе женщина средних лет.

– Какая я тебе «баба»? На себя посмотри! – обиделась она.

На самом деле, с ним было что-то не то. Кожа на руках потемнела, вены стали отчётливее, зрение начало выдавать фокусы: вдаль теперь видно нечётко, а совсем близкие предметы тоже расплывались.

– Нет, правда, что происходит? – он вслушался в свой голос, он как будто стал старческим. Словно у него украли 25 лет. Он сгорбился, сердце забилося неровно, как мотор ПАЗика, понизилось давление, закружилась голова. Наверно, что-то подобное чувствуют узники, вышедшие из тюрьмы на свободу через четверть века.

– Да ничего не происходит, дедушка, домой едем, – «утешила» кондуктор.

«Всё же кого-то мне напоминает эта бывшая баба Лена, кого-то напоминает». Егор решил, что он просто умом тронулся, хотя вчерашний вечер с Петром ничего такого не предвещал. И психических отклонений у него никогда не было. А может, бывает так, что люди становятся идиотами за несколько часов. А причиной тому может быть всё что угодно. Например, нас атаковал кто-нибудь, распылили психотропные или наркотические вещества, у всех начались галлюцинации, тяжёлое поражение нервной системы, мозг формирует необычные картины. Это – вполне может быть. Тогда всё происходящее – объяснимо. Удивительно, что на какое-то время эта логика даже успокоила Егора.

«А теперь – хит этого года в исполнении Алёны Апиной», – это водитель решил включить радио. Из динамика полилось: «... Ой, было, девки, было – я обо всём забыла, но вы, девчонки, всё же не верьте никому...».

«Может, я сплю. И как это всегда бывает, мы не понимаем, что это сон. Надо только себя ущипнуть – и проснёшься. А ещё лучше – надо во сне стараться открыть глаза.

«Поднимите ему веки!» – съязвил успокоившийся было внутренний Негор. А внешний Егор начал напрягать глаза и стараться их распахнуть, причем с помощью рук.

– Вы чего? Нехорошо вам? – сочувственно спросила бывшая баба Лена.

– У меня такое чувство, что я сплю и где-то растерял треть жизни.

– А что вы делали?

– Чего-чего... Пил вчера.

– А в жизни?

– В жизни... Телефоны ремонтировал, застольничал, ходил куда-то, с кем-то встречался. Всего не вспомнить.

– Ну, а что тогда жалуетесь? Как говорится, не успеешь оглянуться – и всё, проехали.

Егор поднялся и прошёл к водителю. Это был человек, очень похожий на Егора. Наверно, это и был тот самый Негор. Довольный розовощёкий детина (не то что худощавый Колобов), которого, казалось, ничего не волновало. Он рулил с чувством беспредельного достоинства, будто сидел на троне, а рычаг переключения скоро-

стей был для него чем-то вроде скипетра. На лобовом стекле болталась из стороны в сторону кукла, и Егор почувствовал, что это – его бесхитростная копия, очень похожая на вчерашнее садовое пугало. Кукла покачивалась в такт его сумбурным мыслям.

– Водитель, когда мы до Белогорска доедем?

Колобов услышал свой старческий голос и увидел в зеркале заднего вида свою, теперь седую, голову, растерянное лицо.

– Не знаю, я не синоптик, – раздался в голове Егора уже привычный голос. – Ну что за вопрос. Доедем, конечно, рано или поздно. Если нас ветром не сдует, если меня удар не хватит, если дорогу не размочит, если мы не провалимся во временной портал...

«Опять он со своим порталом... Похоже, мы уже туда провалились», – подумал Колобов. Неегор его почти подменил, почти вытеснил и загнал изначального Егора в оппозицию.

Автобус мчался.

Кукольный человечек раскачивался, как маятник невидимых часов. Как висельник. Весёлый висельник.

Водитель царственно ухмылялся.

«Спроси, спроси меня: куда несёшься ты?» – улыбался Неегор.

Вопросов к водителю не было. Бесполезно.

Знакомая дорога домой. За окнами повалил мокрый снег. Пассажиры помолодели ещё больше. «Они что, пока я отвернусь, молодильные яблоки грызут из своих корзин?!» – уныло думал Колобов. Это уже не лезло ни в какие ворота. «Как говорит Пётр, не лезет ни в какие врата», – сказал бы шутящий Неегор.

Колобов навсегда запомнил свои детские страхи. Они были связаны с двумя киносказками – «Морозко» и «Сказка о потерянном времени». В «Морозко» была сцена – у Ивана вместо человеческой головы выросла медвежья, и он с ней бегал, искал способ от неё избавиться. Жуть состояла в том, что герой не превратился полностью в медведя, а только голова. Даже сейчас, спустя десятилетия, – а в данный момент вообще непонятно, сколько десятилетий, – это было всё равно страшно. Ничего потом в жизни не вызывало такой ужас. Ни сломанные ребра какими-то отморозками в девяностых (Морозко – Отморозко, привет, Неегор), ни выловленный из Волги спасателями посиневший труп позапрошлогоднего купальщика. Медвежья башка на человеке была страшнее всего этого вместе взятого. И вот кошмар – непонятно, за какие грехи – воплотился: только вместо го-

ловы медведя у него теперь пенсионерская. И не только голова. Но, в конце концов, живут же пенсионеры со своими выдавшими виды головами, причём на пенсию живут, и медведи живут со своими. А ещё есть такая болезнь – человеку десять лет, он ещё ребенок, а организм у него стариковский, и лицо стариковское. Это, конечно, ненормально, но так бывает. Хотя, когда годы уходят за сорок пять минут, это жуть. Это жуть как обидно и неправильно. А может, законы космоса вдруг стали хозяйничать на Земле: фантасты вот пишут, что астронавт, когда вернётся на родную планету, увидит, что уже все состарились и сто раз умерли, а он будет ещё ничего, почти огурцом.

«Про «сто раз умерли» – это ты молодец, в моём стиле. И про «астронавт будет огурцом» – образненько, по-садоводчески, в твоём, в огородном стиле», – хихикнул внутри Неегор.

«Рули давай, не отвлекайся», – огрызнулся Колобов.

«В болоте живёт водяной, в лесу – леший, в доме – домовый, а у тебя на участке – участковый... Что его вчера не спросил, к стару или к младу?» – не унимался Неегор.

«Достал уже, чёрт словоблудный!»

«Полегче, я всё же часть твоего внутреннего бытия. И не исключено, что лучшая часть».

Начал воплощаться и второй киножас. В «Сказке о потерянном времени» две девочки и два мальчика становятся старушками и старичками. Колобов неумолимо катился к глубокой старости, за которой не ожидается ничего хорошего. Сил останавливать ПАЗик уже не было. Хитрая кондукторша успела спрыгнуть на каком-то полустанке, наверно, для того, чтобы не молодеть или не стареть. Наверно, собственный возраст её вполне устраивал.

Егор уже видел, что бывшая баба Лена превратилась в совсем юную девушку. Да не просто девушку, а в ту самую Леночку-одноклассницу.

«Ту самку Леночку», – передразнил внутренний Неегор одновременно из водительской кабины и из глубин мозга.

Колобов подсел к ней и внимательно, насколько позволяли глаза, взгляделся в неё. Его руки дрожали. Сердце покалывало.

– Лена, ты помнишь меня? Ты сидела на второй парте. Я тебе в портфель ещё записочки подсовывал. Со всякими глупостями. Помнишь?

– Успокойтесь, дедушка, – сочувственно ответила она. Красавица, распахнутые любопытные глаза, чёрные волосы, гибкое изящное тело, невеста невестой. – Вы вон абрикосы рассыпали. Давайте помогу.

– Какие абрикосы?! Зачем абрикосы?

Колобов обхватил голову руками.

Абрикосы. Абрикосы. Абрикосы.

Снаружи, как видно, ударил сильный мороз. Окна покрылись белой узорчатой наледью. Неегор включил обогрев.

«А ведь меня дома ждут жена и дочка, они думают, что я привезу яблок, и они затеют пирог», – подумал Егор и попытался оживить бесполезный сотовый телефон. Сколько он отремонтировал их за свою жизнь... «А если я перешагну за границу старости, как же я смогу с ними разговаривать? И что с ними? Может, они тоже стареют? Или наоборот... И что там вообще в конце?»

«Я сказал: «Приехали!», я махнул рукой», – объявил водитель Неегор в тихоговоритель сознания Колобова.

Автобус остановился.

Довольный Неегор высунулся из кабины: «Белогорск! Выходим из автобуса! Из себя можно пока не выходить, в себе пока можно остаться. Корзинки и ведра не забываем».

Дверцы открылись, внутрь повалил морозный воздух. Бывшие пенсионеры-садоводы, а ныне молодые люди, просто какой-то комсомольский стройотряд, бойко выскакивали и пропадали в метели. Их совсем не смущало, что почему-то зима и почему-то мороз. Их вообще ничего не смущало. Кровь-то молодая, горячая. Они ныряли в холод, как спортсмены-моржи. И как-бы-Лена – тоже. Вот тебе и «престарелый автобус»...

«Колобов-Колобов, ты от дедушек ушёл, ты от бабушек ушёл, а от себя, Колобов, уже не уйти», – сказал уже непонятно кто – Егор или Неегор.

Он с трудом двинулся к дверям.

– Э, да ты совсем плохой, – сказал Неегор и набросил на сгорбленного Колобова свою шубу. Она была обширной и вполне тёплой.

Егор почувствовал, что за дверцами ПАЗика не будет ничего хорошего. Кряхтя и покашливая, с ненужными яблоками и абрикосами, он вышел наружу. «На выход с мощами!», – пошутил вслед ему Неегор.

А Пётр, видно, неспроста пораньше смотался на своем «жигулёнке», не захотел пускать к себе в рай. В раю не может быть такого собачьего холода. Белогорск – это место, куда попадают души садоводов. Но в метельном городе не было ни души. Весь транспорт – неподвижен и тих. Не горели окна, несмотря на вечернюю темень. Бывает, что люди покидают свой дом, и его скелет смотрит безжизненными глазницами окон. Мародёры и воры, словно черви, доедают внутри всё ценное. Без счёта таких домов-мертвецов стоит по русским деревням. С Белогорском, похоже, случилось то же самое, пока Егор до него добирался из садового товарищества «Яблонька».

Сколько времени исчезающий Колобов бродил по пустому Белогорску – неизвестно. Он мерил шагами остывшие улицы, шатался по центральному парку имени Свердлова, ходил по магазинам, старался разглядеть полуослепшими глазами товары. Неегор навсегда, видимо, уехал в свою страну Неегорию. Помолодевшие садоводы, наверно, разбежались по городу. Поначалу Егор пытался открыть глаза широко-прешироко, слабо надеясь на пробуждение. Он подолгу сидел за пустыми столиками в кафе. Есть он ничего не мог. И не хотелось, и не получалось – все продукты перестали для него быть съедобными. За исключением абрикосов бабы Лены. В них был вкус прошлого, так стремительно вылетевшего в выхлопную трубу «льготного» автобуса.

Часть вторая. Белогорск

После смерти жизнь только начинается. Так, покаламбуривая, думал Егор. Торопиться было некуда, поскольку Колобов, скорее всего, умер. Когда это случилось, ещё на садовом участке, в автобусе (14.00, проезд льготный), на подъезде к Белогорску – сказать трудно. Но факт перехода в другой мир был налицо – уж больно всё изменилось по сравнению с той жизнью, в которой он ремонтировал сотовые, ужинал с семьёй или шашлычничал с Петром в СНТ «Яблонька».

В новом мире не хватало всего: тепла, разговоров с людьми, родных, друзей, вкусной еды, да вообще любой еды, не надо было ходить в туалет, не было зелёной травы и листьев, не было солнечного света. Выла вьюга на все лады – полномостная хозяйка поту-

стороннего Белогорска. И только времени было в избытке, настолько в избытке, что его вообще не было. О нём лишь напоминали часы на кирпичной башенке на центральной улице Гончарова. Когда-то она называлась Большая Саратовская, потом в советские времена её переименовали в Карла Маркса. Должны, конечно, были назвать улицей Ленина, но такая уже в городе была. Часы теперь постоянно показывали 14.00, словно напоминая о времени отправления «престарелого автобуса» в один конец. Когда-то они отмеряли время на часовне кафедрального Всехсвятского собора – уникального сооружения, архитектурной жемчужины второй половины 19-го века. В тридцатые годы века двадцатого собор разрушили. Сделали сквер, усадили на пьедестал какого-то революционного деятеля. Часы на время пропали («часы на время пропали» – Егор продолжал играть словами), а потом, в 1975 году, когда соорудили башенку на центральном здании, о них вспомнили, отреставрировали, завели, слава мастерам, и городу возвратили его украденное время. А ещё к этим главным белогорским часам присоединили колокол с другой разрушенной церкви, которая стояла в ушедшем под волжскую воду селе Головкино. Из реки сделали водохранилище и гордо называли его «морем». Тогда было в моде гордиться рукотворными бедами. Самому Белогорску повезло – ведь он на возвышенности, чем и оправдывает своё название. Село с церковью стало ненужным, а водохранилище вселенским потоком завладело громадной территорией, потому что «плюс электрификация всей страны». В общем, в Белогорске появился особый звук, а именно – колокольное напоминание об уходящих часах, днях, столетиях. Конечно, город тоже переименовали, потому что «белая гора» – это слишком красиво, безыдейно и патриархально. Потому он стал Карломарксовском. В девяностых он волевым решением местного Совета снова превратился в Белогорск. Уж больно сложно было выговаривать. Названием города даже на трезвость проверяли: «Карло-мар... Карломарксовск...». Не все жители тогда смирились с корявым именем города и называли его кто как. Поэтому одни и те же люди жили как бы в одном пространстве, но в разных городах. Или – в одном городе, но в разных пространствах.

Конечно, то, что бродило теперь по Белогорску, сложно было назвать Егором. Нечто жалкое, егорообразное. Экс-Егор. Егороид.

Егоробраз. Воспоминание о Егоре, неприкаянное, не одомашненное, не прирученное никем воспоминание. Он уже не чувствовал ни боли, ни холода.

Конечно, он пошёл к себе домой. Вот так: уехал в сад на выходные, а вернулся непонятно через сколько лет и непонятно куда. Что там теперь в его квартире, кто там? Живёт ли кто или притворяется, что живёт?

Заснеженные улицы пустовали. «А вдруг жена и дочка всё ещё там? С чем приду я к ним? С ведёрком абрикосов из раставявшего мира? И сам я, непонятно, существующий или несуществующий? Старый и страшный».

Он ковылял по центральной улице и добрался до магазина «Весна», здесь когда-то был ЗАГС. Он, собственно, и сейчас там был, и Егоробраз даже разглядел в снегу монеты, которыми некогда осыпали молодых. И следы здесь были вполне свежие. Он почему-то подумал, что именно сюда могла забежать шумная ватага поюневших пенсионеров из льготного садового автобуса.

Тяжелая дверь ЗАГСа скрипнула, и Колобов очутился в знакомом помещении. Лет пятнадцать назад он сам тут женился, для друзей это был ещё один повод беззаботно провести время, побарагозить, для родителей его свадьба была хорошей возможностью пригласить родню, ух и напился тогда Колян... В целом свадьба прошла весело, без мужского мордобоя и женских обид. Егоробраз помнил этот день и этот ЗАГС. Жена Юля тогда переживала, что гости ей наступят на длинное платье, а Егор в разгар официальной церемонии жутко захотел в туалет. Это перст судьбы ткнул ему в кишечник и опошил торжество. Ему отвечать: «Да» на вопрос: «Согласен ли ты, Егор, взять в жёны такую-то», ему надевать на палец невесты обручальное кольцо (он и палец-то перепутал), ему перед гостями танцевать под скрипки «первый танец молодых», а его прижало. Потом на видео он долго пересматривал выражение своего лица – для зрителя оно выглядело чрезмерно сосредоточенным, серьёзным и напряжённым (ещё бы: не каждый день человек официально и прилюдно женится). Казалось, в тот момент он взял бы себе в жёны кого угодно, – хоть пожилую уборщицу в их подъезде бабу Клаву, хоть Бабу Ягу, хоть лягушку, змею, жену своего начальника, подписал бы любые документы о своём имуществе, о сдаче себя в рабство на 25 лет, лишь бы эта церемония побыстрее закончилась. Хорошо, что за Егором и Юлей выстроилась ещё не

одна пара брачующихся... Выходил он из ЗАГСа искренне, по-настоящему счастливым с легким – скажем так – сердцем. «Вступил в брак – ну и дурак», – подумал он тогда и предался дальнейшей радостной свадебной суете.

Обстановка и убранство с тех пор не изменились, насколько Егоробраза не подводили память, зрение и сознание. То же светлое помещение, люстры, ещё даже горят, те же амурчики над массивными дверями, те же основательные лестницы, тот же символ законного брака – два кольца. Каково теперь входить в ЗАГС – старым, полуумершим, нелицеприятным. А ведь эти стены столько помнят молодых беспечных лиц, ритуальных поцелуев, выстрелов пробок, пены шампанского, кокетливых платиц, дорогих праздничных причёсок, костюмов-галстуков...

Колобов двинулся к Торжественному залу бракосочетаний, потому что оттуда послышались странное подобие марша Мендельсона и оживлённые крики молодёжи. «Значит, город не пустой, значит, кто-то в нём остался!», – подумал Егоробраз с надеждой, хотя было понятно, что надежду надо было давно оставить, не просто за дверями ЗАГСа, а ещё того «престарелого» автобуса, который привёз его в этот жуткий псевдо-Белогорск. «Оставь Надежду, разведись с Надеждой!» – буркнул в голове надолго покинувший было сознание Неегор. Егорообраз даже обрадовался фантомному зануде-каламбурщику, потому что его игривые фразочки были хоть каким-то развлечением среди неведомого и нового бытия.

Итак, из Торжественного зала раздавался смех. Ощущалась весёлая возня. У входа были свалены рюкзаки, корзинки и вёдра, их хозяева точно ехали в том самом льготном автобусе. И, в самом деле, они были все здесь, вся помолодевшая садовая компашка...

Посреди зала стояла Лена с молодым человеком. Тем самым, который будучи мужиком в годах ещё на остановке в СНТ «Яблонька» рассказывал анекдот про Горбачёва. Молодёжь оживлённо переговаривалась, да, это были садоводы из прошлого мира. Многие держали букеты цветов. И даже водитель автобуса, Неегор, был среди них. Он даже, подлец, подмигнул и помахал рукой, увидев Колобова. И всех этих молодых людей по-прежнему ничего не смущало – ни то, что стало с Белогорском, ни отсутствие людей на улицах, ни снег, ни вошедший в зал старый и пугающий Егоробраз, их автобусный попутчик. Он встал к молодым гостям. В конце концов, не чужие люди, вместе из СНТ ехали, и Лена опять же...

– Правом, данным Конституцией Российской Федерации и администрацией Карломарксовского района города Белогорска, мне поручено зарегистрировать ваш брак, сегодня, несуществующего дня несуществующего года. Сегодня новую семью создадут Борисова Елена Михайловна и Хренодёров Иван Петрович. И у них теперь будет общая фамилия – Хренодёровы.

«Лучше бы ты, Лена, оставалась Борисовой», – промелькнуло в колобовской голове.

– Уважаемые жених и невеста! – продолжала та, чьё право зарегистрировать брак было получено от администрации Карломарксовского района. – Сегодня – самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи – это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения...

Удивляться Егоробраз давно перестал, но подобие интереса у него ещё сохранялось. Сотрудница ЗАГСa выглядела любопытно. Тело вроде было человеческим, а вот лицо... Она словно надела на себя дурацкую маску синего цвета, вместо носа болтался небольшой хобот, глаза были огромные, уши по-заячьи свисали. Складки, морщины, ни одного волоса. Цвет кожи рук и шеи тоже был синим. Огромный рот, как рана от сабли, перекашивал лицо (точнее, инопланетную морду) под углом в 45 градусов. Мясистые губы шлёпали друг об дружку, как два слипающихся блинчика. А голос – ничего, ровный, женский, торжественно-официальный, обычный. «Ну, вот, – подумал Колобов, – всё объясняется просто: нас захватили представители иного мира, развели тут бардак, творят что хотят. Это нам жуть, а им – нормально. Да я смотрю, и этим молодожёнам нормально. И Лене нормально, вон какая счастливая стоит. А то, что их регистрирует синюшная каракатица, – так это пофиг, главное – любовь».

– Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным, – синяя с хоботом наискось улыбнулась и, казалось, опоясала ртом всю свою физиономию.

– Прошу ответить вас, невеста.

– Да.

– Прошу ответить вас, жених.

– Да.

– С вашего взаимного согласия, выраженного в присутствии свидетелей, ваш брак зарегистрирован. Подойдите к столу и своими подписями скрепите ваш семейный союз.

На столе вместо шариковых ручек лежали два перочинных ножа. Счастливые молодожены взяли их, проткнули друг другу указательные пальцы, синяя показала им места в документе актовой записи, и новые супруги зафиксировали свой брак кровавыми печатями.

Гости захлопали, грянула помпезная живая музыка. «А вот и не живая. Мёртвая музыка», – занудил Неегор. Оказывается, тут были ещё четыре синих существа с хоботами и антропоморфными телами, которые наяривали на скрипках кто во что горазд. «Квартет «Синяя птица», – прокомментировал Неегор.

– Прошу вас в знак любви и преданности друг другу обменяться обручальными кольцами.

Жених и невеста окольцевались. С пальцев на дорогой красный ковер капала кровь.

– В полном соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации, согласно составленной актовой записи о заключении брака, скреплённой вашими подписями, объявляю вас мужем и женой. Поздравьте друг друга первым супружеским поцелуем.

Молодые под аплодисменты поцеловались.

– Дорогие супруги! – продолжала шлёпать губищами синяя. – Дорогой любви вы пришли к нам, соединив свои судьбы семейным союзом. Не растеряйте свою любовь среди жизненных неудач и суеты. Пусть ваше счастье будет светлым и чистым, как весеннее небо...

«Про весеннее небо и светлое счастье – это особенно современно», – подумал Егоробраз.

– Сегодня вам вручается ваш первый семейный документ – свидетельство о заключении брака, – хлопала ртом распорядительница церемонии. – К свидетельству вам будут выданы ваши паспорта, выписка из журнала регистрации браков и разводов, данные видеofиксации, билеты на проезд, справка по форме 357, анализы ДНК, справка о вашей благонадёжности, справка о доступе новобрачных к государственной тайне и ещё четырнадцать документов, без которых ваш брак, а также чистое небо и светлое счастье будут считаться недействительными. И сегодня, в этот торжественный день,

вас пришли поздравить самые близкие и дорогие люди. Кроме документального подтверждения того, что они таковыми являются, в том числе на детекторе лжи, они ещё и поклялись молодожёнам, что приходятся вам друзьями и близкими. Дорогие гости, пожалуйста, присоединяйтесь к нашим поздравлениям.

Гости во главе с Неегором под скрип смычков синих хоботов – правда, это была какая-то звуковая окрошка, – стали жать руку жениху, целовать невесту и дарить ей чудом не увядшие, не замёрзшие цветы из нереально далёкого СНТ «Яблонька». Среди кипы бумаг Егоробраз заметил документ – «Справка, выданная Управлением по фитоконтролю РФ по Белогорской области». И там что-то о том, что цветы, выращенные на таких-то садовых участках по такому-то адресу, даты, подписи, соответствуют требованиям какого-то Регламента за номером таким-то и допускаются для торжественных мероприятий по бракосочетанию таких-то...

Егоробраз тоже решил поздравить молодых.

– Привет, Лена, – сказал он. – Ты совсем меня не помнишь?

– Здравствуйте. А вы – тот дедушка, который с нами ехал в автобусе.

– Я Егор Колобов, твой одноклассник. Мы сидели за соседними партами. Мне сейчас терять нечего, поэтому пользуясь этим... торжественным случаем... я хочу сказать, что ты мне всегда нравилась. Хотя сейчас это неважно. В общем, я тебя поздравляю со свадьбой, хотя если жизнь развернулась бы по-другому, может, я сегодня был бы тут в другой роли...

– Ой, правда, это ты... Как ты изменился... постарел.

– Да я вообще не уверен, есть я или это иллюзия. Может, меня уж нет. Самое главное, что ты мне всю жизнь... Ну, как-то так. И – спасибо за абрикосы.

Лена в свадебном платье моды начала восьмидесятых с охапкой садовых цветов изумлённо рассматривала старческое существо, которое в непостижимо далёком прошлом десять лет училось с ней в школе №22 города Белогорска, а теперь вдруг оказалось в числе «родных и близких». Жених уже стал дёргать Лену за рукав, молодые гости начали проявлять нетерпение, синяя строго посмотрела своими мутно-жёлтыми глазищами.

– Егор, ты приходи сегодня на свадьбу. Кафе в подвальном этаже гостиницы «Венец».

Егоробраз кивнул и «вышел вслед за толпой».

– Сходи с ней под «Венец», – сдохмил Неегор и похлопал Колобова по плечу.

У входа в ЗАГС стоял тот самый автобус. Только теперь вместо таблички «СНТ «Яблонька» – Белогорск» было прилеплено «Заказной». ПАЗик был украшен свадебными ленточками. К бамперу привязана кукла-невеста, очень напоминавшая саму Лену. В кабине всё так же болталось на верёвочке чучелко Егоробраза. Получалось, что куклы были спинами друг к другу, через стекло.

Молодёжь весело загрузилась в автобус и расселась по креслам. В таком же порядке, как тогда, по дороге из сада.

– Поехали с нами! – сказала Лена.

– Нет, я потом присоединюсь, я ещё поброжу тут. Да и поздно мне «задрать штаны бежать за комсомолом».

– Следующая «ЦУМ», за перекрёстком остановки нет, – объявил водила-Неегор и добавил:

– И никто не знает, что там вообще есть, за перекрестком...

Двери, шипя, закрылись. Автобус двинулся по пустому мельтешно-холодному центру Белогорска. «Осторожно, ети!» – прочитал Колобов на удаляющемся ПАЗике. То ли буква «д» стёрлась, то ли Неегор шалит. И ругается он, наверно, каламбурно: «Ети, твою мать!». Такую фразу надо говорить при виде снежного человека, а Колобов чем-то теперь его и напоминал.

Как же, как же... Магазин «Весна», рядом с ЗАГСом... Дальше – «Кодак», его как-то по ночам сторожил приятель Дима. Зачастую ещё в молодую, доженатую, студенческую эпоху они с ним в этом «Кодаке» играли в шахматы, выпивали маленько, болтали о всяком до утра. А вокруг – ещё плёночные фотоаппараты, фоторамки, батарейки. Свобода, романтика и безденежье.

Бредём дальше, вкус абрикосов во рту. Магазин «Хлебный». У него всегда сидел один и тот же нищий. Какой-то весь переломанный, в доисторическом пальто зимой и летом, горбатый, и нос, как уменьшенная модель нищего, был тоже горбатым. Он выглядел то тридцатилетним, то восьмидесятилетним, чёрт знает, как это у него выходило. Он выставлял вывернутую руку и всегда напевал такое:

Ягодки-ягодки, ягодки, цветочки,

Набухают, набухают, набухают почки,

В луже головастик, в луже головастик,

Я сегодня не проснусь, это будет здрастье.

Подайте Алёшеньке!

Егор – тогда ещё Егор – всегда подавал Алёшеньке. Он помнил это чувство бедности, когда молодой и здоровый заходишь в магазин, а купить мало что можешь. Обидно. А каково этому никчёмному? Ну, время было такое, кто-то богател, кто-то нищал, кто-то облапошивал других, кто-то сам облапошивался.

Не было теперь Алёшеньки, наверно, сегодня он не проснулся. Никого не было.

Улица Бебеля – когда-то в дореволюционную эпоху она носила уютное название Чебоксарская. Здесь Егор работал, чинил сотовые. Восстанавливал для людей возможность связываться друг с другом.

Дальше – кинотеатр «Художественный». Когда-то ещё ребёнком, лет в 12, он впервые посмотрел там фильм ужасов про Фредди Крюгера, такой репертуар только-только стал появляться. Этот самый Крюгер кромсал людей во сне. Особенно поразила сцена, когда спящую девушку подбрасывало в потолок и резало изнутри, всё было в кровище. С непривычки смотреть на это было очень страшно, да ещё на большом экране. Потом народ привык. Лет через пятнадцать «Художественный» переоборудовали под современную систему звука и 3D-изображение. В таком формате впервые показали фильм о налёте японцев на бухту Пёрл-Харбор. Самолеты, казалось, кружили над головами зрителей, пулемётные очереди словно прошивали кинозал, эффект присутствия был потрясающим. И когда умирал главный герой, многие женщины плакали. Но слёзы высохли, и последующие фильмы с любыми шокирующими сценами и суперэффектами воспринимались спокойно и покорно.

Напротив через дорогу – ЦУМ, главный торговый объект Белогорска. На вид это была примитивная коробка на квадратных колоннах. Рядом – вертикальная коробка, прозванная в народе Кривым домом, он же – «Дом быта». Раньше на этом месте были торговые ряды, старинное сводчатое строение было тоже снесено. Чуть дальше, направо, на месте великолепного женского монастыря возвели – Концертный зал Профсоюзов. Там, где раньше молились, теперь пели и плясали. Сейчас там наверняка тишина, отплясались. Весь исторический центр с тихими деревянными улочками и белокаменными соборами был снесён и разгромлен. Не дошли немцы в Великую Отечественную до поволжского Белогорска, всё сами, всё сами.

И потом были понастроены эти коробки. Что педуниверситет, что гостиница «Венец». Улицы переименовали. И мало кто задумывался, какое отношение имеют все эти карлы марксы, карлы либкнехты, фридрихи энгельсы, августы бебели, розы люксембурги – к Белогорску. Егоробраз вспомнил, что уже тогда, когда город был живым, чувствовалась эта чуждость, нелепица, несурзанность.

Его дом находился на улице с неожиданно тёплым названием – Бульвар Аркадия Пластова. И по этому бульвару, от памятника художнику к Центробанку, мимо Колобова прошла группа синих с хоботами. Они несли духовые инструменты и на ходу играли. Мелодий в их дудеже не было. Это была какофония, набор звуков, визгов, хрипов, шипения, кричания. Они были так увлечены выдуванием духового шума, что не обратили на Егоробраз ни малейшего внимания. Всё, что они извлекали из своих труб и тарелок, заметалось снегом. Спрашивать их о чём-то не хотелось.

Дома Колобов уже не надеялся никого застать. Ключ повернулся в двери, щелчок, щелчок. В открытую форточку залетал снег и таял. На кухне лежала немытая посуда. Значит, жена с дочкой уходили спешно. Или их кто-то неожиданно забрал. В углу работал телевизор – даже выключить, видимо, не успели. Шли новости: Сирия, Украина, Президент, пожары в Сибири, реклама гамбургеров и шампуня от перхоти – всё как всегда. Значит, в стране всё обычно, в стране август, в стране – жизнь. Вся планета ещё существует, а Белогорск провалился куда-то, извратился, обезлюдел и похолодел, наполнился синими музицирующими монстрами. Егоробраз сел на диван и слабеющими глазами осмотрел свою однокомнатную квартиру. Где Юля с Катюшкой, где все? Куда ушли?

«А может, и к лучшему, что мои пропали? Если они увидят меня, то не узнают, а если узнают, то будут в шоке», – подумал Колобов.

Можно, конечно, остаться дома навсегда и исчезнуть окончательно, когда кончатся абрикосы. Но он сегодня приглашён на свадьбу. Неприятно, что Лена выходит замуж за Хренодёрова, но это уже не имеет особого значения. Что ж, ей теперь и замуж не выходить? Хоть какая-то «движуха», как говорит молодёжь. Придётся испортить свадьбу своим сверхстарческим видом. Посидеть рядыш-

ком. Ну, да, ни угоститься, ни выпить, про танцы вообще речи нет. Это всё в прошлом, всё в другом мире.

Что ж, на свадьбу так на свадьбу. Егоробраз вновь плёлся по белогорским улицам. Когда живёшь, то думаешь, что всё более-менее предсказуемо, завтра опять встанет солнце, будет кофе и булочка на завтрак, тебя ждут примерно те же люди, та же работа, схожие радости. «А тут – упс, даже солнце не вечно под луной», – прозвучал внутри голос Неегора. Но как быть, когда всё исчезает, всё прекращается, вычёркивается из длинного перечня существующего. Обычно такое происходит плавно, без резких движений, словно континент движется по три сантиметра в год, или с такой же скоростью вырастает гора. А если всё то же самое, только в миллион раз быстрее? А то и получится. Сел на inferнальный автобус, – и нате приехали. «Делу время – телу час», – встрял надоевший внутренний голос.

Под «Венцом» уже были накрыты столы, и гости во главе с Неегором выстроились в два ряда справа и слева. Молодожёны стояли у входа и готовились торжественно войти. Лена кивнула гостю и пригласила его присоединиться.

– А теперь попросим молодых проследовать в этот замечательный зал, словно в новый мир и в новую жизнь! Под ваши аплодисменты! – это была ещё одна синяя с хоботом. Ещё несколько синих представляли собой оркестрик, который заиграл что-то жутко сумбурное, но в этом звуковом хаосе проскальзывала определённая торжественность, помпезность и даже напыщенность.

Над свадебным столом висел большой плакат, на котором были нарисованы жених и невеста, в которых явно просматривались черты Лены и её избранника. Над ними красовался разноцветными буквами лозунг: «И чтобы вы умерли в один день!».

Молодых осыпали мелкими монетами. Неегор – он выглядел довольным – достал видеокамеру и начал фиксировать всё это действие. Жених и невеста уселись за стол, стали принимать поздравления. Синяя с хоботом чинно ходила с микрофоном, предоставляла всем слово, музыканты то и дело брались за свои инструменты.

– А вы со стороны жениха или со стороны невесты? – прошлёпала она губищами над ухом Егоробраза, который скромно подсел к углу стола. «Чтобы не жениться», – съязвил Неегор в мозгу престарелого гостя. А вслух сказал:

– Он не со стороны невесты, он не со стороны жениха. Он по-тусторонний. Он со мной.

Егоробраз обратил внимание на сервировку стола. Там были только те продукты, фрукты-ягоды, которые помолодевшие садоводы привезли со своих участков на «престарелом» автобусе. Колобов достал из кармана пригоршню абрикосов и выложил перед собой на тарелку.

– Дорогие Елена и Иван. Сегодня самый главный день в вашей жизни, – говорила синяя. – Сегодня вы создали новую семью. И это не потому, что вы так хотите. Это потому что так хочет сама судьба. Поздравим молодых, дорогие гости, пожалуйста, кто желает.

Гости поочередно поднимались с мест и говорили обычные свадебно-поздравлятельные фразы. «Ну как они собираются жить, когда этот город так изменился, а может, и весь мир? Куда они пойдут, чем будут заниматься?» – недоумевал Егоробраз.

Слово взял водитель Неегор:

– Дорогие жених и невеста. Я рад, что привёз вас к вашему счастью, к молодости и любви. Не все могут разделить это счастье с вами. Кто-то теряет, а кто-то находит.

Он подмигнул Колобову.

«На что он намекает? Что я поделился своими годами с молодыми? Конечно, для Лены – не так жалко, но почему меня ограбили в пользу других некогда пожилых садоводов? Это сознавать при-сorrowно и горько», – думал Егоробраз.

– И как только что подумал наш неприкаянный и почти эфемерный гость – «Горько!» – закричал Неегор, и молодые начали целоваться. Ровно четырнадцать раз, и каждый поцелуй отбивали часы на главной башенке Белогорска. Четырнадцать ноль-ноль.

Дошла очередь и до Колобова. Он взял стакан с томатным соком – наверно, успели выжать из дачных помидоров, – встал и сказал:

– Прежде всего я бы попросил не встревать в мою речь товарища водителя. И не только в речь, но и в голову.

Неегор махнул рукой: дескать, да пожалуйста, не очень-то и хотелось.

– Так вот. Я не знаю, что произошло со мной и с нашим городом, может, это потом пояснит наша очаровательная тамада («Очаровательная – вот это пошутил», – не утерпел и встрял Неегор). Но сначала я хочу поздравить молодых, и прежде всего тебя, Лена, по-

тому что нахожусь здесь всё же со стороны невесты. Счастья вам, ребята, несмотря ни на что. Не знаю, вернёмся ли мы в прошлый счастливый мир, может, он только мне привиделся и всё это было неправда, но лучше хоть какое-то будущее, чем никакого. Я желаю вам светлого будущего, чтобы сумрак и снег растаяли.

Синяя иронично болтала хоботом. Показалось, что на конце хобота были пальчики, и они сложились в фигу, и этот кукиш был направлен на Колобова.

– Живите счастливо и любите друг друга. Потому что мы выбираем дорогу часто случайно, но идём по ней долго. Иногда кто-то за нас решает, по какой дороге нам идти или ехать, и на чём ехать, и с кем, и с какими плодами. Но – что сделано, то сделано. Горько!

Молодые снова поцеловались четырнадцать раз.

– Танцуют все! – объявила синяя и шмыгнула хоботом. Её сородичи-музыканты заиграли какую-то муть, но гости с радостью бросились выкидывать коленца и производить всяческие телодвижения. В эту, с позволения сказать, музыку попасть было невозможно, потому это был скорее не танец, а хаотичное подёргивание кукол на невидимых ниточках. Егоробраз, конечно, продолжал сидеть, хотя он с удивлением ловил себя на мысли, что ему тоже хочется присоединиться к этой хореографической возне. Теперь же всё равно, танцует он или не танцует, сидит или стоит, молчит или поёт. Теперь – всё равно...

Горели свечи. Синие рожи и синие руки заполняли пространство своей синей музыкой. За окнами холодила метель. А эта абсурдная свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала.

– А теперь – белый танец! – объявила тамада.

– Белый – Тане, синий – Вале! – скаламбурил Неегор.

Невеста пригласила Колобова. Синие снизили темп и пары, медленно покачиваясь, предалились сумбурным, но уже не таким темпераментным звукам.

– Танцуем, почти как тогда на выпускном, – сказал бывший Егор.

– Сегодня тоже будто выпускной, – отозвалась Лена, – только непонятно, выпуск откуда и куда.

– Из молодости в старость, из реальности в кошмар, из лета в холод, из урожайного сада в метель. Был у меня дом, да никого не осталось в нём.

– А мне кажется, что мы должны быть благодарны за тот танец, на выпускном. Тогда мы смотрели в светлое будущее, теперь – в тёмное. Это равновесие мира.

– Это не равновесие, Лена, это бардак...

Они двигались в прощальном медленном танце под музыку синих монстров, они оба чувствовали, что видят друг друга в последний раз. Уходило то, что и так не сбылось, не получилось. И сколько длился этот танец – пять минут, пятьдесят, несколько часов – кто знает. Но всему настанет конец, и хоботливая «синь-ора» вела сценарий свадьбы согласно своему сценарию замыслу.

– Теперь – весёлые конкурсы! – объявила тамада.

Под музыку девушкам надо было бегать вокруг стульев и при наступлении тишины падать парням на колени. Одной девушке должно было не хватать места. Конкурс был шумный и забавный, молодёжь бегала, толпилась, смеялась.

«А что, – подумал Ерогобраз, – даже в прошлой жизни, когда всё было хорошо, мы тоже резвились, когда сплошь и рядом убивали людей, когда многим нечем было кормить детей, когда к ним приходили коллекторы и приставы и отбирали последнее за кредиты с космическими процентами. Мы так же бегали вокруг стульев, хохотали и щёлкали пультами телевизоров. И в этом ничего не изменилось. Кошмар просто другой, а мы все ржём и бегаем, бегаем и ржём...»

Потом Лена бросала через голову венки невесты. Девушки ринулись за вожделенными гладиолусами, и надежда на счастье улыбнулась бывшей бабушке, которая ещё в той жизни рассказывала про американскую собачку. Она прыгала от радости, как ребёнок, под аплодисменты друзей и подруг. Может, в душе она ещё была бабушкой, но это не мешало ей хотеть замуж. На то и женщины, чтобы хотеть замуж.

Неожиданно для всех и даже, похоже, для синей хоботливой тамады, водитель Неегор достал аккордеон и просто заиграл уже забытую мелодию из той, пропавшей, жизни. И сам запел. И песня эта была самым лучшим свадебным подарком для всех. Она была ОТТУДА, в ней была гармония, у неё были добрые, красивые слова. От этой песни пахло садами на волжском склоне, солнцем, зелёной листвой, шашлыками, друзьями и родными, пахло тем миром, который уже никогда не повторится. Не важно, почему не повто-

рится – из-за вторжения синих, ядерной катастрофы, пространственно-временного локального или глобального трындеца – не повторится, и всё.

*«Издалека долго течёт река Волга,
Течёт река Волга, конца и края нет.
Среди хлебов спелых, среди снегов белых
Течёт моя Волга, а мне семнадцать лет».*

Да, та самая песня, на стихи Льва Ошанина. Гости пели с чувством. Может, понимали, что их молодость – тоже мимолетная иллюзия, которая находится в чужих, синих, бездушных руках. Ненадолго Колобов вновь ощутил себя прежним Егором. Эта песня была глотком свежего воздуха, светом во мгле, приветом из прошлого со вкусами, запахами, цветами.

*«Твой первый взгляд, твой первый плеск весла,
Всё было, только речка унесла.
Я не грущу о той весне былой,
Взамен её твоя любовь со мной».*

Когда песня иссякла, нависла кладбищенская тишина. Колобов встал и обнял Неегора:

– Ну, спасибо, растрогал напоследок, собака ты шутивая.

– Да на здоровье. Пока у тебя есть остатки мозга, я туда всегда влезу, – ответил водила Неегор.

– А мы продолжаем веселиться! – захлопала синяя и отвратительный оркестр заиграл звуковое месиво.

Колобов не стал больше оставаться на этой свадьбе. Он сказал Лене: «Счастливо!», поклонился гостям и вышел в метель.

Часть третья.

Дворец делопроизводства

Ну, и куда теперь податься? Что делать, когда некуда идти и почти нечем – когда голова дурная, а ноги еле двигаются? Он решил направиться на центральную площадь – имени Ленина, на которой был, разумеется, памятник Ленину. Под Новый год здесь ставили главную ёлку города, площадь сверкала огнями, народу здесь всегда было не протолкнуться. Здесь же случались все праздничные шествия – первомайские, ноябрьские, здесь же устраивали общегород-

ские спортивные мероприятия, эстафеты, здесь салютовали в честь Дня города. А всё потому что на площади Ленина возвышалось помпезное здание обкома партии, а в постперестроечные времена в нём располагалась областная администрация. Когда-то тут стояли два собора, один из них – кафедральный, построенный в середине 19-го века в честь тех, кто погиб в войне с Наполеоном. Оба храма погибли в тридцатые, потому что памятнику Ильичу было некомфортно стоять с такими величественными рассадниками «опиума для народа». И вот удивительное дело: пространство одно, координаты те же, а площадь совсем другая, всё другое. Как будто кто-то умер и попал в другой мир. Умер в царской России – попал в советский рай. Ну, или в чистилище, или в ад – дело вкуса и умозрительного ракурса.

Вот и теперь – площадь та же. Но, как и во всём городе, – мрак, то и дело появляются ходячие оркестры синих человекоподобных с хоботами, сплетаются с метелью их дисгармоничные произведения.

И вообще, что было раньше на месте площади Ленина? До того как она именовалась Соборной? Давно-предавно, наверно, океан, в котором сначала копились первые бактерии, потом какой-нибудь планктон, потом водоросли-кораллы, потом рыбы, ихтиозавры, всякие морские чудовища, которые жрали друг друга с большим аппетитом. До сих пор на волжском берегу находят их следы – аммониты. Потом появилась суша, росли папоротниковые леса, ходили динозавры, потом долбанул астероид, пришли млекопитающие звери, выросли хвойные леса, потом из Африки пришли первые люди, бегали тут через будущую площадь, мамонта забивали. Потом – кочевые племена, древние культуры, затопило пару-тройку атлантид. Возможно, на этом месте стоял буддийский храм – место высокое, не зря русские, пришедшие сюда в 17 веке, назвали свой деревянный кремль Белогорским посадом, а чуть позже – Белогорском. Устраивали на этой площади людские сходы, может, и казнили кого, созывали бойцов для сражения с бунтовщиками Стеньки Разина или Емельки Пугачёва. А потом – это уж достоверно, возвели величественные соборы, затем – уничтожили. Сколько всего здесь было! И что здесь теперь творится – неизвестное и жуткое. И что будет твориться завтра, через сто лет, через тысячу, через десять тысяч, сто тысяч лет? Что за неведомые существа здесь будут ходить, летать или ползать? Если это будут люди, то сколько у них будет рук и ног,

какие головы, лица, глаза, на каком языке они будут разговаривать, какие песни петь? Что у них будет на уме? Что они захотят устроить на том месте, где когда-то, совсем недолго, была площадь Ленина? Построят ли они свой очередной храм очередной веры, организуют ли столовую для поедания себе подобных, а может, стартовую площадку для взлёта по маршруту «Земля – Марс – Энцилад»? Наверняка они будут жить вечно, периодически меняя себе органы, как запчасти, и свободно покупая их в магазине. Уже сейчас, не успев Колобов оглянуться на свой дачный участок, как состарился и увидел, что в городе хозяйничают синие хоботы, куда-то девшие всех людей и изменившие климат, пространство и время? Что ещё ждёт это место, столь любимое когда-то белогорцами?

Интересно, что в здании администрации горел свет. Колобову доводилось в свое время бывать внутри – в торжественном зале его принимали в пионеры. Колонны, люстры, красное знамя, строгий и пронизывающий взгляд мраморного Ильича. Тогда звучала песня со словами: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди». Слова казались таинственной молитвой с непостижимым смыслом, было неясно, с кем «вновь продолжается бой», но мелодия влекла вперёд, в светлое будущее, заставляла учащённо биться сердце. Она побуждала вскочить на коня, выхватить шашку и с налету разрубить кого-нибудь пополам, чтобы кровяшка, кишки, мозги, отсечь кому-нибудь голову, чтобы она катилась, как мячик, подпрыгивая. Потому что это – бой за народное счастье. Оставалось только дать чёткое определение, что такое счастье, а в этом была трудность, потому что счастье – у каждого своё.

Егоробраз стоял у входа в бывшую администрацию. Он не заметил, как сзади подъехал тот самый льготный автобус, со свадебными гостями. Неегор посигналил Колобову, двери зашипели, молодёжь высыпала на улицу.

– Проходим, проходим в Дом счастья, – затараторил водитель. – Сегодня у вас начинается новая жизнь... Проходим, а то мне сегодня ещё за следующей партией ехать.

«Какая новая жизнь может быть в администрации?» – недоумённо подумал Егоробраз и вошёл внутрь.

Первым, кто его там встретил, был Пётр. Да, тот самый, сосед по даче.

– Привет! Ты чего здесь? Что вообще творится?!

– Работаю я здесь. Охранник-вахтер-регистратор. Я – Пётр на вратах у входа в ад. Или в антирай, если угодно. Давай и тебя зарегистрирую, раз пришёл. Добро пожаловать в Дворец делопроизводства или Дом счастья. Твой номер – 256 876. Извини, ничего личного.

– Это что, здесь уже побывало столько? Полгорода?

– Ну да. Примерно столько у нас молодого народу. Почему ты сюда завалился, непонятно, ты же постарел, да не просто постарел, а абсолютно, дотла. Вряд ли ты им пригодишься.

– Как образно! «Постарел дотла»... И чего сюда всех привозят, зачем? Им – это синим хоботам?

– Сам всё увидишь.

Вот, оказывается, куда делись все жители Белогорска. Здесь было много людей, и действительно в возрасте не старше сорока. Все залы были оборудованы конвейерами, эскалаторами, которые передвигали белогорцев от одного пункта к другому. Эти пункты представляли собой столы со всякой аппаратурой, где людей просвечивали, сканировали, изучали, выдавали справки, и они двигались дальше. Заправляли всем эти, синие с хоботами. То ли народ одурманили, то ли запугали, но все безропотно, как манекены, продвигались от синего к синему и подвергались исследовательским, оценочным и регистрационным процедурам. Было и много детей, тоже молчаливых и безэмоциональных.

«Куда они все двигаются, для чего?». Колобов хотел узнать ответ на этот вопрос. Он прошёл несколько залов и коридоров, попытался заговорить с земляками-белогорцами, но они его словно бы не замечали, смотрели сквозь.

– Гражданин с регистрационным номером 256 876, не нарушайте порядок. Пройдите в Отдел отбраковки биологических ресурсов, – прозвучало в громкоговорителях.

Слева и справа уже стояли два синих мордворота с хоботами.

– Я пройду, куда вы скажете, мне уже всё равно, только дайте мне десять минут.

– Даём четырнадцать, – сказал синий хобот, и они пока оставили Колобова в покое.

Егоробраз понял, что все эти люди, которые были настоящим и будущим Белогорска, уже не принадлежат себе, их не ждёт ни-

чего хорошего, и конвейер несёт их в какую-то чёрную дыру, чью-то пасть. В середине двадцатого века нечто подобное устраивали немцы в своих концентрационных лагерях смерти. Они выжимали из людей все соки, потом душили в газовых камерах, жгли в крематориях. Это умные, рациональные немцы, носители великой культуры. Тогда их поразила какой-то рак сознания, опухоль мировоззрения. Им казалось это нормальным, мало кто сходил с ума. Значит, такой неожиданный провал в ад уже случался в истории, причём не особо давно.

А что на уме у этих синих?

И тут Колобов заметил на конвейере жену и дочку. Рука в руке, отсутствующие, манекеновые глаза.

– Юля! Катька! Это я! – закричал из последних сил Колобов, но горло не слушалось, хрипы и шипение – вот всё, на что он был способен. Увы, он уже оказался в цепких синих руках. И его близкие люди проплыли мимо на эскалаторной дорожке. Да, они повернули головы в его сторону, они даже кивнули ему – и всё. Они даже понимали, кто он, но, словно под наркозом, («под общим наркозом!») – уточнил внутренний Неегор) смотрели куда-то дальше.

На конвейер возвели и молодёжь со свадьбы. И молодожёнов, и гостей. Никто из них не противился, и все были словно в дурмане.

– Не нарушайте порядок! – сказали ему синхронно два синих и отволокли туда, где людской конвейер завершал свое неотвратимое движение. Видимо, чтобы удовлетворить его желание узнать, каков финал, каков хэппи энд всего этого. Хэппи энд в Доме счастья.

Это был большой зал заседаний областной администрации. Здесь раньше проводились торжественные собрания, съезды, чествования передовиков производства, расширенные и отраслевые совещания. Гигантские люстры, широкие колонны, словно ноги мегаслонов.

Посреди зала на троне восседало, видимо, самое главное синее существо, высокое, как ствол сосны, с таким хоботливым безобразным, с позволения сказать, лицом. Словно удав, вознёсшийся к потолку. Особую жуткую нелепость этому чудовищу придавали очки. Оно брезгливо сверху вниз оглядывало происходящее и прихлёбывало шлёпающими губищами красную жидкость из огромного стеклянного фужера. Когда напиток заканчивался, длинная рука опускала сосуд на особый стол и несколько синих его снова наполняли.

Вскоре Колобов понял, чем наполняли.

Сразу у входа в большой зал синие подключали к белогорцам устройства, напоминающие больничные капельницы или аппараты машинного доения, какие бывают на молочных фермах. Они выкачивали из несчастных кровь.

«В конце концов, люди так или почти так поступают с животными, забивают их на мясо, потом едят и чувствуют себя превосходно, им вкусно, – подумал Колобов. – А тут нашлись те, кто решил поесть нас. Мы для них всего лишь мясная порода, только людей. Наверно, это нормально».

Но Егоробраз тут же вспомнил о жене и дочке, которые приближались к пункту забора крови. Он внутренне взвыл от бессилия, но двое синих держали его мёртвой хваткой.

– Отпустите меня, уроды! Твари! Чтоб вы сохли!

Собранная кровь по кровопроводу поступала прямо к столу главного большого синего. Тёмно-красную липкую жидкость беспрестанно подливали ему, и он пил и причмокивал.

А люди? Бледные и ничего не понимающие, они транспортировались в некий бункер, как чемоданы на вокзалах для «просвещения» на предмет наличия опасных и взрывчатых веществ. Удивительно, что они ещё стояли на ногах. Выезжали они из бункера глубокими стариками и старухами. В них превращались за каких-то пять минут (за четырнадцать – поправил Колобова Неегор). В бункере из людей выкачивали жизнь и молодость. К счастью («Ага, «к счастью», очень смешно» – это опять Неегор), они уже ничего не понимали. А может, и понимали, но ничего поделать не могли. Они доставлялись в Отдел отбраковки биологических ресурсов, а потом складировались там. Оказывается, – синие потащили Колобова на невольную экскурсию, – под зданием администрации находилось невероятнейших размеров помещение, может, на случай ядерной войны. Такое огромное, что там могла поместиться половина центрального района Белогорска. Туда на стеллажи синие сносили ещё живых, но обескровленных и обезжизненных. А ещё эти несчастные были похожи на садовые пугала или масленичные чучела.

«Бывает творог обезжиренный, бывает ворог обезжизненный», – не преминул скаламбурить в голове неугомонный водила Неегор.

Колобов понял, на кого они похожи. Конечно, на него. Его тоже обезжизнили, ещё в автобусе, хотя он пока сам ноги волочит.

Неизвестно почему, но синие решили его отпустить и вытолкнули в метель через дверь во внутренний двор со словами «Не нарушайте порядок».

Егоробраз поплёлся в сторону набережной, к месту, которое называлось Венец. Венец – потому что высокий берег, поэтому и название Белогорск – дословно «Город-На-Белой-Горе». Неясно, почему гора (ну, как гора – холм около двухсот метров от уровня реки), почему гора белая, наверно, из-за снега зимой. А может, она белая из-за того, что в мае бурно цвели белым яблоневыми садами, которые обильно покрывали склон до самой воды. Но летом она была зелёная, а осенью – жёлто-красно-оранжевая. Теперь же гора была серо-мрачная.

В бытность Егором он очень любил сидеть здесь на лавочке у Филармонии, смотреть на волжский мост, на снующие прогулочные катера, теплоходы, изредка парусники. А там, на том берегу, – Заволжский район, железнодорожная станция Верхняя Терраса, а ещё дальше, если проехать километров тридцать, – его сад, СНТ «Яблонька». Здесь всегда было спокойно, тихо, здесь можно было спастись от суетливой обыденности, здесь сладко мечталось обо всём хорошем. Летом тут всегда освежал волжский ветерок. Кто-то умудрился назвать Белогорск городом семи ветров. Почему семи? И каким ветром надуло то, что с ним, с Белогорском, случилось? «Семь ветров надули город», – подумал он или кто-то подумал так внутри него.

До Егоробраза доносились издали сумбурные оркестры синих. Они хозяйничали, и, похоже, их империя всё расширялась, ведь главный синий очкан-долговяз – такой ненасытный. Колобов достал из кармана и съел свой последний абрикос. Он почувствовал, как «престарелый» неегоровский автобус, просигналив, отправился за новой партией беспечного людского материала.

Он сидел на лавочке (Неегор сказал бы, что Колобов сидел на лавочке, через «е»), глядел на замерзающую Волгу и всё глубже погружался в дремоту, из которой вернуться уже было не суждено. В его слабом сознании одна картина сменяла другую.

Вот он – большая рыбина, вроде осётр, барахтается в сетях. Его вытаскивают мужики, они галдят, радуются, ругаются. Он бьётся на дне лодки, пытается вырваться, спастись, задыхается и безумными глазами видит, что это – то самое место, где теперь стоит мост,

но река ещё изначальная, быстрая, чистая, красивая, с продольным большим островом посередине, который теперь под водой. «Вытащили, гады, из моего мира, и хорошо, если я засну – да, рыбы не умирают, рыбы «засыпают», – если я засну раньше, чем мне вспорют брюхо, порежут на кусочки и сварят уху». Уснуть получилось раньше, не успела рыба рассмотреть, какие берега и какая река были до эпохи строительства ГЭС. Вот уж точно – другой, сказочный, навсегда исчезнувший мир.

А теперь он – ворон. Он кружит над Волгой уже сто лет.

...Он видит плывущие на нерест косяки гигантских рыб – белуги, осетры, стерлядь. Холм Белогорска белеет многочисленными церквями. Может и поэтому он – Белогорск? Вокруг него – деревушки, заволжские слободы, стада коров, поля, леса...

А потом он видит: через Волгу начали строить мост, пролёты такие арочные, и как будто мост – это волна. Оползень на берегу разрушил несколько пролётов. Слышна песня «Во кузнице».

...Ещё вид сверху: с южной стороны в город входят вооружённые люди, стреляют из винтовок. Какие глупые людишки, убивают друг друга, большего идиотизма и вообразить сложно. А любой идиотизм сверху лучше видно. Теперь вот что доносилось:

*«Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой,
Загорелый, запылённый
Пулемётчик молодой.
И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня...».*

Этакая задорная песня про тачанку – запряжённую телегу с пулемётом. Весёлая машина-убийца. А ещё видно, как старинный Белогорск начали разрушать, под снос пошли соборы, монастыри, часовни, особняки, стали появляться заводы, новые здания-коробки, и самая большая коробка появилась на вершине холма. Говорят, она посвящена самому главному вождю то ли «красных», то ли «краснокожих».

Белогорск всё крупнее, всё крупнее. Теперь поют что-то вроде «Любовь, комсомол и весна!». От машин рябит в глазах, самолё-

ты снуют туда-сюда и нервируют нормальных птиц. А ещё Волга из реки превратилась в море, сколько земли затопили – намаешься, пока облетишь.

Новый мост построили, длиннющий. Да, воздух раньше чище был, поэтому летать над городом уже не хочется.

Туда, за Волгу, где теперь собирают самолёты.

Дальше, где поля, где залив, там покружить. Что за песни зазвучали? «Американ бой, уеду с тобой, уеду с тобой, Москва, прощай... Ох, было, девки, было...».

Устал. Сто лет – как один взмах крыла. Передохнуть. Отдышаться. Присесть на какую-нибудь крышу, да хотя бы вот этого дачного домика. Ха, сидят два мужичка, пугало смастерили, забавники. Никто из птиц, разве что безмозглые галки, уж этих чучел давно не боится. Меня заметили, «Чёрный ворон» затагнули, хмельные. Мол, ты добычи не дождёшься... Я – дождусь.

На крыше сидит ворон. Два приятеля на садовом участке отдыхают хорошим августовским вечером, болтают, выпивают, закусывают. Рассуждают о женщинах, политике, урожае. Ну точно, один из них – Егор, другой – Пётр. И он – с ними, он – третий, и ему налили стаканчик, насыпали на закуску горсть абрикосов.

Только пить он не может. И есть не может.

Потому что он – пугало, горе луковое, голова садовая.

Дядя Коля

Солнце на закат засобиралось.
Хоть сентябрь, ещё всю теплит.
Виноградно-яблочная благодать
и осенний запах от земли.

Во саду ли в огороде-даче
стул стоит, хотя по сути – трон.
А на стуле том – давно не мальчик,
а мужик. В руках – аккордеон.

Банки толстопузятся на полках,
и в отставке грабли, вилы, шланг.
Кабачки, капуста да морковка.
В общем, выполнен садовый план.

По хозяйству вроде всё закончил,
всё наладил, посадил, вспахал.
И под вечер, словно обесточен,
сел устало, растянул меха.

И на все лады пошёл-поехал,
извлекает гроздь спелых нот.
Про струну (ну ту, осколком эха),
про тайгу (что под крылом поёт).

Обнимает инструмент любовно.
Руки так гуляют мастерски.
Птицы – даже те умолкли скромно.
Воздух чист. Ни нервов, ни тоски.

Было всё. Жужжал станок токарный.
Комсомольский шумный стройотряд.
Были, были встречи с той, желанной.
Первомай. Седьмое ноября.

Свадьба, труд и новая квартира.
И детишек пробные шажки.
Окуни, клюющие настырно.
Было всё, – вершки и корешки.

А теперь – один. Но не стихает
музыка, пока ещё тепло.
И сады степенно отдыхают.
Мухи бьются лбами о стекло.

Лишь соседка с дальнего участка,
собирая яблоки в мешок,
так сказала, тихо и несчастно:
«Видно, дяде Коле хорошо».

Шашлычок на углях дозревает,
Есть чекушка. Теплится задор.
И мужик душевно исполняет
пьесу «Бабье лето. До мажор».

Чики-пуки

Ну как можно сомневаться, когда тебе ласковым женским голосом говорят с экрана, что растворимая химическая лапша – это вкусно и полезно. Хочется знать, что цена соответствует качеству, слова – их смыслу. Что если ты что-то съел или выпил, то не отравишься. Потом разочаровываешься, обманываешься, становишься циником, черствеешь. Честность, доверие – теперь это или признак странности, ненормальности или – такой пиар-ход, быть честным, дескать, выгодно, это репутация нашей компании, и от этого зависят наши доходы. Что там Остап Бендер со своими четырьмястами способами относительно честного отъёма денег у граждан? Мелкий шалун. Сейчас почти все воробьи стреляные – обманывать всё сложнее. Мошенник должен быть всё изобретательнее. Вот и мчится «гонка вооружений»: обманщик – хитрее, жертва его – всё осторожнее. Заборы, сигнализации, видеокамеры, подтверждения, поручительства, удостоверения, подписи... Где эти русские сказки – «Пустите переночевать!» – «Да заходи, вот угошенья, вот баня, вот постель» – «А сам кто таков будешь?» – «Да такой-сякой раз-такий, допустим, Иван Дурак или Иван Царевич». И никто паспорт не спрашивал, предварительного звонка по телефону не требовал, замки на дверь не вешал. «Я – лягушка-квакушка! Я – мышка-норушка! Я – заяц-побегаец!». Всё, этого достаточно. Скрепили купцы сделку рукопожатием, перекрестились – гарантия сто процентов.

Было у Аркадия детство, в котором ему рассказывали, что обманывать плохо. Что если ты нарисовал на парте что-то, то должен поднять руку, встать и перед всем классом сказать: «Это я. Я поступил скверно. Я больше так не буду». Что если тебе родители дали денег на мороженое, то сдачу надо принести. Что если ты увидел, что хулиганы пристают к девочкам, нужно сообщить педагогам, что хулиганы пристают к девочкам. Можно, конечно, как вариант, попробовать побить этих нехороших мальчиков, но тогда можно незаметно самому стать хулиганом. А это нехорошо. Главное – быть честным и слушаться старших, верить в добро. Впрочем, уже тогда природная доверчивость Аркаши вошла в некое противоречие с жизнью:

*Пионер! Всегда будь смелым,
Не бросай на ветер слов.
И проверить слово делом
Будь готов!
– Всегда готов!*

Через три года красные галстуки стало носить стыдно. Их снимали, комкали и совали в карман.

В подростковом возрасте обмана становилось всё больше. Однажды он попросил полужнакомого мальчишку подвезти его на мопеде. Тот согласился, но сказал, что у него не хватает на бензин. Аркадий дал ему денег, тот заправил бак и попросил его пока слезть, после чего газанул и был таков. Обидно и просто.

Чтобы прогулять уроки, многие одноклассники изображали плохое самочувствие. Аркаша так не мог.

Надвигалась юность девяностых с потерей сбережений и лохотронами государственного масштаба. Ваучеры родителей Аркадия благополучно сгорели в каком-то «Хопер-инвесте». Богател тот, кто был наглее, лживее, беспардоннее. Аркадий, тогда уже студент политеха, попытался было торговать на рынке джинсами, кассетами, книгами. Но торговля не шла, потому что товар надо было разрекламировать, втюхать, а на это не хватало наглости. Кто был застенчив и порядочен, тот стал беден. Аркадий подался в сторожа: охранял местную школу. Охрана заключалась в том, чтобы закрыть входную дверь и, обойдя все коридоры, устроиться спать. К нему подкатили из местной шпаны и предложили: мы тебе даём денег, а ты ночью нам откроешь. И мы тут маленько побухаем, может, девочек приведём. Аркадий не согласился, это же против закона. В ответ в одну из ночей злоумышленники проникли в класс, где обучали навыкам труда на станках. Подсадили мелкого в форточку, тот влез и открыл окно изнутри. Грабители вынесли точильный станок. Наутро учитель труда убитым голосом сказал: «Ну а что, сторожу-то всё равно, не он эти станки покупал. Пришёл да спать». Аркадию было невыносимо стыдно. Там, где находились станки, на окнах не было решёток, поэтому решили в милицию не заявлять, списали как изношенное оборудование. Уволился Аркадий с отвратительным чувством, будто он всех обманул.

Мишаня появился в его жизни уже в достаточно зрелом возрасте и его стало как-то сразу помногу. Старые друзья Аркадия удивлялись: как ни зайдёшь к нему – всегда он с Мишаней, толкуют, пиво пьют. Надо сказать, что Мишаня – именно так называл его Аркадий – на вид был располагающим к себе человеком: круглое веснушчатое русское лицо, розовощёкий, с брюшком, с широкой, нет, с широчайшей улыбкой. Чем он занимался и как зарабатывал – об этом все имели смутное представление. А денежки у него, как видно, водились и переводиться не собирались – ездил он на серьёзной импортной машине, о которой Аркадий, к тому времени инженер автоагрегатного завода, мог только мечтать. Нередко Мишаня угощал Аркадия в местном кафе «Теремок», где подавали вполне приличный шашлык. Попытки воспротивиться таким угощениям встретило искреннее Мишанино удивление: мы же друзья, ладно тебе, забей.

– Да ты не дрейфь, всё будет чики-пуки! – приговаривал с улыбкой Мишаня, приобнимая друга за плечо. Ну, как не поверить такому рубаха-парню?! А вы говорите, все люди стали злыми, так и норвят...

То, что произошло через два месяца тесного общения с Мишаней, можно было действительно назвать «чики-пуки». Для начала Мишаня закатил пару «пробных шаров» и спросил у Аркадия в долг. «Конечно, конечно, он столько раз меня угощал», – с этой мыслью очередные деньги исчезали в мишаниных карманах. Попросить вернуть долг было неудобно. Во-первых, смотрите пункт про угощения, во-вторых, как только у Мишани появятся средства, он тут же вернёт, он же сам это сказал.

...Однажды они сидели на кухне у Аркадия и пили водку – обмывали полученные сегодня водительские права. Инженер наконец-то скопил некую достойную сумму для покупки своей первой машины. А кто как не Мишаня был, как выяснилось, ценным консультантом и помощником в этом вопросе. Да что там ценным! Незаменимым.

– Я как раз могу договориться с ребятами, они пригонят из Владивостока «Тойоту». Да за такие бабки, что просто кайф. Ты же не хочешь отечественное барахло? – монотонно убеждал Мишаня.

С каждой рюмкой эта идея казалась Аркадию всё более привлекательной. «А что? Будет у меня настоящая «япошка»...

Долго ли, коротко ли, Аркадий достал заначенные, трудно копимые 320 тысяч рубликов – немалые деньги для провинциальной России 2010 года. Конечно, они были переданы стопкой разномастных купюр, конечно, наличкой, конечно, без всяких расписок и свидетелей (как можно, Мишаня бы обиделся, нельзя его оскорблять недоверием). Когда деньги оказались у Мишани, тот как будто протрезвел, но голос его стал ещё слаще, интонации убедительнее, улыбка необъятнее. Они обсудили объём двигателя, пробег, клиренс, доступность запчастей, цвет и многое-многое приятно-машинное.

– Через две недели тачка будет у тебя, – мурлыкал Мишаня, – будешь гонять, как туз, все девки твои. Подробности схемы доставки сообщить не могу, сам понимаешь.

– Вот спасибо, вот спасибо, что бы я без тебя делал, – заплетающимся языком говорил Аркадий.

На радостях откупорили дорогой коньяк. В ту ночь Аркадию снилась белая «Тойота», он с приятным звуком открыл дверь, сел за руль, ощутил соприкосновение с рычагом автоматической коробки передач. Повернул ключ, загорелась панель приборов, двигатель заурчал. Хорошо... Только в машине почему-то не оказалось педали газа. Педаль тормоза была, а педали газа не было! Машина, естественно, не двигалась. Аркадий растерянно в зеркале заднего вида увидел довольное, круглое лицо Мишани. Потом в этом зеркале Аркадий увидел себя – в колпаке, какие надевают члены счастливой семьи в рекламах, когда у них случаются праздники, и они задувают свечи на торте или радостно едят какую-нибудь дрянь, которая, по замыслу властителей зомбоящика, является средоточием вселенского блага.

Наутро голова Аркадия раскалывалась, его подташнивало. Как ушёл Мишаня, он не помнил. Подспудная тревога за отданные деньги сменялась радостью: через две недели у меня будет крутая тачка! Впрочем, насладиться этой мыслью как следует мешала жуткая головная боль. На работу Аркадий не пошёл, позвонил, сказал, что плохо себя чувствует. Хорошо, что начальник понимающий.

В 11 утра Мишаня пришёл с пивом. Как добрый Доктор Айболит с очередной дозой обезболивающего.

– Ну, всё, вариант найден, ребята работают. В конце следующей недели, сказали, пригонят. Зарегистрируешь, и гоняй. Все девки... Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки!

Они снова пили пиво, рассматривали в Интернете фото выбранной модели. Мишаня – настоящий друг!

Следующие полторы недели Мишаня «работал» по заказу. Он с Аркадием почти каждый день созванивался, друг заходил, говорил, что тачка уже – смотрим карту – в Хабаровске, Новосибирске, Екатеринбурге, а сегодня приближается к Челябинску.

После «Челябинска» Мишаня пропал на три дня. Аркадий хотел, чтобы неделя до приезда машины промчалась быстро, но решил не форсировать события, потерпеть, не тревожить своего благодетеля. Наконец-то Мишаня объявился, и снова с пивом.

– Ну, чего там с машиной? – спросил с порога Аркадий. Он явно ожидал добрых вестей.

– Да всё нормально, Аркаша, – Мишанина улыбка вновь излучала спокойствие и уверенность. – Просто под Уфой там небольшие проблемы возникли, гаишники тормознули, поставили на стоянку. Короче, надо эту проблемку решить, а то и машинка задержится, и ребят подставим.

– И что делать?

– Ну, что, нужна ещё десятка, чтоб всё уладить.

– Но у меня денег почти не осталось...

– Ну, займи у кого-нибудь, в чём проблема, – Мишаня похлопал друга по плечу. – Да ты не дрейфь, всё на мази. Будет твоя тачанка через неделю у подъезда стоять. Только баблишко желательно срочно забашлять, сам понимаешь, а то чем дольше она на стоянке стоит, тем дороже это будет.

И, конечно, снова пили пиво, а потом ещё водочки. Смотрели фильм, где супергерой раскидывал злодеев, валил их в рукопашной, простреливал им бошки, – а всё потому, что эта бандитская группировка взяла в заложники девушку супергероя. Не было сомнений в том, что в конце он их всех победит, потому что в сказках всегда добро побеждает зло, возлюбленную освободит, они поцелуются, измазюканные в грязи и крови, самый упоротый главарь сдохнет последним. Хэппи-энд обязательно настанет. Всё наладится, всё образуется, справедливость восторжествует. Счастливая семья будет прыгать по стриженной лужайке, играть в какой-нибудь бейсбол. Смышлёные детки будут заниматься авиамоделированием, прыгать со скакалкой. Блондинистая белозубая никогда не толстеющая и не стареющая жена будет улыбаться и кричать: «К столу, любимые!».

И все наденут колпачки, потому что праздник, бесконечный праздник. Они не болеют никогда, у папы всегда полно денег, во дворе стоит дорогушая машина – машина, Аркадий! – и солнышко освещает всю эту идиллию.

Теперь Мишаня исчез на неделю, и его телефон объяснял английским голосом, что абонент находится вне зоны действия сети. А, появившись, Мишаня сказал, что надо было срочно уехать по делам в Ростов. Не одной же только машиной Аркадия заниматься, есть и другие дела, в конце концов! Но ребята сказали, что проблема решена и машина скоро прибудет. Через дня два-три. Ну, максимум – пять. Ну, совсем крайняк – неделя.

– Да ты чё, не веришь? – искренне обиделся Мишаня, наливая пиво.

– Да верю, только скорей бы уж...

– Да ты не дрейфь, всё будет чики-пуки! Только ты это, не одолжишь, мне тут за Интернет надо заплатить?

Аркадий молча достал занятые у знакомых деньги. Отказать означало обидеть Мишаню, так много для Аркадия делающего, а это могло притормозить прибытие машины. Прекрасной белой «Тойоты». С объёмом двигателя 2.4, коробка-автомат...

Теперь Мишаня пропал на целый месяц. Надо сказать, что и у Аркадия появились дела. От завода его послали в командировку в Крым на три недели, надо было отладить производство одного изделия. Мишаня то не брал трубку, то телефон его был отключён. «Неужели он так мог поступить со мной? Не может этого быть! А может, с Мишаней что-то случилось, а я про него так думаю?».

Звонок от Мишани раздался неожиданно.

– Здравова, товарищ пролетарий! Как жизнь молодая?

– Привет, Миша! Ты куда пропал?

– Да куда я не пропал. Надо было тут просто кое-какие проблемы порешать. Это у тебя всё понятно: пришёл на завод, оттрубил – и домой, в командировку съездил – и домой, всё ясно, всё просто. А мне, Аркаша, крутиться надо, сам понимаешь, как у нас бизнес вести, с теми договорись, тому лаве сунь, там подъедь разрули. Думаешь что легко так? Мне никто зарплату не принесёт, аванс не перечислит, премию не выпишет. Ну, ничего, я же не мякну, не ною. Я туда-сюда...

– Мишань, а что с машиной?

– Как что с машиной? Всё нормально с машиной. Завтра прибывает к нам в город. Ты чего, волнуешься, что ли? Ну ты даёшь! Машина да машина! Завтра я тебе с утра позвоню и заберёшь свою машину.

– Серьёзно?

– Ты чё, мне не веришь?

– Верю, конечно, но просто... Как-то это всё долго получается...

– Быстро только кошки рожают. Всё, завтра тачка будет у тебя. Точка. Готовь коньяк попонтовей. Или лучше текилу. Всё, давай.

Аркадий посмотрел на телефон, и былая радостная уверенность снова вернулась к нему. Непонятно, что её вернуло: то ли бархатистый Мишанин голос, то ли его выражение про быстроту кошек (и правда, серьёзные дела не делаются бегом), то ли некая игра звуков в словах «тачка – точка».

До обеда Мишаня не позвонил. А когда Аркадий набрал его сам, Мишаня оказался недоступен. Вечером Аркадий пошёл к Мишане домой. Звонок протрезвонил раз десять. Казалось, за дверью слышались шаги, кто-то смотрел в глазок, но никто не открыл. Вернулся Аркадий домой и рухнул на диван.

Он начинал что-то подозревать.

Тяжёлые мысли прервал голос Мишани из телефонной трубки:

– Здравова, Аркаша, тут, короче, такое дело, мне на неделю надо свалить из города по делам, приеду – вопрос с тачилой закрою твоей. Всё, давай мне некогда.

– Мишань, через неделю не получится, я опять в командировку, на десять дней.

– А ты когда в свою командировку?

– Вот как раз через неделю.

– Слушай, Аркаш, будь другом, дай пока у тебя на это время в твоей хате пожить? Ну, как пожить, чтобы там иногда зависать?

Через неделю Аркадий был в командировке, а Мишаня устраивал в его однокомнатной квартире пьянки и приводил туда жрицу любви. Они творили там бардак, бордель, курили прямо в квартире, сломали кран в ванной, разбили три рюмки и две тарелки, облили чем-то обои. Из вещей пропала бронзовая статуэтка, подаренная Аркадию на 30-летие завода, старинная, доставшаяся от бабушки икона и энциклопедический словарь. К приезду Аркадия Мишаня немного прибрался, но следы разгула всё равно остались видны. Мишаня сделал себе копию ключа от квартиры Аркадия, и они до-

говорились, что когда тот будет в командировках – а они случались часто – «хата» будет в Мишанином распоряжении.

Тем временем вопрос с машиной тянулся уже четвертый месяц. Мишаня то не брал трубку, то говорил, что заболел, то Аркадий сам уезжал в командировку. Всё это не мешало Мишане приходить в гости к Аркадию, пить пиво и на вопрос: «Что с машиной?» отвечать, что с машиной всё нормально, она на стоянке, ты меня уже достал, завтра заберёшь, не веришь что ли? Да не дрейфь, всё будет чики-пуки, вот и старайся для тебя, на вот ключи от машины, на! И, действительно, Мишаня отдал ключи, очень похожие на ключи от той самой «Тойоты», объём двигателя 2.4, коробка-автомат... Ну, вот, осталось мелочь – открыть заветную белую дверь, сесть за руль, завести двигатель. Только утром всё предсказуемо повторилось – Мишаня исчез из зоны досягаемости.

Бывает, расстраиваешься из-за какой-нибудь неприятности, нервы тратишь, переживаешь, и тут – опа! Приходит хреновина такая, что обо всём предыдущем забываешь. Так что всё познаётся в сравнении. Снявши голову, по волосам не плачут.

В общем, не Мишаней единым стал с некоторыми пор существовать Аркадий. Нет, ну, Мишаней, конечно, тоже, но история с машиной приобрела привычный, вялотекущий характер. Решил Аркадий – а твёрдо решал он что-либо нечасто – приударить за бухгалтершей Машей, тоже с завода. Миловидная, большеглазая, остроносенькая, всё при ней, причёсочка такая каре, только вот молчит и молчит. Царевна Несмеяна. Аркадий слабо рассчитывал на взаимность, но чем чёрт не шутит. Оказалось, что шутит, и ещё как.

Три раза он сводил её в кафе, два – в кино, один – в театр. Неоднократно провожал её до подъезда, и поцелуи становились всё менее дружескими. Прошёл месяц. Наконец, Аркадий пригласил её к себе домой (пришлось хорошенько прибраться после Мишаниных оргий), купил дорогого шампанского, зажёл свечи. В общем, всё произошло, как положено. И началась другая жизнь: на работу Аркадий шёл окрылённый, там по несколько раз виделся с Машей, ища повод заглянуть в бухгалтерию, а после работы – романтический вечер, перерастающий в романтическую ночь. Он был счаст-

лив, и по сравнению с этим счастьем вечно ускользающий с обещанной машиной Мишаня был неприятной мелочью, словно муха, упавшая в суп. И если эту муху вовремя выудить, то можно сделать вид, что муха и не падала туда вовсе.

А что же Маша? А вот что. Чувств особых к Аркадию она не питала. Хорошенько всё обдумав, она решила брать быка за рога, хотя бык из Аркадия был неважнецкий, а скорее, телок. Проведя с ним несколько «романтических ночей», она поставила вопрос ребром: поматросил – женись. «Так быстро?!» – обескураженно думал взятый за рога, которые, кстати, Маша уже успела ему наставить. «А ведь и правда, я с ней... Ведь после этого не жениться было бы нечестно». Впрочем, колебания Аркадия были недолгими. Вскоре Машин брат, бандит местного пошиба, недвусмысленно предъявил ему ультиматум: или женишься, или мы тебя покалечим. Вот такая романтика и любовь с первого взгляда. А вы говорите: машина-машина. Фигня это всё.

И началось. Родители Аркадия дали последние деньги на свадебный банкет. Невесте купили дорожущее платье, в котором она смотрелась, как в белом мешке. Старые друзья Аркадия, с которыми он почти перестал общаться (Мишаня потеснил), неожиданно получили приглашения на торжество – открыточки с розочками и двумя колечками – одно побольше, другое поменьше. Бывший десантник Вован заметил, что они напоминают две чеки от гранат. Дескать, вот они соединились, и сейчас рванёт. Последовали заявление в ЗАГС, заказы банкетного зала, тамады. А ещё – постоянные посиделки у новых будущих родственников, родителей невесты, брата-бандита.

Мальчишник стал последним свободным днём в жизни Аркадия. Друзья собрались, как в старые добрые времена. Квартирка казалась такой уютной. Будущие гости со стороны жениха травили анекдоты, выпивали коньячок, провожали вольную волю и Аркашино холостячество. Самым громким и говорливым гостем, конечно, был Мишаня.

– Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки! Вот машину твою заберём со стоянки, будет тебе как раз к свадьбе!

– За будущую семью!
– За прогресс!
– А то все друзья женаты, один ты остался не отформатированный, через ЗАГС не пропущенный!
– Прощай, воля-вольная, сам себе хомут организовал.
– Тут как себя поставишь – расслабился и всё, тебя на поводке водят, ошейник душит, почувешь красивую сучку – а тебя сзади каа-ак дёрнут: «Домой!», а там – «Голос!», «Служить!», «Сидеть!», «Лежать!», «Жрать!», «Бежать!» «А пить?» «Пить – фу!». «А погулять, а то приспичило!» – «Терпи, ты же меня любишь? Сейчас накрашусь, причёску сделаю – и пойдём. И вообще, почему ошейник нечищенный, как на нас люди посмотрят?». «Лю-ю-юди, гав-гав, тьяв-тьяв, у-у-у!».

– Ну что вы меня страшаете? Всё будет нормально, – слабо улыбался Аркадий, живо представив себя домашней собакой. То болонкой, то спаниелем, то ризеншнауцером. И тут он так захотел быть дворнягой, пусть бездомной, голодной, с колтунами в грязной чёрной шерсти. Но свободным существом, без ошейника, без команд, куда захотел, туда побежал, где вздумал, там и заночевал... Только зимой можно окоченеть, от голода сдохнуть, под машину попасть. Под машину. Под белую «Тойоту», объём двигателя 2.4, автоматическая коробка передач...

– А жить где будете? – прозвучал среди веселья резонный вопрос.

– Пока не знаю, – ответил Аркадий, – скорее всего, в этой квартире.

На этих словах привычная Мишанина улыбка исчезла. «Хата» для развлечений уплывала.

Потом компания переместилась в баню. В пару и похлёстывании венчиков будущее Аркадия было смутным. Дело дошло и до вызова представительниц древнейшей профессии.

– Давай, Аркаша, оторвись напоследок! – призывал округлый и красный Мишаня.

– Да чё-то неохота, – отнекивался Аркадий, а сам думал: «Ну, нельзя так. Это же нечестно. Там Маша к свадьбе готовится, а я – тут». Он сидел, обёрнутый в полотенце, словно какой-нибудь древний грек или египтянин, прихлёбывал пиво среди звучных выкри-

ков, девичьего визга. Он хотел, чтобы этот мальчишник побыстрее закончился.

– В субботу все подходим ко мне домой к 10 утра. От меня поедem выкупать невесту! – объявил он.

Троекратное «ура!» сотрясло баню.

На свадьбе Аркадий выглядел с иголки, в сером, с отливом, костюме, в дорогом галстуке. Он был напряжён и желал, чтобы всё прошло «без косяков». А если ещё откровеннее, он хотел, чтобы Маша этим днём осталась довольна. А если совсем-совсем быть перед собой честным, то главным чувством к невесте и будущей жене был страх. Он боялся, что она станет раздражительной, надует губки, пожалуется брату, маме-папе. Они и так неоднократно прессовали его на тему «каким должен быть муж у нашей Машеньки». Собирали по этой проблематике «круглые столы», проводили лекции, конференции и брифинги. Если подытожить эти информационно-пропагандистские мероприятия, то лейтмотив был таким: надо отдавать ей всего себя без остатка. Это Аркадия томило, но он предпочитал просто не думать и верил, что всё будет хорошо. Он же работяга, не алкаш, если что – всё в дом, всё в семью.

Свадьба получилась весёлой для всех, кроме жениха и невесты. Маша была тоже напряжена и до росписи боялась, что рыбка сорвется с крючка. Но рыбка заглатывала наживку всё глубже, и освободиться стоило бы вырванных кишок и большой крови. Разумеется, свидетелем со стороны жениха был Мишаня, он непрестанно шутил, хохмил, ухлёстывал за подружками невесты, за что чуть не получил в глаз. Друзья Аркадия видели невесту впервые. За всю свадьбу она сказала гостям только фразу: «Спасибо родителям, гостям и родственникам, что пришли поздравить нас». Сначала говорили родители, потом – другая родня, потом – друзья-подруги. Машина подруга прочитала в адрес молодых отвратительные стихи собственного сочинения: любовь будет вести вас сквозь звёзды рука об руку пока смерть не разлучит вас но прекрасная любовь вечна ты будешь ему готовить он будет тебя защищать от невзгод смотри-те друг другу в бездонные глаза вы пронесёте пламя свечи сквозь года и ваши сердца в дыханье ветра будут биться в такт обручальное кольцо это вам не просто так это символ запомните этот день.

На фоне лозунга из надувных шаров «Совет да любовь» после напутствия родителей начался сбор подарков и денег под поздравительные речи.

– Аркадий и Мария, поздравляю вас с законным браком, вот если он был бы незаконный, я бы вас не поздравлял, – тостировал Мишаня. – Говорят, что хорошее дело браком не назовут, ну и пусть говорят. Не забывайте друзей, если придём в гости – угощайте, а то надоедите друг другу. Живите, размножайтесь, и всё будет у вас чики-пуки!

На эти слова на лице невесты появилась гримаса недовольства, и долго не исчезала. Слово взял её брат:

– Ну, вы это... Типа сёдня главный день в вашей жизни. Кароче, поздравляем... Если чё не так, я всё порешаю. Ну, мы это – дарим телевизор. И это, как его...Горь-ка!

Сторона невесты очень беспокоилась, что свадьба не принесёт дохода. Поэтому, когда мальчик озвучил сумму вырученных средств, аплодисменты прозвучали вполне искренне.

Всё разнузданнее были танцы, всё пошлее конкурсы, всё пьянее, озверённее вздымался крик: «Горько!». Машин брат спьяну «наехал» на тамаду, молодого парня, и сказал, что за такую работу «ты хрен чего получишь». Невеста пару раз пропадала, на что-то обидевшись. Потом она устроила скандал Аркадию: «Почему твои друзья себя так плохо ведут и почему не все они с жёнами?» и «Почему такие неинтересные конкурсы?». А конкурсы для пьяной невзыскательной компании были самое оно: парни наряжались в ползунки и чепчики, пары танцевали, зажав между собой надувные шары, и даже была разыграна сказка «Теремок», и собственно Михаилом Потапычем был Мишаня. В конце истории жители теремка доверились ему, пустили внутрь, Мишаня навалился на обитателей жилища. Давка, куча-мала! Смешно.

Закончилось всё традиционным тортом, кусок которого продали на «аукционе», броском букета невесты через голову (никто не поймал) и прощальным танцем молодых. Увенчал вечер Мишаня, который обходил столы и собирал алкоголь к себе в пакет.

Первая брачная ночь не получилась радостной. Маленькие амурчики с луками и стрелами валялись вокруг брачного ложа, как дохлые голуби. Маша устроила Аркадию «разбор полётов»: то ей его друзья были неправильными, то ей машины приехали не вovre-

мя, то ей платье не понравилось, то некоторые родственники были слишком пьяными и неуправляемыми, то горячее подали слишком рано. А ещё его мама на Машу нехорошо смотрела, музыка была несовременная, а Мишаня вообще кошмарный тост про брак сказал. Аркадий всё приговаривал: «Машань, Машань, ну, всё нормально, ну, хватит, всё нормально...». Была ли у них первая брачная любовь – до сих пор неизвестно.

Так Машаня выдавила Мишаню из пространства Аркадия.

На второй день молодые пригласили гостей в придорожное кафе, которое «крышевал» брат Маши. Сама молодая была куда разговорчивей, нежели на свадьбе, и всё спрашивала у Аркашиных друзей, почему они пришли без жён. Её родственники норовили налить всем побольше водки и предъявляли претензии, довольно агрессивно, когда встречали отказ или просьбу не «борщить». Её родня во главе с братом-бандитом была очень шумная, ор стоял не-сусветный, и сторона вчерашнего жениха, даже круглый розовощекий Мишаня, поспешила вежливо ретироваться, оставив Аркадия на растерзание родоплеменной стаи.

В общем, стали Аркадий и Машаня жить-поживать да добра наживать. И не было этой сказке конца. Машаня завладела его банковской карточкой и отбирала всю мужнину зарплату. Сколько он получает, она была осведомлена прекрасно – бухгалтер по месту работы всё-таки. А на работу они ездили вместе. Получалось, что с жёнушкой Аркадий проводил круглые сутки, семь дней в неделю. А по выходным они гостили у её родителей, дядь, тётъ. Пить Аркадию дозволялось только под присмотром Машани и только с её родней. Вся эта незамысловатая публика интересовалась, причём весьма досконально, всеми сторонами жизни молодой семьи, особенно тем, сколько получает Аркадий на заводе и в командировках, на что будут потрачены свадебные деньги. Аркадий снова пропал для своих друзей, и даже для Мишани.

Не прошло и года, как Машанина родня, и прежде всего брат-бандит, убедили Аркадия продать свою однокомнатную квартиру, доставшуюся ему от покойной бабушки. По официальной версии – чтобы на вырученные деньги сделать евроремонт в новой двухкомнатной квартире, куда молодые заехали недавно.

Именно по этому поводу сидели в кафе Мишаня и Аркадий. Мишаня нападал, Аркадий отбивался.

– Да ты вообще с ума сошёл? Это твоя собственность! – горячился Мишаня. – Люди за квартиры годами на ипотеку горбчатся, а тебе она за так досталась! Да это единственное, что у тебя есть ценного, и то хочешь отдать мошенникам. Это такая семейка! Если что не так – они тебя вообще выгонят, и куда ты пойдёшь? В дом к родителям?

– Зато я поступлю благородно и докажу им, что я делаю всё, чтобы укрепить доверие в семье...

– Какой семье? Это твоя стервозина – семья?! А может, брательник её? Или тёща с тестем?

– Ну, я уж решил – продам...

– Он решил! Решала какой! Рассуют твои деньги по карманам! Слушай! – у Мишани аж вспотели пухлые ладони. – Твою квартиру надо спасать! Давай ты на меня дарственную оформишь? И так она у тебя останется. Ты будешь её сдавать, мы будем там собираться, зависать, как раньше, все дела... А?

– Миш, а что там насчёт машины? – неожиданно парировал Аркадий.

– Какой машины? Да с машиной всё в порядке, стоит твоя машина на стоянке. Тебе не о машине сейчас надо думать, у тебя квартиру отбирают! А ты, как последний лошара, её сам – сам! – отдашь...

Но Аркадий только мотал головой, говорил, что «всё решил» и обезболивал себя водкой. Машаня звонила через каждые 15 минут и спрашивала: «Ты где?» и «Когда домой?»

Через месяц квартира была продана, и Аркадию от этого не досталось ни копейки.

Как-то он проболтался жене (у супругов не может быть секретов), что Мишаня должен был ему пригнать машину, но так и не пригнал. И Машаня стала грызть его с новой силой – дурачина ты, простофиля, ступай к своему Мишане и добейся у него машины, а то ездим с тобой на завод, как чернь какая деревенская, на общественном транспорте. Не хочу быть чернавкой – пассажиркой автобусной, а хочу кататься в «Тойоте» белоснежной, и чтобы ты был у меня на посылках! Закручинился Аркадий, да делать нечего, стал опять звонить Мишане, а у того телефон снова вне доступа.

Прошло несколько лет. Говорят, нередко сидит Аркадий с Мишаней в «Теремке». Мишаня всё обещает пригнать машину. И давно

бы Аркадий купил бы себе какую-никакую машинёшку, да всё на что-то надеется. Да и Машаня пошла на принцип – с Мишани надо стрясти именно эту тачку. А деньги Аркадия – это её деньги, потому что они – семья. Хотела Машаня как-то на Мишаню брата-бандита натравить, но у того оказалась своя «крыша», и до серьёзных разборок доводить этот вопрос не стали.

Годы уходят в песок, седина поселилась в когда-то чёрных, когда-то непослушных и непричёсанных, волосах, дни растрачиваются на пустяки, переживания, на обретение этих дензнаков, на то, чтобы их сохранить, приумножить, облапошить ближнего, вложить заработанное в кухонный гарнитур и мягкие кресла, в ремонт ванной с перламутровой плиткой, в отделку балкона...

Аркадий, словно большой и потрепанный, загнанный в угол заяц, пьёт свое горькое пиво, спрашивает Мишаню о машине, боится Машаню и верит, что всё ещё будет чики-пуки.

Тёплые вещи

Дому скажу я: родной, до свиданья.
Путь удивительный кем-то обещан.
Истосковался по расстояниям.
Я собираю тёплые вещи.

Спальник, рубашка, носки поплотнее,
от комаров и клещей что-то пшикнуть.
Нечто во фляжечке – ночью согреет.
Нечто, хоть и без коньячного шика.

Жидкость для розжига воображенья.
Ветер попутный – в отдельный пакетик.
Чтоб не стеснялись телодвиженья –
джинсы, футболка, кроссовки вот эти.

Удочки – озера гладь потревожить
легкой поклёвкой, всхлипком озёрным.
С тишьёю, друзья, надо быть осторожным,
шумом чтоб не захлатьнуть всевозможным.

Можно представить себя важным пчёлом,
густо гудящим, жужжащим, снующим.
Мёд на губах всеапрельских девчонок
продегустировать и – выбрать лучший.

Или слоняться с фотоаппаратом
(всё ведь со временем память расплещет).
Можно в глуши обустроить палатку.
Я собираю тёплые вещи.

Пасть распахнул чемоданище (кожа).
Жрёт не жуя, всё что кинешь, с восторгом.
Кушай, мои нервотряпки, хороший,
и улыбайся молнией-мордой.

Будут столбы мельтешить и домишки.
Знаки и символы – для толкованья.
Вот я глаза распахну, как мальчишка:
реки, леса и поля – мирозданье.

Надо присесть перед дальней дорогой:
посуеверим чуть-чуть для проформы.
Как же Россия наша огромна!
И не понять, то задорна, то вздорна.

В ветре теплынном роятся веснушки.
Пунктов названья жилых и не очень.
Это игра в городки, в деревушки.
Лишь бы поменьше ямок и кочек.

Пусть всё попятное станет попутным!
Где б мы ни мчали, ни тормозили –
благоволят нам пусть неотступно
силы небес, лошадиные силы.

Фары зажглись интересом глазасто.
В путь! И машина уже рвёт и мечет...
И да пребудут с нами, ребята,
тёплые вещи.

Рожь во спасение

Употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Однако...

Автор

Глава 1. Последнее китайское предупреждение

Нет питья лучше воды, как перегонишь её на хлебе, – гласит русская пословица. Не сказать, чтобы Иван Окрошин, коренной житель поволжского города N, был человеком впечатлительным. Но эта интернетная информация стала для него во всех смыслах последней каплей. Последней каплей водки. Даже не совсем так: последней каплей вообще любого отечественного магазинного спиртного... Нет, чуда не произошло, и употреблять он не бросил. Слишком это было бы хреновое чудо: наподобие того, как если бы отказаться от женщин, даже от жены, перестать есть картошку или помидоры, начать смотреть на мир одним глазом или только в зелёном цвете. Добровольно непьющие, не по здоровью, а по убеждению, для Ивана были кем-то сознательно, по дурости своей, словно отрезавшими у себя какой-нибудь орган. Короче, не от большого ума бывают абсолютные трезвенники. Иван прекрасно понимал, что полнота и смысл жизни – не только в вине. А прежде всего – в любимом деле, увлечении, страстном желании чего-нибудь. А с этим вот уже на протяжении всей взрослой жизни наблюдалась проблема. Поиск этого любимого дела не задался. Да, Иван Окрошин всегда обожал бродить по лесам и собирать грибы, но для настоящего смысла жизни этого было мало. Подумаешь – грибы. Хотя под стопочку маринованный маслёнок или солёный рыжик – это вам посильнее «Фауста» Гёте будет.

В старших классах у него стали получаться сочинения – поступил на филфак. Но просто любить литературу – эка невидаль. Пробовал выучить французский язык – не хватило терпения. Рискнул после университета поработать в школе – разочаровался в учительстве: тетради, бумажки, педсоветы, самодур-директор, оскорби-

тельно низкая зарплата. Сторожил похоронную контору по ночам, спал среди венков, гробов и образцов надгробных памятников – и всё ему казалось, что, как в гоголевском «Вие», взлетит гроб, а в нём – панночка, а наутро дети спросят его: «А что это вы, Иван Сергеевич, седой весь?».

Девушки, с которыми он периодически «мутил», не становились чем-то, чему можно было всего себя посвятить, скорее, так, для похвальбы перед друзьями, ради «очередной звёздочки на фюзеляже». Потом женитьба, сын, работа в местной газете. Там приходилось писать всякую чушь, рапортовать, как доблестно коммунальщики убирают снег, брать интервью у всякого начальника на тему: «Почему Вы, Солнце Незакатное, такой хороший, и что ещё замечательного Вы сделаете во имя людей?». Работал на выборах с разными кандидатами, писал им лозунги и предвыборные программы («Сильным – работу, слабым – заботу», «Говорю правду, служу народу» и т.д.), и с тех пор ему любая реклама стала невыносимо противна. В любом слогане, плакате, газетном заголовке и даже бутылочной этикетке ему виделся обман. Немного довелось побыть даже на муниципальной службе по тому же профилю – поработать в отделе по связям с общественностью. Но прислуживать тоже было тошно, и Окрошин устроился простым охранником в торговый центр. Ходи, наблюдай, ничего делать не надо. Но он понимал, что и это – тоска, и надо искать что-то другое...

За чередой разочарований и просто на волнах жизненной реки Иван иногда закладывал за воротник, обычно в компании друзей. В этом смысле всё было классически: сначала веселье – потом похмелье. И думал Иван, как и миллионы наивных и полунаивных людей в нашем своеобразном Отечестве, что больная голова наутро – это нормально. Если выпил – болей. Один его знакомый, Паша, побывав в Чехии, рассказывал такую сказку: пьёшь с утра до вечера – пиво, ликерчики, сливовицу, опять пиво. А наутро – как огурчик, никакого похмелья. Балабол, конечно. Разве так бывает?!

Надо сказать, что ужасов, замешанных на алкоголе, реальных, повседневных в городе N было предостаточно. Здесь вам не Прага. Почти каждое утро Иван встречал во дворе соседа – Мишу Зомби. Так его прозвал Иван два года назад. Понятно, почему Зомби, а иногда – Зомби-Апокалипсис: Миша, бледный, потрёпанный, поджидал любого знакомого, чтобы стрельнуть мелочь на опохмел. «Настрел-

лянного» хватало как раз на аптечный «фанфурик боярь». Не одну тысячу спивающихся убило и покалечило это «лекарство». Сильные мира сего, конечно, не употребляли «перчики» и «боярышники», не заливали в себя омывайку и стекломой, а лакомились дорогущим «Хеннеси» или односолодовым шестнадцатилетним «Лагавулин». Миша проникновенно смотрел в глаза потенциальному меценату своим коровьим взглядом, крепко жал руку и говорил надломленным, вкрадчивым, тихим голосом (в такие моменты алкоголики становятся настоящими психологами): «Слушай, выручи, а? Сколько сможешь...». Слово «выручи» было выверенным. Если ты не бесчувственная сволочь, ты выручишь ближнего своего, это же знакомый, сосед, ты ещё знал его нормальным человеком. Чё, за десятку удавишься? И при этом чувствуешь, что если жёстко откажешь, пошлешь подальше, он ещё и психануть может, ножичком пырнуть, проклянет, под дверь нагадит. Лучше дать горсть монет, дешевле будет. И Иван обречённо лез в карман, доставал деньги, мелкие, но всё же свои, заработанные, и совал в большую грязную ладонь.

– От души. А ещё маленько?

– Всё, больше нет.

– Благодарю. На следующей неделе отдам.

«На следующей неделе». Щас, разбежался. Миша сразу плёлся к киоску или в аптеку. Больной всё-таки. Когда-то он был толковым отделочником. И ещё лет тридцать мог бы им оставаться. Но спирт сделал из него Зомби. Иногда Ивану хотелось, как в голливудских фильмах, взять бензопилу и хреначить таких направо и налево. Только вот загвоздка: все эти живые мертвецы совсем недавно были вполне обычными, нечужими людьми. Это только в кино легко: хреначить. Таким был и тесть Ивана, талантливый строитель, золотые руки. Он всё мог делать по хозяйству: электропроводку, сантехнику, плотничал, столярничал, имел кучу различного инструмента, всегда что-то строгал, пилил, сверлил. Домашние на него не могли нарадоваться. И вот нарадовались: человек пил всё больше, бросил работу, стал переть всё из дома, валяться в грязи под заборами, бить жену и дочь. Его золотые руки стали трястись, он пропил сначала инструмент, потом и самого себя. Через пять лет беспробудного пьянства, двух неудачных кодирований, разборок с милицией, постоянных фанфуриков и «левого» спирта его нашли бездыханным под яблоней в своём огороде. Иван его иногда вспоминал, глядя на остеклённый им балкон, – рукастый был мужик, царствие небесное.

Что-то подобное происходило и с двоюродным братом Антоном: все его мысли, все разговоры сводились к одному – «бухнуть». Финал несчастных встреч с ним оставался неизменным: он тоже клянчил, но уже не мелочь, а «полтинник» или «стольник». Неприятно было втройне: денег жалко, потому что понятно, что они фиг вернутся, мать и жена брательника, несчастные женщины, напрягались и роптали, дескать: «Зачем его спаиваешь?». А отказать тоже было непросто: «Ты мне брат или не брат?.. Тогда выручи». Опять – выручи. Поэтому с братаном он стал видеться реже и реже. Он, братишка, теперь тоже превратился зомби, в животное, которого и из дома не отпустишь – напьётся, набарагозит, попадёт под машину, сломает руку-ногу-рёбра. И дома одного не оставишь: позовёт собутыльников, друзей, бомжей. Тихий постоянный ад, не заметный для постороннего глаза. А ведь в детстве вместе играли, вместе росли, на рыбалку ходили, на мопедах гоняли. И попивать стали вместе. Это и стало развилкой судьбы: Иван удержался, стал употреблять не так отчаянно. А вот Антон, скажем так, спился с пути. И теперь добивал себя даже с некоторой бравадой: дескать, неудачник я, всё равно схохну. А после второго стакана с ним случалась истерика, его охватывала злоба, он норовил всё разбить, бессвязная словесная матерная мешанина, как блевотина, заполняла его нутро. Он постоянно курил, и рука с сигаретой даже не всегда попадала в рот. Вот так: совсем, казалось, недавно задорный мальчишка, вечно что-то придумывающий, изобретающий, затейник-заводи́ла – теперь лежащий на диване овощ.

Случалось, что и Иван перебирал. Однажды он особенно крепко «накидался» в связи с тем, что наши в коем-то веке выиграли. Пришёл в беспамятстве домой, провалился в сон. Наутро, понятно, голова раскалывается, во рту – кошки нагадили. А жена ему и говорит испуганно, хотя обычно в таких случаях ругалась и дулась:

– Вань, я всё понимаю, но зачем так-то вчера было?

– Победу отметили. Два-ноль.

– А ты вчера во сне разговаривал. Всю ночь. Я тебя толкаю, а ты не просыпаешься.

– Ну, извини...

– Но ты не просто разговаривал. Ты разговаривал наоборот. Как Шариков – «абырвалГ». И – целыми предложениями. Мне труд-

но было переводить, но я поняла, что ты куда-то идёшь, тебя кто-то мучает, ты чего-то просишь. Говорил всё «жор», «жор», это что, «рожа» что ли? Или «рожь»? А ещё разобрала «отолоб, отолоб», «унот», «етигомоп». И так всё – словами задом наперёд...

Тогда Иван схватился за больную голову и несколько месяцев избегал больших возлияний. Было страшно. А город N и другие населённые пункты продолжали спиваться, становясь всё менее населёнными. Кто сгорал в пожаре по пьяни, кто под машину попадал, кто с нетрезвых глаз рискованно чудил. То здесь, то там несли на кладбище молодых и не очень мужиков. И многие говорили: туда им, алкашам, и дорога. Сами, мол, дураки. Что ж, все заняты собой, все делают деньги. Ну, бухает кто-то за стенкой, в твоём подъезде, в твоём городе, ну, погибается. В телеке вон тоже ужасов полно, за всех не напереживаешься.

Но сегодня Ивана по-настоящему торкнуло. А всё из-за такого, интернетного:

«Более 80% этилового спирта, из которого производится водка в РФ, ввозится из Китая. Это не секрет, есть данные Госстата в открытом доступе. В Китае спирт не делают из зерна, картофеля или из винограда, в Китае спирт производят из канализации. Да-да. И из этого там не делают секрета. Тайной это становится в России, где водочная мафия и их «покровители» в правительстве, продажные СМИ гонят оголтелую пропаганду пьянства, разврата и национального вырождения. Но каждый, кто выпивает водку, может смело представить себе испражняющегося китайца. И этих китайцев больше миллиарда, все много работают, употребляют в пищу всякую гадость и много испражняются. Канализация идёт в переработку, и из этого делают спирт. Этот спирт отправляют на экспорт в Россию. Здесь предприимчивые и скользкие людишки разбавляют эту гадость, клеят этикетки и продают бутылками. Китай работает на унитаз. Русские пьют и дебилиют. Олигархи только успевают распахивать бабло по оффшорам».

Это было уже слишком. Иван действительно представил китайца, который тужится на унитазе. Воображение разыгралось, и появились картины маслом, точнее, дерьмом: километры говнопроводов несли нечистоты Поднебесной на особые заводы. Они молодцы: из вонючей жижи у них получается дешёвый спирт. А мы за него ещё и деньги платим, вырученные от продажи нефти и газа, из

которых тоже, говорят, делают спирт, из газа этилена. Ну ладно бы ещё гидролизный спирт из опилок (вспомним бессмертные строчки Высоцкого), ладно из нефти. Но, с..ка, из дерьма!.. Это называется химическая промышленность на службе человечеству. А этикетки – просто песня. Вековые традиции, очищено молоком, серебром и мёдом, вода кристальная из ледника да родника – да просто не водяра, а эликсир вечной жизни, лекарство от всех болезней, панацея от всех бед. И, купившись на этот паблик рилейшенс, отдаёшь деньжищи, чтобы стать обладателем китайского говнища, только на молекулярном уровне. Пей, Ваня, запотевшую, под огурчик, козлёночком станешь, бараном, Мишей Зомби, хватайся за нож, круши мебель, теряй работу и уважение людей, превращайся в коровоглазого дрожащего дебила, подыхай от цирроза, делись кровно заработанным! Уплывут твои рубли – часть на акциз, а в основном – богатею-бизнесмену. Ну и ма-а-аленькая копеечка достанется продавцу в магазине и тому китайцу, с которым ты братья навек. Нет, Иван Окрошин ничего не имел против китайского трудолюбивого народа, который за каких-то двадцать пять лет вывел свою страну в мировые лидеры. Он просто имел скромное желание – не наливать в свою рюмку дерьмо. А ведь если так подумать – не только водка. Этот этанол, – кстати, как звучит «этот этанол», – *made in China* могут лить и в другие напитки: коньяк, вино, пиво. Где гарантии, что нет? Как проследишь? Каждого мерзавца за руку не поймаешь на ликёроводочных заводах, и тем более в многочисленных ангарах и гаражах по всей нашей необъятной Родине. «Даже если это правда хотя бы на один процент – уже катастрофа. Потому что один процент – это несколько миллионов китайцев. Докатились...», – подумал Иван.

И тут ему вспомнилась пересказанная одним из его друзей история. Не связанная, на первый взгляд, с «китайской страшилкой», но тоже характерная для российского питейного кошмара. Так вот: работал этот приятель на крупном пивзаводе. А там – всё для производства так называемого пива: крупные баки, трубы, громадные объёмы, владельцы иностранные – то ли голландцы, то ли датчане, то ли турки. Приятель в числе других был ненадолго привлечён для ремонта оборудования на этом славном предприятии, которое, как говорят, за счёт акцизов приносило в бюджет N-ской области четверть всех доходов. Из-за этого, по слухам, директору многие шалости с рук сходили, ну, там дебош в ресторане, неупла-

та налогов, яхты и недвижимость за бугром. Выполнив все работы, приятель говорит местным сотрудникам: плесните пивка, что ли, нам в дорогу. А лето, жарко. Пивзаводцы или пивзаводчане отвечают: да легко. И наливают полную канистру... воды. То есть на вид – воды. Эти товарищи-ремонтники: «Да вы чё, офигели?». Те: «Спокуха, сейчас сразу не пейте, а как до своего города доедете, тогда и вперёд». Ладно, пожали плечами, взяли канистру. Добрались до своего N, открыли, а там и вправду пиво. И пахнет пивом, и на цвет пиво, и – пенистое, извините за латынь, всё как положено, то есть как налито. И главное: на вкус – пиво, и градус есть, в мозг шибает. Выпили они это дело... Помните сухой сок «Юпи» в девяностых, «просто добавь воды»? Такая же мерзость, только пиво имитирует, а не сок. Понятно, что не было в этом химерстве ни солода, ни хмеля, ни дрожжей. Одним словом, пейте на здоровье. Будет у вас брюхо расти, а кончик сохнуть, появятся женские гормоны, сиськи вырастут. Недаром же полторашку пивную в народе «сиськой» называют, а медики периодически вещают про пивной алкоголизм. Только у нас могли так обгадить янтарный древний напиток.

Вот почему, размышлял Иван, иностранец со своей выпивки улыбается, песни поёт, а русский дуреет, звереет и пополняет пьяные криминальные сводки. И что-то не видно, чтобы за границей люди с крепких напитков в скотов превращались. Пьют в Грузии и Армении коньяк, но как достойно, изящно, поэтично, ритуально. Там даже во времена горбачевского «сухого закона» трезвяки позакрывали – некого там держать было. Пьют во Франции кальвадос – никто там особо не обдылячился и тем более не умер от палёнки. Почувствуйте разницу: русское слово «палёнка» (фальсификат, несущий смерть) и венгерское «пАлинка» (фруктовая самогоночка)... «Да неужели водку нельзя в принципе сделать нормальной? Почему она у нас вся отличается лишь этикетками и степенью мерзости?» – размышлял Иван. И сам себе отвечал: «Да можно, конечно». Только если задача – тупо напороться, то какая разница, из пшенички сделано или из опилок?

Окрошин вспомнил случай четырёхлетней давности. Друг Ивана, Стёпа Колотов, специалист по оборудованию на хлебозаводах и мельницах, раздобыл как-то бутылочку шведской водки «Аб-солют». То, что она была настоящая, сомнений не вызывало, потому что родственники Стёпы привезли этот гостинец из Хельсинки.

Друзья тогда состряпали нехитрую закуску из колбасы копчёной, яблока зелёного и сока томатного. Откупорили, разлили, чокнулись. Опрокинули по первой. Водка всё-таки, поэтому по русской привычке – опрокинули.

– Не понял, – сказал Иван. – Это что такое? И сколько тут градусов?

Водка вошла легко, приятно, и лишь тепло мягко расходилось внутри.

– Даже можно не закусывать, – изумлённо отозвался Стёпа.

– Как говорила моя бабушка, словно боженька босичком прошёл, – озвучил свои ощущения Окрошин.

Потом они продублировали, потому что «между первой и второй». Потом по третьей. Опьянение было бархатным, язык не заплетался, мозг оставался вполне ясным.

– Говорят, шведы делают свой «Абсолют» из особых сортов озимой пшеницы. Ну, и качество шведское.

– Блин, тогда из чего тогда делают нашу? Обидно, что даже водку за границей делают лучше. Водку – наш национальный символ! Нашу гордость.

– Нашу гадость, – скривился Стёпа.

Через пару месяцев у Стёпы случился день рождения. Небогатые друзья решили разориться и скинулись на такую же бутылку «Абсолюта», купив оную в ближайшем продуктовом супермаркете. Можно ради качества и раскошелиться. Принесли. Откупорили, разлили, чокнулись. Что такое? В нос ударил запах ацетона. Попробовали. Выплюнули.

– Из особых сортов озимой пшеницы, – сказал, морщась, Иван.

Колотов, день рождения которого был испорчен, выругался такой синтаксической конструкцией, что покраснела даже этикетка на злополучном сосуде. Понесли початую бутылку обратно в магазин, благо чек Иван не выбросил.

Продавщица посмотрела на друзей как на идиотов. И главное не так обидно даже, что спирт паршивый, прискорбно то, что он таких конских денег стоит, словно его и впрямь из Швеции привезли. Да с таким трудом, будто мы до сих пор со времён Полтавы с этой страной в состоянии войны.

– Ишь чего захотели! Бутылку им поменять! – бухтела толстая, измордованная жизнью продавщица. – Деньги им вернуть! Водка им невкусная!

Пострадавшие потребители в лице Ивана и Стёпы не сдались, накатали жалобу в Роспотребнадзор, расписали ситуацию, присобачили к письму чек и намекнули, что напишут обращение на сайт производителя в Швецию. Местные чиновники, видимо, испугавшись возможного международного российско-скандинавского скандала, обязали магазин вернуть деньги или заменить аналогичным товаром на усмотрение пострадавшей стороны. Посовещавшись, друзья решили взять водку, тоже дорогую, но уже отечественную. Она оказалась ненамного лучше того ацетона, который был залит под видом именитого бренда. «Надо было тогда деньгами взять», – говорили приятели, вспоминая тот эпизод. «Значит, водка может быть и неплохой, – думал Иван, – если она действительно из хлебного зерна. А у нас если такую и делают, то малыми партиями, продают «своим» и задорого. Да, пшеницы у нас полно. Нефти, газа, леса и алмазов – тоже завалились, а народ в целом бедный, закредитованный. Вся Волга в гидроэлектростанциях, а электричество дорогое. Украл мешок картошки – реальный срок, украл миллиард – уважаемый большой человек, ну с кем не бывает. Широка страна родная, а самолёты свои производить почти перестали. Много в ней лесов, полей и рек – выращивай хлеб, казалось бы, да делай нашу русскую водочку, ан нет – завозим китайский спирт. Всё криво, всё через ж...».

А ещё Ивану вдруг вспомнилось, как ему довелось побывать в посёлке Сурское Ульяновской области 22 мая 2009 года. Это был особый день – Никола Вешний. Над Сурским возвышалась Николаина гора – святое для православных место. Сюда приехало много людей, чтобы взойти на гору, найти камушек с ликом Николая Угодника, помолиться, загадать желание, набрать воды из родника у подножия горы. По легенде, во времена Ивана Грозного Николай Угодник и Георгий Победоносец явились здесь полчищам степных кочевников, и те отступили, не решившись напасть на немногочисленный русский гарнизон. У Окрошина отложилось в памяти: стоит к источнику длинная очередь, комары тучами роятся, все отмахиваются, все хотят набрать водички. У одной бабушки не оказалось пластиковой бутылки. И она купила в магазине баклажку пива, вылила его под куст и встала в очередь за святой водой. Тогда это показалось Ивану диким, неразумным. Но теперь, через несколько лет, он восхищался этой бабушкой. Вот как надо поступать с тем, что сей-

час продается, именуясь пивом. Если бы люди в России выплеснули к чертям собачьим всё это пойло и обратили бы свои устремления к живой и чистой воде...

«Попей-попей – увидишь чертей». Но, с другой стороны, «пьяного да малого Бог бережёт». Говорят, что первый шотландский виски делали монахи. Ирландцы утверждают, что виски – это их изобретение, и научил их делать этот напиток святой Патрик. А князь Владимир, когда выбирал веру для русичей, сказал типа того: «Ну, что вы, товарищи послы басурманские, для нас питье это веселие есть. А посему – будем мы христианами». И пиво многие века в Европе, да и на Руси, варили в монастырях. А ещё есть байка, что в 17-м веке европейские монахи попросили у Папы Римского благословить свое пиво, и тот выдал: «Liquidum non frangit ieiunium», то есть «жидкость не нарушает поста». И сегодня в монастырях, например, на Балканах всюю делают вино и даже 50-градусную препеченицу пекут (не гонят, а «пекут»!) из сливы. Поэтому «аква вита» может быть и злом, и благом. И человеку свыше дана возможность выбора, какой напиток вкусить – прекрасное испанское сухое вино или «спирт этиловый ректификованный», ароматный армянский коньяк или вонючую жидкость «для наружного применения». Человек – это сосуд, и чего в него нальётся, тем он и станет.

Даже теперь, после прочтения опуса про китайцев, для Ивана не было философского вопроса «пить или не пить?». Но во весь рост возник другой – «что пить?». Крепко призадумался Иван, как говорят в сказках, пригорюнился, и вышел изучать хмельную тему более досконально на просторы Интернета, прихлебывая пока на всякий случай чаёк. И вот куда завела его тупоногая компьютерная мышка...

Глава 2. Питье и бытие

Мышка скользила, проводом махнула, тут и оно и треснуло. Не яичко, над которым бились-бились, а отношение Ивана Окрошина к водке. О сколько нам открытий чудных готовит мировая Сеть. Туда, в омут Интернета, только нырни, и дня как не бывало. Но нашего главного персонажа интересовало лишь это простое пятибуквенное слово. В один из октябрьских вечеров, вернувшись домой после дежурства в супермаркете, он и забил его в поисковик...

Вообще у Ивана в жизни было не одно разочарование. Когда ему было четыре годика, мама привезла ему из тогда ещё Ленинграда игрушечную машинку. Импортную, грузовую, со звучным, трещотным названием – «Татра». Колесики шумят, кузов красный. Вжи-и-и, поехали! Загрузились – выгрузились, снова в путь по однокомнатной квартире. Это сейчас у детишек нет того трепета перед игрушками. Сейчас их завались, везде, разных. И обилие сливается в безликую игрушковую массу, нырять в которую неинтересно ни детям, ни взрослым детям. Это о пользе советского дефицита: что добыто с трудом, то и ценишь. Расставаться со своим грузовиком Ванечка не хотел ни днём, ни ночью. Перед сном парковал машинку под кроватью и засыпал с ощущением, что она там стоит, ждёт завтрашнего выезда. С этой «Татрой» могли сравниться только гедеэровский электровоз с вагончиками. Но поезд ездил только по рельсам, которые ещё надо было проложить. А машинка, ведомая Ваниной рукой, ехала, куда хотела...

Человек рождается и начинает быть несвободным. Маленький Ванечка не был исключением. По утрам его бабушка водила в садик, в первое место социализации. Там сажали на горшок, потчевали тошнотворной манной кашей и бледным противным омлетом, выводили гуськом на прогулку, заставляли спать в тихий час на скрипучих раскладушках – ужас какой. И эти воспитатели-нянечки, представители могучего государства, зорко следили, чтобы активные и подвижные детишки, которые хотели только бегать и играть, не открывали глаза во время нелепого и бесконечного дневного сна. И так – до вечера, желанного и долгожданного, пока мама или папа не разлучали вас с остальными согруппниками.

Родители не разрешали брать машинку в садик, и от этого пребывания в дошкольном учреждении стало ещё томительнее, несмотря на обилие общения с другими мальчиками и девочками. И однажды, когда мама была в хорошем настроении, он спросил:

– А можно я свой грузовик в садик возьму?

– Можно, сынок. Только на один день. У вас там в садике других игрушек много, – и она потрепала по пшеничным, вечно непослушным волосам. Это было счастье: добрая мама, которая сняла такой важный запрет. Другие игрушки, другие. Это общественные игрушки, ими все играют. А это – своя.

Конечно, из этой затеи ничего хорошего не вышло. Все мальчики захотели поиграть именно в его машинку, вырывали её друг у друга, кричали, спорили, кто будет первый, угостили друг друга несколькими тумаками и затрещинами. Конечно, в этом естественном отборе победу одержал самый сильный мальчик – драчун и забияка Володенька Карпов. В девяностые он организует бизнес по турецким шмоткам. Володенька завладел машинкой Ванечки и стал, как говорила бабушка, «играться». Да с таким остервенением, что сломал её, хрупкую. Ваня – в рёв, горький, отчаянный. Воспитательница, конечно, вмешалась и конфисковала несчастное транспортное средство, а Ванечку и Володеньку расставила в разные углы, в коих они простояли аж двадцать минут. Ванечка как инициатор провокации и как нарушитель устоев (пронос личных игрушек в общественное воспитательное учреждение противоречил моральному кодексу советского малыша), а Володенька просто как бузотёр (бить других мальчиков и брать чужое тоже нехорошо). Досталось от воспитательницы и пришедшей вечером маме – мамы тогда боялись и уважали воспитательниц. Ну, а венцом незадавшегося дня стал папин ремень. Есть подозрение, что тогда и маме досталось от папы, но об этом история умалчивает.

Потом были, конечно, и другие обидные несправедливости. В третьем классе Ваня кормил после школы бездомную собаку, рыжую, рёбра торчат. Носил хлеб, кусочки колбасы, той самой, дефицитной, которую иногда родители привозили из Москвы. А благодарная, но глупая псина так цапнула руку дающего, что Ваня две недели ходил забинтованный, а ему для профилактики бешенства ещё и уколы кололи. За собакой приехали мужики и запихали её в фургон на глазах детей всего двора. Она визжала и скулила. Видел это и Ваня, потому что его дворовые приятели прибежали к нему домой с криками: «Там Рыжика увозят!!!». Хотелось самому визжать и скулить.

В девятом классе начал робко дружить с девочкой, из «бэшек», то есть из параллельного. Провожал из школы, бывал с ней в кино, экономил на завтраках и обедах, хотел видеть её на переменах. Ждал этих перемен, как раньше утра, чтобы поиграть со своей трагически погибшей в руках Володеньки Карпова машинкой «Татра». А уж Юля-то была лучше машинки: то косички рыжеватые заплетет, то распустит волосы, взгляд любопытный, насмешливая. Чем его

привлекала Юлька? Конечно, тем, что была Самой Красивой Девчонкой на свете. Ваня, хотел, чтобы она стала только его девчонкой. В ней чувствовалось зарождающееся женское тепло. Юлькины глаза распахивались и словно обездвиживали его. Слова не шли на язык. А дома он писал письма, которые ей никогда не показывал. Из-за них русачка неожиданно отметила, что Ваня Окрошин стал неплохо писать сочинения. Ошибок уйма, стиль страдает, но тема раскрывается оригинально, особенно когда Ваня расписал отношения Обломова и Ольги. В сочинении он утверждал, что самая большая беда для человека, когда ему свыше было многое дано – талант, способности, богатство, ради которого уже не надо вкалывать день и ночь, а он не воспользовался этим, прожёл жизнь, не принес пользы ни себе, ни людям. А ещё у него была женщина, которая хотела ему посвятить себя, но посмотрела-посмотрела и, плюнув, ушла. В общем, Ваня увидел однажды вечером во дворе Юльку, которая целовалась врасос с каким-то парнем, старше и, видимо, сильнее его. Тот елозил рукой по её телу, по Юлькиному, желанному, но недоступному для Ивана телу, и она это позволяла. Окрошин вмешиваться не стал (толку-то!), хотя чувствовал, что как будто в него смачно плюнули, да ещё и поглумились. Он вернулся домой и украл у отца бутылку «Пшеничной», доставшуюся после долгого стояния в очереди («Куда прёшь?», «Тебя тут не стояло!», «Я за мужиком занимал!», «Две в одни руки!»). На дворе свирепствовал «сухой закон» с безалкогольными свадьбами, водкой в чайничках и вырубкой крымских виноградников. Иван тогда напился первый раз в жизни. Сквозь обиду он с интересом наблюдал, что с ним делает водка. Сознание поплыло, мысли были, как в мясорубке. «Вот что значит «пить горькую». Эх, Юлька-Юлька, б... ты этакая! Я ж люблю тебя! Или любил. Юлька-Юлька...». На следующий день голова впервые раскалывалась, Ивана периодически рвало вчерашней едой и мерзко пахнущими бывшими иллюзиями.

Интересно, что при всей трагичности ситуации, всей её холоднотности Иван не был Ромео, готовым из-за любви травить себя и окружающих. Шок от «Юльки-Юльки» был уже меньшим, чем от поломанного в детском саду грузовичка и увезённого на убой Рыжика. Очень переживал, конечно. Прошли годы, и как-то раз он случайно встретил на улице «Юльку-Юльку». Стало понятно, что самое лучшее и интересное в её жизни уже произошло. Измождён-

ное лицо, взрослый сын, муж то ли есть, то ли нет, дешёвая куртка с вьетнамского рынка, воспитательница в детском саду, может, даже в том, где хрустнул сломанной машинкой один из восторгов маленького Ванечки. Хотя нет, тот самый садик за неимением детей закрыли и переделали под магазин сантехники. Окрошин смотрел на то, что осталось от бывлой первой любви, и понимал, что он совсем о ней забыл, словно и не было никогда её. Столько страданий было, а видишь ли, Лета полная. Такая вот чистка мусорной корзины памяти. Конечно, обменялись телефонами, и, конечно, никто никому не позвонил...

Всякое было не очень приятное. В августе 1991 года он хотел поехать в Москву защищать демократию от танков и ГКЧП. Потом, когда страна обнищала и обандителя, он догадался, что его вновь обманули, оказывается, эти дядьки с трясущимися руками хотели спасти ситуацию. Потом ему было до смерти больно смотреть, как «Буран», слетавший в автоматическом режиме в космос, превратился в металллом, как потомки Гагарина утопили в Тихом океане станцию «Мир», как пьяный Президент России пытался дирижировать оркестром. Родители Ивана работали на оборонном предприятии «Орбита», но в «лихие» оно разрушилось, тысячи людей потеряли работу, вклады, уверенность в светлом будущем под рекламное подмигивание Распутина с бутылки. Кто-то пошёл торговать на рынки, у кого-то опустились руки, кто-то запил (спирт «Рояль», одеколон, портвейн с тремя семёрками, ну и водяра, самогон вонючий, сивушный, иногда с димедролом для пущего одурения), кто-то уехал искать счастья в столицы-заграницы. Теперь по «Орбите» бродили лишь охранники и устраивали свадьбы своры диких собак.

Чего за эти годы только не было! «Перестройка» уступила лихим годам, девяностые были вытеснены «стабильными» нулевыми с водкой «Путинка», и в каждую микроэпоху люди в России пили, но пили разное. Даже за последние 30 лет многое изменилось, что уж там говорить о столетиях русского питья. А тут Иван Окрошин, сам достаточно русский человек, открывает Интернет и что узнаёт? Что водка – это не русский национальный, не традиционный, и не напиток! И это тоже стало одним из серьёзных разочарований. Потому что, читал Окрошин, нынешняя водка – это ректификат, это простой раствор воды и спирта. А чистый этиловый спирт впервые получили в середине 19 века европейцы, но никак не русские. Сделали они

его при помощи особых колонн, которых в то время в России, а тем более на Руси не было. И что изобретение водки Менделеевым – это чушь собачья. И что водкой называли совсем другое питьё. И что водке как раствору спирта всего-то 150 лет. А вот водке как напитку, который можно сделать дома (в этом признак «национальности» и «традиционности»), вообще лишь лет тридцать – именно тогда появились первые домашние ректификационные колонны.

«Вот те на, – подумал Окрошин, – пошатнулись устои. А что же тогда русский национальный крепкий напиток?» Оказалось, что таковой имеется, и называется он зерновой самогон, хлебное вино или полугар. Вот ему действительно несколько веков. По сути – это виски, только прозрачный, не выдержанный в бочке. А что выдерживать, чего ждать-то? Тут никакой выдержки не хватит. И самое главное, что технология за века особо не изменилась – перегоняй брагу. И так делал и делает весь мир: те же французы – коньяк, немцы – шнапс, мексиканцы – текилу, чехи – сливовицу да грушовицу. Что росло в изобилии, из того и гнали: виноград, фрукты, агавы, сахарный тростник – тут фантазия и разнообразие природных даров породили разное содержание сосудов. И только Российская Империя при последнем царе на государственном уровне ввела продажи спиртового раствора, который сначала назывался казенным вином и только с 1936 года – водкой. Советская власть ничего частного не приветствовала, поэтому сохранила не только госмонополию на водку, но и технологию её производства, такую, что у себя на кухне ты её не сделаешь, а за самогон понесёшь ответственность. Вот за что, пожалуй, и стоило свергнуть Николая Второго, ну, не убивать, конечно, а сделать почётным пенсионером, – за приобщение людей к такой водке, якобы чистой, но на самом деле страшно разрушительной для организма и сознания.

Одной рукой – борьба с пьянством, а другой – водочные денежки идут государству, а сегодня ещё и алкобизнесу, думал Окрошин. Отсюда – преследования самогонщиков. Но самое главное: именно они, домашние винокуры и винокурки, являются продолжателями вековых традиций приготовления крепкого алкоголя. «Дарья Петровна сама отлично готовит водку». Строго говоря, в фильме «Собачье сердце» речь шла о самогоне. Именно его, то есть хлебный дистиллят, профессор Преображенский вкушал с таким аппетитом. А уж он-то всякую какую точно бы в рот не потащил. Значит, самогон

бывает прекрасным на вкус. Правда, те образцы, которые Окрошин пробовал в деревне у родственников и у тети Маши с улицы Мира, были премерзейшими.

Весь двадцатый век домашнему производству крепких напитков приходилось несладко. После начала экспансии ректификата к власти пришел Ильич, который однажды характерно высказался: «Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа». Говорят, что сталинская коллективизация началась оттого, что крестьяне в конце двадцатых не хотели сдавать хлеб государству, а излишки зерна пускали якобы на самогон. Дескать, сам Иосиф Виссарионович в 1928 году проехался по Сибири и лично в этом убедился. Как и у Ильича, у отца народов наверняка возникло возмущение: как они смеют делать алкоголь из чего-то съедобного, тем более из хлеба? Как результат – раскулачивание, ссылки, голод. Но ничего не поделаешь: государство стало хозяином и хлеба, и водки. При Хрущёве и Брежневе самогон бытовал в основном в деревнях, в городе безраздельно господствовала «беленькая», казёнка. Окрошин помнил обилие пьяных мужичков в своём городе, они шатались, их жёны ругались, скандалили, было много спящих на лавочках, на травке в парках и скверах, советская милиция таковых забирала в вытрезвители, потом возвращала в семью, на производстве таких чехвостили и воспитывали на собраниях трудовых коллективов. Это не мешало в целом идти к светлому будущему стройными рядами, особенно на демонстрациях 1 мая и 7 ноября. Впрочем, в те годы по праздникам был и коньяк – молдавский, а если повезёт – и армянский. Попадалась и такая экзотика, как «Рижский бальзам»...

А вот Горбачёв объявил войну всему спиртному. Оно, конечно, и рождаемость повысилась, и нация оздоровилась. Много самогонщиков за «перестроечное» пятилетие было оштрафовано и даже присело в местах не столь отдалённых. А люди стали травиться суррогатами, пробовать наркотики. Ну, а Борис Николаевич, будучи большим любителем прибухнуть, открыл алкогольные шлюзы и разрешил людям гнать самогон для своих нужд. Разгул свободы, понимаешь.

Молодые годы Ивана Окрошина пришлись именно на девяностые – отвязные, трагические, творческие. Как-то раз они со Стёпой Колотовым изрядно употребили. Водка вздурила головы, и в тот февральский вечер 99-го было весело и тянуло на подвиги. «А

давай я буду Чапаевым, а ты – моим конём!» – предложил Иван. Стёпе идея понравилась. Окрошин вскочил на спину друга, и они вторглись в пространство винного магазина с криками: «Впере-ёд! Даёшь мировую революцию! За тырныционал!» и ржанием. Миловидная продавщица, понятное дело, офонарела. «Товарищ работник торговли, приказываю вам выделить бутылку «Кедровой» командиру Красной армии и чекушку «Ржаной» – моему верному коню!» – отчеканил Иван, а Степан раскатисто заигогокал, зафыркал и забил «копытом». «Чапаев» сделал несколько кругов по торговым площадям, потом спешился, «привязал» коня к прилавку и стал разглядывать этикетки. Экипаж ППС приехал неожиданно оперативно. Иван со Степаном вмиг изобразили трезвость. Это у них получилось, потому что общение с двумя правоохранителями получилось таким:

– Граждане, предъявим документики.

– А на каком основании?

– Поступил оперативный сигнал о хулиганских действиях.

– В том, чтобы один гражданин передвигался на другом гражданине, нет состава хулиганских действий, – внятно сказал Иван и протянул удостоверение сотрудника пресс-службы администрации города N.

– Ваще нет состава, – добавил трезвым голосом «конь» и протянул милиционерам водительское удостоверение.

– Они скакали тут, шумели, – возмущалась продавщица.

– Прошу заметить, что ни одна статья административного кодекса не налагает ограничений на свободу передвижения на ином гражданине при согласии этого гражданина в тёмное время суток при наличии у данных граждан хорошего настроения. Вышеозначенные действия не нарушают общественный порядок и общепринятые нормы морали.

– Ваще не нарушают, – подтвердил «конь».

Тут ППСники дружно расхохотались, махнули рукой и ушли восвояси, не составив протокола. Иван изобразил, что подвёл «коня» под уздцы к кассе.

– Простите нас, девушка. Мы не хотели вас напугать. Я хотел только напоить своего вороного скакуна и немножко напоиться сам.

– Ваще как бы да, – поддержал наездника «конь».

Друзья привстали на колени и картинно-комично склонили головы.

– Ладно, ладно, хватит. Проехали. Давайте пробью вашу водку и идите уже, – она явно успокоилась. Хоть какое-то развлечение. А то сидишь за кассой, сидишь, деньги, бутылки, так и жизнь проходит.

Друзья приобрели две «Ржаной» и шоколадку.

– А шоколадка – это вам, девушка, за причинённые нами эмоциональные эти... потрясения и понесённые вами волнения, – выдал «конь» Стёпа. – Кстати, как вас, девушка, зовут?

– Катя, – неожиданно улыбнулась будущая Стёпина жена.

– Пошли уже, конь педальный! – улыбнулся Иван.

Окрошин видел, что класс самогонщиков только ширился и укреплялся. Со временем появились специализированные магазины с винокурным оборудованием на любой вкус и объём. И вот наконец-то государство решило разрешить предприятиям производить заводской самогон, утвердив ГОСТ на зерновой дистиллят. В этом оно, похоже, захотело перехватить инициативу у домашних винокуров. Но – поздно: джинн уже выпущен из аппарата. И джин – тоже.

Иван продолжал изучать эту тему, а также с удовольствием читал художественные произведения, связанные с напитками. Джоанн Харрис – «Ежевичное вино», Рэй Брэдбери – «Вино из одуванчиков»... Сколько книг говорят о том, что в бутылке находится не просто алкоголь, но и сама история. Во французских винах и коньяках остаётся вкус винограда, который вобрал то самое солнце, тот самый неповторимый воздух, дожди, которые шли в тот год, когда был собран урожай. В том напитке – аромат тех событий, конкретного уголка прекрасной Франции. Особые ощущения – попробовать вино года, когда ты родился. Наполняя бокал, ты словно окунаешься в то время, или, точнее, время вливается в тебя. Да, тот год был именно таким – терпким, с оттенком земляники. В «Бехеровке» – чешские травы, вокруг которых кружились чешские пчёлы, там сновали чешские ящерицы. В армянском арцахе в самом деле есть частица гор, древних песен и звук дудука. В текиле замуровано мексиканское солнце и темперамент, не говоря уже о голубой агаве, произрастающей на песках. В мескале плавает личинка бабочки по имени Хуанито. В шотландском виски – северный ветер с моря, торфяной привкус, кельтские говоры и недвижимая дубовая бочка. Поэтому так ценятся старые бутылки со старыми напитками, открывший древний сосуд пробует прошлое на вкус. В растворе этилового спирта, который по недоразумению назван русской водкой,

нет ничего. Ни привкуса, ни биографии, ни географии – неважно, где и когда она сделана. Водка – это «Чёрный квадрат» Малевича в мире алкоголя.

Может, хотя бы вода из водки родная, несущая привкус местных рек, озёр, родников, подземных источников? Может, в «Байкале» вода из Байкала? Сомнительно. Читаем: помимо спирта этилового ректифицированного, вода исправленная. Её фильтруют и «умягчают» так, что даже она лишается индивидуальности. Это мёртвая вода.

Все алкогольные напитки в мире сохраняют вкус и запах того, из чего они сделаны, и только наша водка стремится их убить, убеждался Окрошин. И правильно: ни древесина, ни газ этилен не особенно вкусненькие. Конечно, лес-кругляк и нефть с газом – это, к сожалению, современное наше всё, но чтобы этим чокаться и заливать в себя... Убожество содержимого компенсируется избытком лейблов. Вот «Зимняя дорога», в которой нет ни зимы, ни дороги, ни похрустывания копыт или валенок по снегу. Вот «Хлебная слеза», где ни одно зерно не пострадало, ни одна крестьянка не всплакнула о своей нелёгкой доле. «Ржаная». Как говорится, на заборе тоже написано, а там – дрова. Кстати, «Дрова» – одно из самых честных и приближенных к истине названий. Вот «Русская». Чем она русская? Песнями, сказками, избами? Традицией технологии? Да ничем. Не может быть русским вещество, разбитое до молекул и синтезированное в спирт. Миллионы лет жили всякие динозавры, лягушки, рыбы, росли леса – всё это умерло и превратилось в уголь или в нефть. Вот что такое водка – это как безликая нефть, однородная масса, это спиртовое абсолютное ничто. Вот односолодовый шотландский виски – это нечто. Хотя некоторые извращенцы поганят его кока-колой. «Ха-ха, эти хлюпики-иностранцы не пьют водку в чистом виде, они мешают её в коктейли и потягивают через трубочку! Фу! Бе-е! То ли дело мы, нахлобучим стакан, крикнем, рукавом занюхаем».

В музее водочного заводчика Петра Смирнова в городе Мышкин Ярославской области висит надпись: «Только водка из России – настоящая русская водка». Конечно, для 20 века и современности эта надпись лживая. Но она верна для века 19-го, когда наша водка была ржаным дистиллятом. Именно этой водкой Пётр Арсеньевич покорил Европу и Америку и сделал её (кроме шуток!) русским национальным достоянием. У той водки сегодня были бы все шансы

стать объектом нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, как теперь у пивной культуры Бельгии. Вот это и была бы настоящая русская водка, а не обман, величайшая вековая афера. И лишь сегодня появился шанс вернуть русским свой исконный крепкий напиток, который встанет в один общемировой ряд с коньяком, виски, сливовицей, текилой и ромом, даже украинской горилкой, и рожь, наш хлебушек, нам во спасение. «Fuck the cola, fuck the pizza, all we need is slivovitza», – пишут сербы на майках и гордятся. Молодцы, сербы!

Ну, и что после этого всего пить? Так, чтобы было хорошо, весело и не отравиться? Так и напрашивается цитата из бессмертной ерофеевской поэмы «Москва-Петушки»: «Беда! Нет у меня ничего такого, что было бы Тебя достойно. Кубанская – это такое дерьмо! А российская – смешно при Тебе и говорить о российской...».

«Хочешь сделать хорошо – сделай сам», – решил Иван Окрошин и тем самым скорректировал свой жизненный путь.

Глава 3. Руководитель аппарата или раб лампы?

Какой самогонный аппарат выбрать, Окрошин не знал. Интернет изобиловал советами, картинками, ценами. Одних названий были десятки – «Магарыч», «Добрый жар» и «Добровар» (так и представляешь: кипит добро, стекает в баночку, выпил – подобрил), «Дачный», «Деревенский», «Источник» (тут усматривается желание припасть к алкогольным истокам и традициям), «Гейзер», «Первач», «Поилец», «Бавария» (конечно, немецкий, сделанный в Кирове). Чувствовалось, что их создавали мужики, которые когда-то жили в великой промышленной и космической державе, и посему посуды из нержавеющей стали назывались планетарно: «Юпитер», «Меркурий», «Марс», «Сатурн» (Сатурну больше не наливать!). Встретилась романтичная «Малиновка» (какая тут связь с самогоном – неясно, может, намёк на малиновую настойку, может, на то, что после употребления потянет на ретро-песни, «Малиновки зазвучав голосок...»). Вот уютное название «Домовёнок», – маленький, литров на десять. Как в старину, вопрошаешь его: «К добру или к худу?». А он: «К ху-у-ду... Жена придёт – ворчать будет». А

ещё, кроме аппаратов «в сборе», продавалась масса конструкторов и запчастей: колонны, фитинги, царги, узлы отбора, дефлегматоры, сухопарники. Фигурировало, например, такое устройство, называется «попугай». Это чтобы измерять в постоянном режиме крепость самогона, который выливается из аппарата. Глаза разбегались, мозг вскипал, словно медный аламбик (ещё одно новоузнанное слово).

В итоге Окрошин сделал свой выбор, и не особо осознанно. Точно, как во фразе из Интернета: «Мама в шоке, папа рад, мы купили аппарат». Это была конструкция из нержавеющей стали, объёмом испарительного куба на 12 литров, с сухопарником и змеевиком. «Интересно, слова «зелёный змей» и «змеевик» связаны между собой?», – рассуждал Иван, в котором едва зарождался винокур и всё ещё теплился филолог. А «попугай» почему? Внешняя схожесть с клювом этой птицы? Или выпивший человек превращается в попугая?

Первый опыт в самогоноварении у Ивана не вышел впечатляющим, как и когда-то в плотской любви. Удовольствия никакого, результат скоротечен и постыден. Сначала Иван развёл сахар с водой в большой банке и раскрошил туда пачку дрожжей. Закрыв это дело резиновой перчаткой. На следующий день её сорвало, и вонючая жижа частично оказалась на полу. Окрошин проткнул иголкой перчатку, чтобы выходил воздух. На этот раз она осталась на месте и несколько дней пребывала в приподнятом, голосующем «за» состоянии. Сколько таких перчаток было в горбачёвские времена...

Итак, час пробил. Иван залил мутную брагу в аппарат. Теоретически ничего сложного: нагревай и пар охлаждай. Ага: шланги присобачены к кухонному крану и к змеевику, ёмкость заполнена, газ включен. Вот не любил в школе точные науки, а зря! Оказалось, здесь нужны знания по органической химии (приготовить правильно брагу – это вам не хухры-мухры!), физике (давление жидкости и пара), механике (соединение частей аппарата, работа с водопроводной системой), математике (правильный расчёт сахара и воды, выхода спирта). Нет же, понесло в гуманитарии! Что толку воспевать вино, когда сам его сделать не можешь? Как там у Хайяма:

Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно,

Осуждают вино, дескать, вредно оно.

Если душу отмывать свою хочешь и тело –

Чаще слушай стихи, попивая вино.

Стрелка на термометре ползла вверх. Холодная вода побежала по соединительным шлангам, словно кровь по венам. Но вот и получился первый блин комом, то бишь первая перегонка. Ибо нарушил Иван домостроевскую рекомендацию: «Самому и вино курить, и быть при том неотступно, а если кому доверяешь – строго тому наказать, как и всем на винокурне, да замечать, по сколько выгонят из котла араки в первый, во второй и в последний раз, а при перегонке также смекать, сколько выкурат из котла сначала, а потом и после всего».

Неотступно быть не получилось, упустил он момент, не «смекнул». В негерметичные соединения устремился пар, заполонивший всю кухню, а затем и всю городскую квартиру сивушной вонью. В итоге кое-как наполовину набралась литровая баночка с дурно пахнущей жидкостью туманного цвета. Дивный аромат вырвался на лестничную площадку и вызвал неподдельную заинтересованность соседки, бдительной, преимущественно облачённой в домашний халат с петухами, Марьи Кузьминичны Спиридоновой, 1953 года рождения. Она была подъездным «информационным агентством», главным агрегатором слухов, домыслов, сплетен и последовательным носителем конспирологического мировоззрения. Лавочка перед подъездом стала её основным позиционированием в этом мире, наблюдательным пунктом. У каждого проходящего не было шансов не попасть в её поле зрения и не отхватить пару-тройку комментариев. Её социальная сеть не отличалась объёмной аудиторией, она состояла из ещё трёх френдих-пензионерок, с которыми она на этой лавочке «чатилась» и «твиттерилась». «Глянь, Тимофеевна, Дашка-те пошла! Ка-кая... За ней давеча хахаль приезжал, машина така, бела...», «Слышь, Ефимовна, в сороковой Петровы ремонт, что ль, начали? Как суббота, ни свет ни заря – жжи, жжи, сверлют, ироды, спать не дают! А у меня давление, мне беспокоиться нельзя! Говорят, наши депутаты закон о тишине приняли, теперь их штрафовать будут. Ух они у меня!...». «Чет ты, Николавна, давно на улице не выходила, я индаль волноваться стала! У тебя в соседях Миша этот окаянный всё пьёт? А ба! Как его Ирка терпит, непутёвого?! Говорят, на прошлой неделе из дому сковороду утащил, железну. Известно, пропил». «А Галька со второго этажа? Идёт как-то с работы. Идёшь, говорю? Иду, отвечает. Ну, я: ну, иди, говорю, иди, раз надо, мол, иди. Чего бы не иди, раз надо? Ну, так и ушла».

Работа данной (неизвестно кем данной) информационной локальной сети особо не отличалась от утренних шоу многих российских радиостанций. А вот время выхода в предподъездный лавочный эфир было преимущественно вечернее. Свои коррективы в схему вещания-совещания вносили, конечно, лютый мороз, проливной дождь, телесериалы и ток-шоу, на которых ругались селебрити со «звездами», «звезды» с селебритями, тети и дяди делали себе пластические операции и выясняли по ДНК и на детекторе лжи, чей ребенок. Когда местная лавочная тематика иссякала – нечастое явление – обсуждению подвергались труженики шоу-бизнеса и политики. Окрошину было понятно, когда он заходил в подъезд, на кого рассчитаны телепередачи типа «Пусть говорят». «Но не все же в стране у нас сидят на лавочках и «звездят»? – с досадой думал Иван. – Почему нет передачи «Пусть заткнутся» или «Засунь свой язык в...». Пусть в течение часа, раз в сутки, в прайм-тайм зомбощик показывает пустой экран, сколько добра и света это принесёт людям!».

В день первого винокуренного фиаско на лавочке состоялся обстоятельный саммит с конструктивным обменом мнениями, полностью приводить стенограмму которого было бы некоторым насилием над читателем-слушателем, поэтому ограничимся отрывком:

– Ты представляешь, Николавна, чё детсяя? Вчера выхожу на площадку – и ба!... Самогоном вонят. Как у нас, бывалоча, в деревне у меня свёкор гнал.

– Да ладнеть! И кто?

– Да Окрошины, с их квартиры. Вроде приличны люди, а вона чё. Он – в охранниках, она – вообще учительница.

– Батюшки! Да неужели! И не стыдно!

– У нас за такое лет тридцать назад вообще гоняли!

– Гнали?

– Говорю: гоняли. Кто гнал, говорю, того гоняли! Ты совсем, что ль, глухая? И штрафовали, и посадить могли! А шас всё можно!

– Этак ведь пахнуть будет в коридоре, надо пожаловаться куда следоват?

– А куда следоват? Никому это не нады. Потому что никакого порядку. Всё у нас так: никакого порядку.

Так Иван Окрошин стал объектом обсуждения и элементом планетарного беспорядка. Ругалась и досадовала пришедшая с ра-

боты жена Таня. Проветривать комнаты пришлось долго. Самое грустное, что вопрос был поставлен ребром: «Или я, или твой шайтан-аппарат!». С огромным трудом была достигнута внутрисемейная договоренность, что дальнейшие винокуренные опыты будут проводиться исключительно на балконе. «Если бы меня звали Андреем, – думал потом Иван, – то я вполне мог бы заслужить литературное прозвище: Андрей Балконский». Позже он понял, что самые хорошие и терпеливые жёны (хорошие именно потому, что терпеливые) – это жёны винокуров. Кстати, прекрасный тест на совместимость: ругается – значит, плохая супруга, такая садится на шею и помыкает мужиком; бухтит на аппарат, но не воспаляет ссору – уже лучше; молчит – прекрасная жена, горлица.

Спустя месяц Ивану вновь представилась возможность в этом убедиться. Это позже он начнёт использовать для приготовления браги ёмкости из пищевого пластика. А сначала он приспособил большую алюминиевую флягу и пузатую стеклянную бутылку на 50 литров (вот дурак-то!) – удружил один знакомый, подогнал за приемлемую цену. Ага. Это даже не бутылка была, а почти стеклянный шар, элемент магии, алхимии и портал в иные миры. Иван засыпал в него пшеницы, залил водой, в которой растворил 10 кило сахара. Добавил дрожжей. Бродило это, бродило. Однажды вечером решил Иван помешать всё это металлической длинной ложкой. Видимо, давление внутри старинной ёмкости было столь высоко, что от удара ложки о стеклянную стену бутылка не выдержала и дала трещину, словно жизнь Ивана в тот самый момент. Липкий сироп вперемишку с зерном с энтузиазмом Ниагарского водопада устремился по всей кухне, залил пол в коридоре и ворвался в комнату, где в тот момент сидели жена и тёща. Все трое кинулись за тряпками и стали собирать сладкую жижу в ведро. Носки липли к полу, благоверная причитала, тёща безропотно вздыхала – а могла бы забиться в истерику, спасибо ей.

Теперь вопрос: «Или я, или аппарат» уже не возник. Таня обиделась и ушла жить к маме. И неясно пока, надолго ли, когда она «оттает».

На следующий день в дверь позвонил суровый сосед снизу. Как выяснилось, липкая жидкость с лёгким запахом спирта проникла в щели в полу и добралась до его потолка. Иван был принудительно приглашён на экскурсию в пострадавшую квартиру. Как назло, удар

был нанесён по недавнему евроремонту, натяжным потолкам, по новеньким обоям. «Чтоб вас черти побрали с вашей роскошью, гламуром и отделкой...», – уныло думал Окрошин, рассматривая дорогой кухонный комплект из шкафов и шкафчиков, фирменную посудомоечную машину, микроволновку, индукционную варочную панель и многочисленное прочее, всё было чистеньким, сверкало, всё было решено в одном стиле. И, похоже, обстановка вся эта стоила, как всё имущество незадачливого начинающего самогонщика. И только на потолке и стенах красовались следы Окрошинского преступления. «Вот я молодец, привнёс нотки стихийности в бежевые тона урбанистического кухонного дизайнера», – переживал Иван. А владелец всего этого подпорченного великолепия ещё как назло оказался прокурором. «Жениться, так на королеве, заливать – так прокурора», – Окрошин вспомнил об ушедшей к маме жене, и ему совсем стало на душе хреново.

– Ну что, Ванюша, делать будем? – спросил влиятельный и грозный, массивный, как глыба российского правосудия, сосед, взирая, отнюдь не мечтательно, на испорченный потолок и стены. Обращение «Ванюша» было таким, словно оно происходило от слова «вонять».

«Вешаться, топиться, выпрыгнуть из окна...», – перебирал про себя варианты ответов Окрошин.

– Решим, надо полагать, в досудебном порядке, – медленно, словно взвешивая каждое слово, как бы оглашая обвинительное заключение, говорил живущий снизу, но по факту находящийся ох как сверху.

Озвученная сумма компенсации за ремонт просто убила Ивана. Если не есть и не пить, не платить ни за что, то «охранниковой» зарплаты хватит, чтобы собрать эти деньги за два года. Можно взять кредит, только чем его потом отдавать? Что такое в России взять кредит, Окрошин знал, несколько его знакомых попали в настоящую кабалу. А можно ограбить банк...

– Как вообще получилось-то? – спросил убийца Окрошинского и без того зыбкого благополучия.

– Хотел сделать брагу для самогона на сахаре и зерне, – ответил Иван, решив, что хуже уже быть не может.

– Ха! Да ладно?! У нас на работе среди мужиков это прямо повальное сейчас, – сосед неожиданно воодушевился и как будто

случайно нашёл потерянную любимую игрушку. – Кто из винограда гонит, кто на орехах настаивает, этих, кедровых, кто вот сахар... Потом приносят, угощаются... И неплохо так получается, лучше магазинного. Прям соревнования устраивают, на спор, у кого лучше. Ну, я как судья (хотя я не судья, я прокурор) пробую, оценки даю, мы же даём оценки на предмет соблюдения и соответствия... Ну, ты понял. Так что, у тебя крепкий выходит? Вкусный?

– Да так, ничего. Друзья хвалят, – бормотал внутренне раздавленный Иван. Конечно, первые самогонные опыты никакие друзья не хвалили, это он уж так ляпнул.

– Хвалят, значит... Друзья пьют, а на соседей снизу льют... Слушай, ты вот чего. Понятно, что денег у тебя нет, – он потряс пюзом под майкой и подтянул штаны. – Ремонт – хрен с ним, сделают мне. Ты вот что, если у тебя самогон хороший, раз, говоришь, хвалят. Угостишь меня в качестве материальной компенсации. Ну, я рассчитываю, конечно, что он будет нормальный. А то надоели все эти французские коньяки, вискари подарочные, текилы. И тогда всё, снимаю с тебя претензии. Ну, а принесёшь говно, не обессудь – придётся заплатить, хотя бы частично. Ну, что, договорились?

– Да, договорились, спасибо.

Иван Окрошин чувствовал себя так, как будто его сначала возвели на плаху, зачитали приговор, а потом вдруг пузатый палач с волосатыми ручищами передумал и отпустил домой. «А не принесу приличного самогона – придётся на экзекуцию вернуться». Он не верил своему счастью.

– Меня, если не забыл, Пётр Петрович зовут. В общем, давай, считай, конфликт исчерпан. Пока. Но – жду с результатами, – напутствовал Ивана государственный обвинитель.

От соседа, сменившего гнев на милость, Окрошин направился напрямик на свою работу, в свой супермаркет. После восьми водку не продавали, таков был местный закон. Но ему как своему охраннику организовали. Сказал, позарез надо, дескать, с родственником встретился, а отметить нечем. Ага, с родственником, с нижнего этажа...

Ну, что делать – с радости наши люди пьют, с горя пьют, от безделья и скуки пьют, с нифига пьют. Иван и в этот раз хотел накатить, потому что был стресс, а потом – послестрессье. Но эта

бутылка так и осталась неоткупоренной. Потому что вспомнил о возможном китайском спирте в водке. В итоге ограничился пивком, тоже дрянноватым.

Теперь перед ним стояла задача – создать крепкий напиток, который бы пришёлся по вкусу разгневанному божку. Он должен сделать жертвенную огненную жидкость, которая его, Ивана Окрошина, спасёт. Справится ли? Получится ли? Чем удивить этого избалованного и пресытившегося соседа, облечённого правом карать и миловать? Кем ему, Ивану, суждено стать: руководителем аппарата (он помнил, была такая должность в администрации города) или «рабом лампы»?

Выпив, он вышел во двор подышать. До него донёлся шелест лавочного разговора.

– Не, Николавна, нынешняя жизнь – не то, что теперешняя. Раньше-ти порядок был. Раньше попробуй опоздай на работу... Раньше совсем не то, что нынче. А завтра вообще никакой жизни не будет...

– А песни какие раньше были? «Огней так много золотых на улицах Саратова...». А теперь что? Бум-бум-бум! У меня Вовка, внучок, как включит – ба! Говорю, что это за бесы? А он говорит: это реп, баушка, ничего ты не понимаешь. Его, говорит, читают. Раньше вот книжки читали, а теперь этот реп. Это шас, как это он сказал, в тренде. И вот тама и трендят, и трендят, и лают, как собаки, и бум-бум-бум...

– А у нас внучка постоянно эти в уши воткнёт, наушники, играет там у неё музыка. И вот никогда их не вынимат – дома, на улице, в школе, наверно. Я ей: хватит, оглохнешь, а толку-то...

– Здорово, Ванёк! Десяткой не выручишь? – это уже Миша Зомби вырос, «как лист перед травой». Его воловьи глаза сочились тоской и надеждой, голос надтреснутый и сиплый. – Не выручишь?

Судя по всему, Мише спешить было некуда. От него пованивало немывотостью. Куртка была надета на голое тело. Штаны в пыли. Смысл его жизни сейчас сосредоточился на Ваниной десятке.

– Да пошёл ты...

Иван встал и направился домой. Ещё не хватало на алкашей тратиться. Даже десятку. Иди, блин, сам заработай! Нормально устроился. Нашел палочку-выручалочку. Зомбиленд.

Миша смотрел ему вслед и больше не пытался ничего выпросить.

И тут Окрошину стало стыдно. Он только что избежал нищеты и зависимости от снизу живущего прокурора, а теперь жмотится на сраную десятку этому несчастному! Благодарнее надо быть. Над тобой самим толстопуз сегодня сжалился, это, может, знак свыше. Подай нищему, хотя бы вот этому, пропившему по дурости свою жизнь, бывшему плиточнику. Перечисли СМСкой немного больному ребёнку, раз уж у государства на это денег не хватает. Купи пучок укропа и картошку у незнакомой бабушки, а не в своём сетевом супермаркете, хозяин которого и так миллионер. Как быстро забывается, что час назад ты сам мог оказаться в глубокой долгоиграющей заднице, из которой невесть когда бы выбрался!

– На, выпей за моё и своё здоровье, – сказал Иван, который вернулся и подал Мише Зомби значительно больше десятки.

– Да ты не того, я отдам, чё, – прохрипел удивлённый пропойца. Иван молча повернулся и пошёл домой.

Глава 4. По следам Антоныча и других

Дело было не только в соседе снизу. Ивану Окрошину и самому стало интересно создать не просто достойный напиток, а замечательный. А если всё получится, то – самый лучший. А ещё захотелось сделать что-то полезное своими руками. Это не тексты пописывать, это не у касс стоять и следить, как бы покупатели чего не умыкнули, пялиться в мониторы, смотреть, как потребители ходят по торговым залам. Подленькая работёнка. Ведь если кого-то поймать, надо вызывать полицию, потом человека в суд, а там могут и реальный срок впясть. И это за шоколадку? За бутылку поганой водки? Владелец магазина точно не обеднеет, а у человека жизнь сломается. И ты в этом будешь повинен. Поэтому, заметив кражу, он тихонько подходил к воришке и говорил: «Извините, верните на место, что взяли, вас же посадят». Это срабатывало. В такие моменты Окрошин чувствовал себя даже кем-то вроде ангела-хранителя, который уберёт человека от роковой глупости. Другой бы охранник так бы, может, не поступил. Именно в этом Иван видел свою миссию. Но душа просила большего. Не в этом ли отчасти предназначение человека: польза и радость для других и для себя? Так почему бы не хороший напиток?

Реальных наставников и учителей поблизости не нашлось. Самоучкой-винокуром также стать невелики шансы. Пришлось опять-таки нырять во всемирную Сеть. И вот там-то было у кого перенять знания. Самые любопытные видео записывал и выкладывал колоритный мужик, житель села Карасук Новосибирской области Андрей Антонович Подоляк. С бородкой, зачастую в шапочке, самогонных дел мастер из народа. Был у него не только недюжинный опыт, но и русская душевность, доверительность, обаяние. Позже окажется, что тысячи начинающих винокуров в России стали его учениками, вольными или невольными. В честь него, говорят, производители самогонного оборудования назвали один из своих дистилляторов – «Антоныч». Именно так, по-доброму, по-свойски именовала его интернет-аудитория. Вот и Иван Окрошин начал свой практический путь в приготовлении домашних напитков именно с просмотров ютуб-канала Антоныча, самогонного бати всея Руси. Первые сюжеты были посвящены азам и основам – приготовлению браги. Казалось бы, просто: разведи сахар в воде и брось туда дрожжи. Иван ведь поначалу так и поступил, да получилась вонючая дрянь. С таким подходом взыскательный и влиятельный сосед только обозлится. Но Антоныч раскрыл столько нюансов, что стало понятно: винокурение – это сложный процесс, к которому надо подходить серьёзно, ответственно и, самое главное, – с душой, с добрым сердцем. Ведь энергия, заложенная в напиток, будет передаваться от человека к человеку, будет вливаться в него, растворяться в нём. Жидкость консервирует в себе и хорошее, и отвратительное, на этом основаны все колдовские заговоры, как бы кто в это не верил. А вода и правда меняет свою структуру, реагируя на разные слова, на настроения и намерения того, кто их произносит. А мы, как известно, по большей части состоим из воды и во многом являемся тем, что мы пьём. В этом смысл тоста – речи перед рюмочкой. Но, оказывается, добрые слова и позитивное настроение (Ивану было неприятно слово «позитив», он него веяло лжепсихологами-шарлатанами) важно и при приготовлении браги. Позже, прислушиваясь к шуршащим в бродильной емкости дрожжам, он, похлопывая по боку пластиковой канистры, говорил: «Работайте, работайте, ребяташки». И миллионы миллионов «ребятишек» трудились шустрее, поедая сладость и набравивая спирт. Знакомый пчеловод Виктор, открывая улей, обращался к своим подопечным так: «Ну, привет,

девчонки! Как вы тут? Не замёрзли? Не оголодали?». И те сразу добрили, и хоть бы одна ужалила – женщины любят ушами. Так что доброе слово всем существам приятно, даже таким миллипизерным, как дрожжи.

И вот какие любопытности рассказал Антоныч в одном из своих первых видео на фоне фляг: «И вот в 1975 году, когда мне было 16 лет, я познакомился с одним дедушкой, его звали Николай Данилыч, он работал ещё при царском режиме мастером-винокурором на Петропавловском винно-водочном заводе, это север Омской области, деревня Петропавловка. Там он работал с младых ногтей, его призывали на Первую мировую войну. Умер он в Муромцево, недалеко от завода, уже в пожилом возрасте. Вся технологическая часть завода была на нём. И он меня учил. Есть несколько простых правил. Первое: надо начинать любое новое дело, в том числе брагу, в новолуние, на молодой месяц, молодик. Потому что мы делаем живой процесс, а всё подчиняется лунным циклам. И если мы начинаем с молодого месяца, то брага должна выстаиваться ровно две недели – половину лунного цикла. Второе условие: брага должна твориться, зачинаться утром, хотя бы до обеда. В крайнем случае – до наступления темноты. Считайте, что это – обязательное условие. Третье – вода. Она должна быть налита предварительно и должна хотя бы ночь постоять, «отдохнуть», привыкнуть к вашему дому, к вашему помещению. У нас – хорошая артезианская вода. И, тем не менее, я прогоняю эту воду предварительно через шунгитный фильтр... Николай Данилыч показал мне тонны шунгита, который называли карельским камнем, его везли к нам по чугунке, потом на лошадях...». Антоныч советовал поставить в комнате, где готовится брага, икону, начав это дело, помолиться. И не ругаться, не шуметь, не включать громкую музыку, не материться, иначе брага это «запомнит» и сохранит в себе нехорошую энергетику, которая потом попадёт в организм. А саму воду для браги надо брать в родниках либо размораживать из снега и льда: только тогда она будет правильно структурирована. Она будет «живая», «информационно очищенная».

Много чего рассказал Антоныч. И как правильно гнать брагу, сколько отбирать «голов» и «хвостов». Советские мифы и штампы о самогонварении разрушались один за другим. Например: самогон – это мутная, белёсая жидкость, которая в деревнях всегда

стояла в больших бутылках. Она присутствует и в знаменитых гайдаевских «Самогонщиках». Ан нет: правильный дистиллят на выходе всегда прозрачен. Ещё заблуждение: самый хороший самогон – это первач, это первые капли, первая струйка. Ни в коем случае: да, это жидкость крепкая, но именно в ней очень много ядовитой дряни – ацетон, метанол, канцероген ацетальдегид, ну прямо букет ядов. Именно этот «первач» или «головы» лучше использовать для розжига костра, можно заливать в машину как омывайку (правда, гаишники напрягутся, это да). Но только не внутрь! Правда, Миша Зомби бы выпил, ему уже всё равно. Также не надо пить и «хвосты» – самогон, который выходит из аппарата в последнюю очередь и когда крепость упала ниже сорока градусов – а она в процессе перегона постепенно снижается. Брать для употребления надо только «серединку», «сердце» или «тело». Кстати, утверждается, что знаменитый шотландский виски «Маккалан», тоже технологически самогон, только ячменный, использует лишь 16% спиртов из серёдки. Похоже на красивый рекламный ход, но кто знает этих шотландцев...

Было немало прелюбопытнейших типажей, которые вели свои ютуб-каналы с винокуренной тематикой. Например, Дмитрий Бухловар из Тюмени. То самогон на камеру выгонит, то настойку приготовит. А потом – приглашает друзей и подруг, симпатичных, и комментируя, «прибухивает» – и своё, и импортное. Смотреть весело, парень за словом, в том числе крепким, в карман не лезет. Или ещё один Дима – Алкофан. Где-то на Украине, где-то в Кировограде, в частном доме, – здесь более южный, фруктовый колорит. Начинал Дмитрий с «дедовского» самогонного аппарата, щель в котором замазывал по-допотопному – тестом. Прошли годы, и он обзавелся серьёзным самогонным и пивоваренным оборудованием, и его обзоры всё так же интересны.

Когда Иван смотрел сюжеты Дмитрия Алкофана, слушал его речь с южнорусским или восточно-украинским акцентом, то ему всегда почему-то вспоминался этот день, наверное, самый пьяный день в его жизни – 15 июня 2012 года. Донецк, чемпионат Европы по футболу. В те годы Окрошин был истовым болельщиком, иногда мотался на матчи Чемпионата России в Москву, Казань, Самару, болел за «Спартак». Ну и, конечно, за сборную. В тот год на наших попасть не получилось, купили билеты на матч «Украина – Фран-

ция» и поехали с весёлой компанией на машине в Донецк. Решили болеть за Украину, потому что это тоже наши. Тогда это не только так казалось – так было. Смешная была и граница – дорога в чистом поле без всяких ограждений, с ленивыми пограничниками, непонятно зачем вообще существующими, с которыми можно было шутить. «Это не вы на фотографии, на паспорте вы грустный, а в оригинале – весёлый». И ведь выпендрились – предоставили загранпаспорта, а самим было смешно: «Курица – не птица, Украина – не заграница». Донецк оказался самым гостеприимным городом, аккуратным, зелёным, цветущим. По нему ходили толпы болельщиков, кричали, братались, обменивались шарфами и майками. Ну как тут было остаться трезвыми? Водка сменялась пивом, пиво снова водкой, обалденная горилка, сало с перцем, кафешка за кафешкой, лица, футбольные фанаты, салоны сотовой связи, магазины. И везде угощали, спрашивали «откуда?», радовались, когда отвечали, что со Средней Волги. Иногда встречались пророческие надписи на футболках «Now I fear nothing, I've been to Donetsk». Спьяну шуточно подрались между собой, но без особых последствий.

На «Донбасс-Арене» ливанул такой дождина, что матч начали с опозданием, с небес на поле обрушились тонны воды. «У-кра-и-на!» – скандировали 50 тысяч человек. «У-кра-и-на!» – скандировал Иван Окрошин, погруженный в жовто-блакитный бушующий океан. Так хорошо было слушать украинский язык – про то, что «нападник» попал «у поперечину», что мяч очутился во «воротарском майданчике»... Два-ноль в пользу Франции! Ну, ладно, всё равно праздник! Все фотографируются, обнимаются, прыгают. Это было незабываемо. А потом – шумящий и гудящий Донецк, и опять пьяное братание, какой-то ночной клуб «Лица», из которого Ивана вывела охрана, потому что под утро там его сморило.

До войны между «украинцами» и «русскими» с тысячами смертей оставалось чуть более двух лет. Потом Иван следил по новостям – бойня в центре Киева, Одесса, где сожгли людей, фронтовые сводки. Старый анекдот про пиво и москалей стал совсем не смешной реальностью. Луганск, Волноваха и прочие местечки, где беззаботно ездили под июньским солнцем. Мальчика убил снаряд, он играл в футбол на площадке недалеко от дома. А тогда, в радостном и счастливом Донецке, накупили грузинских вин и коньяков, потому что в России они тогда были под запретом... По возвраще-

нии где-то в Саратовской области остановились пообедать в придорожном кафе, хозяин – грузин Гиви. Угостили его «донецким» грузинским коньяком. Он образовался этому коньяку, как своей родине, и удешевил чек на треть... После кровавых украинских событий Иван перестал быть болельщиком. Да, он помудрел, решив для себя: «У этих футболистов бабла горы, у них дорогие машины, всё в шоколаде, а я ещё за них болей. А мы тут, в провинции, бедствуем, работаем, загибаемся. Нет, идите вы без меня, пинайте свой золотой мяч...».

Тем временем многие «бухловары» и «алкофаны» общались друг с другом не только в Интернете, но и вживую, на разных алкосаммитах и алкофестах, порождая всё новых винокуров, виноделов и пивоваров. Иван Окрошин тоже медленно но верно вливался в их нестройные ряды, нередко сиживал на интернет-форумах самогонщиков, таких как *homedistiller*. А ещё что ему нравилось в техническом прогрессе и цифровизации пространства – теперь можно почти с любым человеком на земле выпить онлайн, и расстояние тут не помеха. Конечно, с друзьями лучше выпивать по старинке, чокаться не в экран ноутбука, а рюмочка в рюмочку. И наливать надо из одной бутылки: одна жидкость – несколько участников. Но если такой возможности нет, то чего уж. С другом Стёпой Колотовым они уже так попробовали. Не то. Всё равно ощущение, что пьёшь один.

При помощи мировой самогонной паутины и методом научно-го тыка Иван постигал все тонкости и сложности. Какое сырьё взять, какими дрожжами сбродить, сколько выгнать каких частей, как это рассчитать, как очистить продукт, как сделать вторую перегонку, на чём настоять, в чём отличие одного аппарата от другого, как их использовать, чтобы ничего не рвануло, не подтекало, не воняло...

И вот что постепенно понял Иван. Теоретически дома можно сделать любой, абсолютно любой алкогольный напиток, и даже подобие водки. Но это подобие может быть бесподобным. Совсем не то, что стоит на полках магазинов. На эти этикетки Иван до тошноты насмотрелся в охраняемом супермаркете. Новое увлечение открывало Окрошину новые горизонты. Сахар – это, конечно, основа, самогонный базис. Но ещё же можно – боже мой – из разных злаков, пророщенных и непророщенных, из яблок, груш, сливы, винограда, картошки, свёклы, гороха, кукурузы. Можно играть со вкусами, травками-специями, можно делать настойки на чём угодно, ликёры, наливки со всякими ягодами...

Что выбрать? На чём сосредоточиться? Из любопытнейших трудов исследователя истории русской водки Бориса Родионова можно было заключить, что самый лучший напиток – из пророщенного зерна, а именно – из ржаного солода. Рожь – самая русская культура, самая наша. Сам Родионов с сыновьями подтвердил это на практике: в Польше (ну, правильно, в России же организовать тяжелее) была восстановлена якобы старая винокурня, на которой он начал производить свои полугары – крепкие напитки из солода, приготовленные по старинным технологическим принципам. То есть посредством неоднократной перегонки и очистки берёзовым углем и яичным белком. Попробовать продукцию от Родионова всё не доводилось – дороговато. А тут ещё приехал товарищ из Белоруссии, Паша Пахомов, привёз бутылочку ржаного самогона из музея старинных ремёсел «Дудутки».

– Щас я научу тебя пить самогон, как меня белорусы надоумили, – вещал Паша, дирижируя бутылкой. – Берёшь ржаной – обязательно ржаной! – хлебушек, кладёшь на него ломтик солёного огурчика – солёного, не маринованного! – и сверху – мёда, поароматнее. Называется «панская» закуска. Делаешь небольшой глоток – дальше а-ам!

После этого «ам!» Иван понял, что возлитое было божественно. Ржаной хлеб, мёд, огурчик и растекающееся внутри родное тепло...

– Это охренеть как вкусно. И так водку пить бросил, а теперь вообще прокляну эту жидкость. А чему тебя ещё братья-белорусы научили? По лесам партизанить и фашистские составы под откос пускать? – спросил воодушевлённый Иван.

– Лучше. Следи за руками и делай так же. – Паша капнул белорусским самогоном на ладони и растёр эти капли так, чтобы досуха. – А теперь – понюхай!

– Хлебом пахнет! Чёрным хлебом! – изумился Иван.

– Так можно с любым алкоголем, – пояснил Паша.

– Повторим! – сказал Иван. – Только по правилам: хлеб! огурчик! мёд!

– С мёдом у меня тоже такой случай был. Занесло меня в Армению, в Ереван. Еду как-то на такси, ну, разговорились с водилой. Они там все разговорчивые и гостеприимные. Говорю: люблю армянский коньяк, тот, который настоящий. А я правда его обожаю, считаю, что он даже лучше французского, я поэтому на Ереванский

коньячный завод попал, чтобы посмотреть, что да как. Э, говорит таксист, Паша-джан, молодец, что уважаешь наш коньяк. А ты пить-то его умеешь? А чего уметь-то, наливавай да пей, лимончиком закусывай, отвечаю. Э, говорит, какой-такой лимочик, слушай! Лимон с коньяком – это преступление! Коньяк – он из хорошего винограда, он в бочке дубовой лежал годами, зрел. А ты своим лимончиком весь вкус убиваешь! Я тебя научу коньяк пить. Встаёшь утром, наливаешь нашего армянского коньяка, а на кулак берёшь мед. Только настоящий мёд, слушай. И – натошак этот коньяк выпиваешь и мёдом закусываешь. Вот это вкусно, полезно, и ни одна болезнь, ни один вирус к тебе не прицепится!

– Так пробовал? – спросил Иван.

– Ещё бы, – отозвался любитель иностранной выпивки Паша. – В Армении там вообще с этим здорово. Гранатовый самогон, тувовый, кизилловый, абрикосовый. Ну и коньяк, конечно, вне всякой конкуренции. Есть там местечко такое – Арени, там разные вина делают. Но коньяк там – это нечто! А запах у него – все французские парфюмеры нервно курят в сторонке...

«Вот что я сделаю: самогон из ржаного солода, – решил Иван. – И соседу дам попробовать, хрен с ним. Белорусы сделали такую вкусноту, а я чем хуже! Сегодня и на ближайшие месяцы я сам буду белорусом! А потом, может, куплю бочонок дубовый – перекавалифицируюсь в армянина. Потом – в серба, со сливой заморочусь. А там – чем Бахус не шутит – почувствую себя чехом или немцем, попробую пиво сварить. Хотя у нас пиво и чувашки неплохо варят. Как это было бы прекрасно – познать мир и алкогольные традиции разных стран и народов...».

И вот ещё какую простую казалось бы штуку осознал Иван. Закуска должна гармонично дополнять напиток, как в случае с ржаным самогомом и «панской» снедью. А ведь для водки функция закуски заключается только в том, чтобы протолкнуть эту гадость внутрь, чтобы заглушить спирт. А смысл напитка и еды – чтобы ими наслаждаться, если речь не идёт о намерении нажраться во всех смыслах.

И по-новому читалась теперь классика, например, вкусный Николай Васильевич Гоголь: «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков, тащи нам всего барана, козу давай, мёды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребёнками, а чистой, пенной горелки».

ки, чтобы играла и шипела, как бешеная». Это – «Тарас Бульба». А это – «Вий»: «Вот тут бы жить, ловить рыбу в Днепре и в прудах, охотиться с тенетами или с ружьём за стрепетами и крольшнепами! Впрочем, я думаю, и дроф немало в этих лугах. Фруктов же можно засушить и продать в город множество или, ещё лучше, выкурить из них водку; потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится»...

Глава 5. Рациональное зерно

Итак, Иван решил сосредоточиться на ржи как основном сырье для своего самогона. Так же, как и его русские предки несколько веков назад. И тут он столкнулся с неожиданной и нелепой проблемой. Оказалось, что в приволжском городе N не продавалась рожь. Пшеница и ячмень – пожалуйста. А рожь – нет. Пришлось обратиться за советом к другу Стёпе Колотову – специалисту по мельницам. Почесав затылок, Стёпа позвонил своему начальнику – директору фирмы по обслуживанию мукомольного и фасовочного оборудования. Тот напряг своего знакомого – чиновника в региональном министерстве сельского хозяйства. Чиновник, в свою очередь, позвонил председателю бывшего колхоза «Путь Ильича» (даже придорожная табличка сохранилась), который был переименован в ООО «Агрокультуры». Там-то и выращивали рожь. Договорись, что на халяву дадут два мешка, но – самовывоз. Связи, связи, – как было бы без вас трудно...

Тогда стоял декабрь, снежный и метельный. А Стёпа – настоящий друг – вызвался доехать за этими мешками на своей «семёре». Иван решил составить ему компанию. Путь был неблизкий: сначала добраться до райцентра, потом до Семёновки, где располагалась контора сельхозпредприятия.

– Начало украинского рецепта по засолке сала начинается так: «украдите свинью». Начало русского самогона – «посей рожь». Потом вырасти, обмолоти, расфасуй по мешкам, привези в город на старых «Жигулях», – пытался шутить Иван, когда они уселись в машину.

– Не обижай мою тачилу, – отвечал Стёпа, – авось не увязнем. Но что вот «уазик» бы больше пригодился – тут ты прав.

Когда доехали до Семёновки, пошёл снег. Обшарпанный природорожный указатель советских времен «Путь Ильича» был еле виден. До конторы добрались почти на ощупь, как выражался Стёпа, «идём по приборам».

– Два дурака, – бубнил Иван. – Одному дураку зерно понадобилось, другой согласился за руль сесть.

– Другой дурак хотя бы летнюю резину на зимнюю недавно поменял. Значит, не такой и дурак... А всего лишь придурок. Ну, чего нас сегодня понесло? Погода – триндец. Как сказал мой знакомый поэт, «небо серо-сизое белёсо прижимается к верхушкам домов». Ты понял? Не просто небо, а «серо-сизое»! И прижимается не абы как, а «белёсо». И небо, оказывается, не просто так, а «прижимается»! – гундел Стёпа.

С грехом пополам отыскивали контору.

– А про здешнее покосившееся крыльцо твой поэт бы сказал, что оно напоминает лицо человека, съевшего лимон.

Вошли. В полумраке на стенах висели портреты передовиков хозяйства, работников администрации и руководителей государства. Тишину нарушала уборщица, со шваброй в одной руке и ведром в другой.

– Здравствуйте, мы от Егора Петровича. А как найти Кирилла Иваныча?

– Сюда, пожалуйста.

Кирилла Иваныча на месте не оказалось. Но с ним связалась секретарша.

– Здравствуйте, тут двое, говорят, от Егора Петровича. Говорят, по поводу двух мешков ржи.

И уже приятелям:

– Вы знаете, как проехать в Лесниковку? Отсюда 15 километров. Только вы туда вряд ли проедете, дорогу туда не чистили.

«Вот это называется послать подальше, – подумал Окрошин. – Как тут вообще люди живут?! Как они вообще тут работают? А мы ещё в городе на жизнь жалуемся. А тут всё раздолбано, разбито. И летом-то здесь уныло, а зимой вообще мрак. Эх, деревни, за что вас так? Жители здешние, чем вы так не угодили сильным мира сего, за что из вас сделали людей третьего сорта? Первый – москвичи, оторванные от реальности, второй – мы, горожане провинции, и третий – местные...».

– Ребят, может, чайку? – спросила секретарша.

«Они ещё и чай предлагают».

– Поехали мы, – прервал грустные размышления Ивана Стёпа, – двери закрываются. Следующая станция – Лесниковка, а там – ещё два километра полями.

– Может, ну, их, эти мешки, застрянем нахрен!

– Нет, Иван-дурак, кто не рискует, тот не пьёт хороший самогон. Ради него стоит рискнуть. Не из таких задниц выезжать приходилось.

– А ты не пробовал в них не въезжать?

– Жить надо с поиском приключений на свою пятую точку, иначе нечего будет вспомнить.

С этой железной логикой умудрённого старца уселись в машину, заднеприводную, что тоже не вселяло уверенности в условиях пурги.

– К тучам подошло подкрепление, как сказал бы поэт, – заметил осторожно рулящий Колотов.

Дома, столбы, деревья, очертания дороги выплывали из снежного бульона и туда же возвращались. «Как в фильме «Мгла» по Кингу – кто знает, какие чудища таятся в этой неизвестности. Хотя в русской неизвестности мало что осталось – почти всё вымерзло, вымерло.

Дабы взбодрить обстановку, Стёпа начал комментировать всё происходящее, окружающее и кружащее, причём не без претензии на художественность. Иван понял, что «мой знакомый поэт» – это и был сам Колотов.

– Свернув с шоссе, машина оказалась на ровном снежном накате, по цвету не отличающемся от неба, – вещал Колотов голосом диктора радио. – Лишь изредка из-под него выглядывала полоска асфальта, там, где ветер чувствовал себя особенно вольно и сдувал с дороги снег. Пробираясь, словно крадучись, в какие-нибудь полчаса они преодолели километров пятнадцать...

– Да, а ты прошёл эволюцию от коня вороного до Баяна вещего, – поддел друга Иван.

Но Стёпа продолжал живописать действительность:

– Провожавшая нас весь путь лесопосадка закончилась, дорога сделала крутой поворот, и справа проступили контуры домов... На въезде мужественных путников на не менее мужественной «се-мёрке» встретил квадрат кирпичных стен без крыши и прорехами вместо окон. Вторым стоял дом с раскрытыми ставнями и дощатой

крышей. Доски были не подряд. Забор был просто пьян. Переехав по мосту через мелкую речушку, мы оказались на перекрёстке, а рядом был памятник в виде солдата с автоматом в окружении деревьев. Направо на бугре стояла машина по описанию подходящая. При нашем появлении из неё вышел мужик лет пятидесяти-шестидесяти невысокого роста и представился...

– Кирилл Иванович. А вы от Егор Петровича? Давайте доедем до края села, а там придётся с полкилометра до весовой пешком.

– Словно тяжёлое зимнее небо, над друзьями нависла угроза переть тяжёлые мешки на своих горбушках, – продолжил своё онлайн-повествование Степан, и Кирилл Иванович подозрительно на него покосился.

– Как дела у Егор Петровича? Дочка у него вроде на втором курсе? – спросил местный.

– Да, всё в порядке, привет вам передаёт, – ответил Иван, который знать не знал, кто такой Егор Петрович и чем занята его дочка.

– Это хорошо, это хорошо, пусть в гости приезжает, – говорил Кирилл Иванович. – А что рожь – это правильно. Добрый знак. Тут многие вокруг нас подсолнух сеют. А после подсолнуха земля совсем истощается, после него ничего не растёт. А рожь почву восстанавливает. Она не такая доходная, как подсолнечник. Сейчас её сеют всё меньше и меньше. А зря.

– Зря, – согласился Иван.

– Да, на мельницы и элеваторы сейчас пшеницу в основном привозят, – проинформировал знающий предмет Стёпа.

– А вам, ребята, на что два мешка?

Иван со Стёпой переглянулись, и Окрошин решил признаться.

– Хотим сделать ржаной виски, в народе именуемый самогон.

– Это дело, это хорошо, хорошо, у нас тут в Лесниковке раньше многие этим баловались, да по-всячки. Да и я тоже...

– Это интересно, а расскажите нам...

Тут началась экстремальная езда, стало не до рассказов. Пару раз чуть не застряли посреди снежного поля, но Стёпа каким-то чудом прорвался.

Весовая платформа была оснащена навесом и помещением с электрообогревателем и чайником. Бывшие там пятеро работников обрадовались новым людям, новым лицам. Они, в валенках, тело-

грейках и шапочках, с любопытством смотрели на отчаянных пассажиров легковушки. Их звали, слева направо: Колян, Серый, Пахомыч, Толян и неназванный.

– Мешки есть? – спросил Кирилл Иванович.

– Что-то не взяли, – ответил Иван, досадуя на свою непрактичность, словно он пришёл в муниципальную поликлинику без бахил.

Друзьям отсыпали два мешка по тридцать килограммов.

– А перевязать есть чем?

Иван помотал головой и пожал плечами. Кирилл Иванович только вздохнул: городские, бестолковые.

Но тут Стёпа показал себя бывалым мужиком. В машине завалялись его осенние ботинки, которые обладали замечательным свойством – наличием шнурков. Ими-то и завязали мешки.

Закинули мешки в багажник – машина ощутимо просела задними колёсами. Метель не стихала, видимость оставляла желать лучшего, «дворники» не справлялись, снег и ветер неприятно охаживали лица. У Ивана было ощущение, что он забирает эту рожь незаслуженно, только потому что «связи».

– Мы точно вам ничего не должны?

– Да, ладно, обижаете, парни. Привет Егор Петровичу.

Оно, конечно, всё к этому шло. И вот оно случилось. Стёпина «семёра», утяжелённая мешками, забуксовала и отказывалась трогаться с места. Она редела, урчала, но зарывалась в снег всё глубже. «Вот нахрена я всё это затеял, столько людей напряг», – подумал Окрошин.

Но местные жители вообще не напряглись. Они, похоже, были рады, что хоть кто-то приехал к ним, о чём-то попросил, худо-бедно пообщался. Они сидят тут, отрезанные от мира на своей весовой, перекидываются в картишки, выпивают, делятся скудными новостями, тоскуют. А тут – пожаловали к ним аж из самого города, да в метель, да на легковушке, да за зерном для самогона. Поначалу гости смотрели на местных, как Миклухо-Маклай на туземцев, а лесниковцы на приезжих – как бывалые хозяева природы, как сказочные, но потрёпанные жизнью лели на беспомощных, непрактичных чудиков.

– Ну, что, Толян, организуй нам трактор, дотащим ребят до дороги.

Толян с радостью пошёл в село за, как потом выяснилось, «Беларусем».

– Как звать-то вас?

– Иван.

– Степан.

– И чего вы решили в такую далищу? Уж у вас там в городе спиртного разного завались. Это у нас тут в Лесниковке одно сельпо, там маленько продается. Да не пьют тут люди магазинное – дорого.

– Да это у нас хобби, ну, в смысле увлечение такое, хочется самим из зерна сделать, как в старину.

– Да как в старину – это мне вот отец говорил, делали из зерна. Да и шас делают, как раньше...

Кирилл Иваныч хотел было начать рассказ, но его опять прервали: из пурги возник стрекочущий и фыркающий трактор. Друзья сели в машину, Кирилл Иваныч – на заднее сидение. Мужики подцепили белую, сливающуюся со снегом легковушку тросом, и она нехотя тронулась с места под одобрительное: «Пошла, пошла, родная, мать её в гороскоп!».

Когда гружённую под завязку «семёрку» (под завязку шнурками – подумалось Ивану) выволокли на теоретически асфальтовую дорогу, Кирилл Иваныч предложил:

– Парни, а оставайтесь у нас на ночь, моя Надежда Петровна че-нить приготовит, самогона местного попробуем, баньку натопим. И как раньше гнали вино, поведаем, и как сейчас – покажем, с вековой пригласим, Толян – вот тот ещё балабол – намолотит языком вам так, что будете всё знать про самогонку, а исполняет он её так, что всем селом у него угощаемся.

– Чё про неё знать – наливай да пей, – отозвался довольный Толян, который стоял, облокотившись на свой спасательный, с горячим громким сердцем, трактор.

– А завтра с утра, как погода поуляжется, и поедете.

Друзьям такая перспектива приглянулась.

– Только я жену предупрежу, – сказал Стёпа.

– Тут это, сотовые не ловят, никакие. Только если на тот холм влезть. Мы его так и зовём шас: Мобильный холм. Он раньше Лысой горой назывался, хотя он весь лесом покрыт. Там чертовщина всякая случалась, пьяных черти водили. Напился тут, рассказывали, один, а ему цыгане встретились, усадили в телегу и давай катать. А у него уж голова кружится, лес не узнаёт. Сказал: «Господи, спаси и

сохрани!»). А эти цыгане рассмеялись и пропали, как и не было их. Смотрит, сидит на этом холме, Лесниковка внизу, всё как положено. Это, говорит, меня бесы водили, не буду так пить больше... – Так у вас тут и Интернета нет? – задал Иван глупый вопрос.

Кирилл Иваныч махнул рукой:

– У нас много чего нет. Школу закрыли – детей нет. Молодёжи – нет. Клуб раньше был – нет. Одни пенсионеры остались. Ладно ещё «Агрокультуры» работают: зерновые выращиваем, картошку сто пятьдесят гектаров, коровник есть, колхозный по-старому, там двадцать голов дойного стада, считай, молоко. Так-то у нас тридцать два работника. А раньше колхоз был «Путь Ильича», сколько мы земли обрабатывали, КРС было, стадо идёт, бывало, лавиной сквозь село, ажно пыль столбом, мычат. Школа была, детский сад, народу в одной Лесниковке было больше тысячи. Тридцать лет прошло, ни чумы, ни войны, а само как-то всё умерло, развалилось.

– Само, ага, скажешь, Иваныч. Там всё сделали! – сказал Толян и проткнул пальцем небо, которое в этот раз было ниже потолка. Из этого отверстия снег повалил ещё пуще.

«Путь Ильича», ядрёно коромысло!» – подумал Иван, ругнувшись про себя, как ему показалось, по-местному.

Сыпало, вьюжило, снежило. Хотелось уюта и тепла.

Глава 6. Бражные затейники

Друзья оказались в добротном деревенском доме. Несколько комнат. Приятное тепло шло от русской печи, на стене висели фотографии хозяев и родственников, в углу – иконы.

– Это – Надежда Петровна, супруга, – представил Кирилл Иваныч жену.

– Здравствуйте, молодые люди, – отозвалась женщина. – По каким надобностям к нам? В городе живёте?

– В городе, – сказал Иван и почувствовал, что сегодня устал. – Вот приехали к вам за зерном.

– Да, занесло нас, – добавил Стёпа. – А так подумаешь – и не занесло: прорвались, не закопались. Трактор – великая сила.

– Ты нам, Надежда, стол исполни, – попросил благоверную Кирилл Иваныч.

В углу работал телевизор, изображение было мутным и дёрванным. Крикливый ящик агрессивно вещал о достоинствах зубной щётки с круглой насадкой, потом о прекрасной и «заботливой» туалетной бумаге. Он раздражал, мешал разговаривать. Поэтому, когда Кирилл Иванович выключил телевизор, стало совсем хорошо.

Надежда Петровна удалилась хлопотать к плите.

Кирилл Иванович почесал бородку и словно задумался.

– Давно вы тут живёте? – спросил Иван.

– Всю жизнь, всю жизнь... Отец рассказывал, как они тут в войну. Понятно, всё для фронта. Хлеб – государству, молоко – отдай, картошку – отдай, яйца – отдай. Сами с голоду пухли, иные помирали. Что поделывать, надо было фашистов бить. Он выжил и, хоть пацаном был, всю семью умудрялся поддерживать: то голубя забьёт, то рыбы сетями наловит. А так – траву всякую ели, липовые лепёшки делали. Многих тогда эта трава спасла, картошка гнилая. Сейчас жалуются – плохо живём. Да щас всё есть. Хлеба досыта. Вот вы говорите, вам рожь для самогону нужна. Тогда за такое и арестовать могли. Да как можно было тогда хлеб на такое... Потом потихоньку жизнь стала налаживаться, крепкий колхоз стал, это уже на моём веку.

– А что же, с самогоном, как раньше гнали?

– И раньше гнали, и теперь гонят, – сказал Кирилл Иванович.

Подошёл и Толян-тракторист, как выяснилось, первейший самогонщик Лесниковки. Принёс свой продукт – сахарный, настоящий на сухофруктах. Надежда Петровна подала лапшу с мясом, открыла банку солёных груздей. Вопреки расхожему мнению, что деревенский – значит вонючий, произведение Анатолия было вполне достойным.

– За гостей, нечастых в наших краях, – стостировал Кирилл Иванович.

Уютно-то как. Тепло, простая деревенская еда, добрый самогон, метель за окном. Неспешный разговор потёк, как хороший напиток. И, в основном, про напиток. Иван Окрошин решил узнать, как винокурили на селе.

– В Лесниковке самогон делали всегда – сколько себя помню. А мне уже 65 годков, – повествовал Кирилл Иванович. – Кто из чего. Если кто был страшный любитель, кому не терпелось, тот пил прям брагой. Затевали брагу. Ну, старики – они не из сахара, а затевали

из зерна – с пшеницы, с овса. Сначала прорасивали. Ростки дадут – делали закваску из муки, из хмеля. Это уже было без дрожжей. А бродить она начинает с проросшего зерна.

– А бывало, что зерно замочат, прорастят, высушат, а потом измельчат, и из этого делали? – интересовался Иван. Ему очень понравилось это доброе устойчивое словосочетание «затевали брагу». Было в этом «затевании» что-то тайное, почти сказочное, древнее. А ещё хорошо звучало, что брага «работает».

– Да. А было, что и зелёное, пророщенное, разотрут и прямо туда заливают. И делают закваску на хмелю, – подключился Толян. – Потом уже стали делать из дрожжей и сахара. А то тут всё было – свёкла, картошка, горох. Брага отстаивалась и делалась, ну, не светлая, конечно, а как щас показывают в кино, мутная в четвертях. А те, кто не больно желающий, – те перегоняли. Кто где: кто – в лесу, кто – в бане, кто – дома. Раньше привлекали за это. Вот у меня, в Дмитриевке, на краю села, – гнали в овраге. Вот сегодня, например, у меня там поспело – я туда гнать. Очередь освободилась – другой. За ним. Не дома гнали, а в овраге. А так – у всех по-разному. Кто – на речке, кто – в бане. Лишь бы была вода рядом.

– А в овраге – это было «общественное» место?

– Да, там все прятались от участковых, – продолжал Толян. – Например, у меня было всё подготовлено, выгнать надо – я туда. Увёз флягу или какая емкость была. Раньше не во флягах делали – в кадушках. И перегоняли где и как, но принцип был один и тот же. Печка или из кирпича складывали. Ставили чугуны, заливали брагу. Сверху закрывали вторым чугуном, здесь всё замазывали тестом. Сверху делали дырку, вставляли сюда трубку металлическую. Температура в этом переходнике была очень высокая, так что могла не выдержать. Делали змеевик, устанавливали корыто, обычно деревянное. Трубу кто напрямую делал, кто делали кольцо, змеевик – для лучшего охлаждения. А здесь ставили посуду. И вали. Сначала шёл первяк, – чистое, прозрачное.

– Первяк – это только первые капли?

– Самые первые! – с готовностью отзывался Толян, разливая по второй. – Ну, там был уже расчёт: сколько залил, сколько должно выйти.

– А первяк пили?

– Пили! Но не все. Не все выдерживали. Он же крепкий. Там до девяносто градусов было. Это же от браги зависит. Вот если хохлы гнали из свёклы, из буряка они называли, она была очень крепкая у них. Но – запах нехороший. А вот с картошки, с гороха, с пшеницы и ржи – тут запах другой.

– Предлагаю за спасителя Анатолия, властителя трактора всепроходящего, добрые дела творящего, путников из снега вызволяющего!

Сказано было удачно, складно. Тосты у Окрошина всегда приходились ко двору. Вторая была благотворной и тёплой. «Сухофрукты интересно облагораживают напиток, надо взять на заметку».

– А горох тоже проращивали?

– Проращивали.

– Не сушили потом его?

– Нет! Расстелют его, он немножко провянет. Так же вот – и туда. Даже не мололи – ничего. Из него можно даже не один раз затевать бражку. Брагу сливают, и в неё опять же заливают. Два-три раза из неё гнать можно. Обычно второй-третий заход ещё лучше получается.

– А гнали до какого момента?

– Вот тут кто на язык пробовал, а кто пробовал на бумагу, – пояснял тракторист. – Отрываешь лоскуток, обмакиваешь и поджигаешь. Если крепкая, она сразу вспыхивает, и не сторающая бумажка делается сухая. А если она не очень-то – всё, бумажка начинает тлеть, гореть. Тут уже и по запаху определяют, и на вкус. Если ниже двадцати градусов, она уже идёт, как показывают четверть, мутная. А вот когда она идёт сорок градусов – как натуральная водка. Светлая-светлая.

– А что народ предпочитал – водку или самогон?

– Но если как раньше водка была – то отличие небольшое. Водку тоже делали из зерна, раньше-то. Ну, спиртзаводы на зерне, на картофеле, на свёкле работали. А сейчас чего – суррогат идёт, добавки. Я вот по себе возьму, хоть и шестьдесят лет доходит, – я предпочитаю самогон, чем вот эту... Выпьешь его и не болеешь. Крякнешь – о! Крепенько!

– На все праздники гнали? На похороны?

– Обязательно, – говорил уже Кирилл Иваныч. – Вообще-то не угощали раньше на похоронах. Раньше было как: если где был по-

койник, то всем селом собирали кто чего мог, и все помогали. Не как щас. А на свадьбах – это само собой. Это я застал. Чайники на столы – и пьют. Кто – что: кто в бутылки, кто в чайники, кто в самовары. Водка хоть и была тогда дешёвая, но денег у людей не было. Поэтому все старались гнать. Когда запрет был, люди приспособивались: ставили самовар на стол, кому надо – наливай и пей.

– А вот из томатной пасты делали, – продолжал Толян. – Из риса. Не пробовал? Я пробовал из риса. Его в банку, сахар добавляешь, надеваешь перчатку – и в тёплое место. А ещё делали из арбуза. Обычно хороший спелый арбуз, старались выбрать крупный. Вот вырезаешь у него квадратик, туда ещё добавляешь сахару, дрожжец, и всё – затыкаешь, заматываешь тряпками, в таз – и куда-нибудь в тепло. Вот стоит. Обычно неделю. Всё там разъедается, получается розовое вино, но очень крепкое. Остается только одна зелёная корочка. И пить приятно, очень приятно.

Раньше в Дмитриевке у нас все гнали и боялись, милиционер приедет – все прячутся. Хоть и ничего не сделал – прячутся. Вот как люди были напуганы. Щас – плюнут... Вот и гнали в овраге. И вот там вырыли они, сделали там из кирпича, бочку какую железную. И вот у меня созрело – еду туда, у другого созрело – он едет, на телеге, на лошади. Потому что так нельзя было, потому что запах или что. Ну, некоторые – в банях. Но в банях опасно. Если в своей бане гонишь, да поймают – то всё. А там – увидел, бросил, убежал, говоришь «не моё». У меня отец в соседской бане гнал, сосед его «заложил». Отцу год дали. Сидел год. Одно дело боялись, а с другой – законы не знали ни хрена... Однажды мать несёт бражку из дому на коромысле, два ведра. Ха-ха. Нахратов был тада участковым, высоко-окий мужик! А он навстречу идёт. А запах сразу чувствуется. А ему похер! Ему всё равно, ну, просто человек такой был, хороший... Да, гнали почти поголовно. К праздникам – это уже само собой. А так – все гнали. Нужда была.

– А перегоняли второй раз для лучшей очистки?

– Можно, можно. Но это уже натуральный спирт. Очень крепкий. Ну, из самогона перегон получался. Да, первый раз – это первяк, самогон, а второй раз – перегон.

– А бывало, что допивались до чертей?

– Это редко. Или крепче народ был или употребляли меньше, в меру, не как щас. И работали, как лвы. Если раньше в основном

пили самогон, то потом всякую химию, «перчики», одеколоны, жидкости, стеклоочистители. Я как-то шевырялся по хозяйству, позвал двух человек, у меня лет пять стоял этот «синий платочек» для керогазу. Они увидели – глаза вытарасили. «Дай!» – «Ну возьмите». И он сразу прям стакан усосал. Я выхожу, а он прямо здесь валяцца, глаза закатил. Игорь. Выхожу, ...ять, он лежит. стакан прям, ничего не закусывал, ничего. В примус эту жидкость заправляют, её называли «синий платочек».

– Я вот читал, что раньше Российская Империя была одной из самых малолюдных стран, в Европе закладывали больше. А объясняется просто: пьяница-крестьянин не прокормит ни себя, ни свою семью: сил не хватит, – проинформировал Иван.

– Теперь и к похоронам гонят. Вот я гнал к похоронам, у меня жена умерла год назад, – повествовал Толян, не обратив внимания на познавательную сентенцию Ивана. – Там уже приспособлено всё у меня. Доильный аппарат видали? Вот в этот бачок заливаешь. Из него трубка выходит уже. Вот одеваешь шланг. А сюда – кастрюлю двух-трёхведерную. И всё, газ включил – красота, быстро и чисто. Она идёт, её видать, что она нормальна идёт. Как чуть-чуть замутнела – всё, градусуса нет. Спиртомером померяешь.

– А сейчас-то гоните? – интересовался Иван.

– По нужде. Из сахара. Вот если есть этот доильный аппарат, есть эта самая фляжка и есть бак-охладитель. Он двухстенный. Внутри стенки идёт у неё змеевик. Там уже налил – и не подходит. Только поглядывай, чтобы не перегрело, не погнало брагой. А так отрегулируешь – оно течёт, и течёт. Там обычно 10 литров заливаешь в неё, трёхлитровую банку берёшь с неё, ну ещё бутылку – больше нет. Семь-восемь бутылок, как получится. Потом меняй, заливай другую. По новой пошёл, конвейер идёт.

– А что, говорят, слова использовали особые для названий всего, что связано с самогонварением?

– Ну, как сказать особые, может, непривычные для городских. Вот брага, которая прокипела, – это барда. Как первые капли пошли – это первак или первяк. Его разбавляли, он крепкий, как спирт. Потом идёт – вторяк. А потом, совсем слабенький – у нас это называлось ивашка.

– Это в городе и в Интернете называется «головы», «тело» и «хвосты», – решил сверкнуть Иван зачатками самогонной эруди-

ции. – Винокуры интернетные так и желают друг другу удачи и здоровья – «Ни голов, ни хвостов!».

– Это почему ещё? – спросил Толян.

– Ну, как же, – настала очередь Окрошина донести новые знания до деревенских жителей. – Первяк, говорят, вредный, а в хвостах, ну, в ивашке, – сивуха, там очень мало спирта, она воняет...

– Да ладно тебе! – возразил удивленный Анатолий-тракторист. – Всю жизнь всё перегонял, перемешивал, ну, там травки кину, ягодок для запаха. И ничё. Никто не потравился. А чё с него будет? Там же натуральное всё.

– У нас самогоном лечились даже, – присоединилась к мужскому разговору Надежда Петровна. – Ежели у кого суставы больные – растирают. А если пить – калган-корень настаивают. На зверобое настаивают. Калган-корень – это от желудка... На душице настаивали. Апельсиновые, мандариновые кожурки в самогон пускали.

– Как только раньше ни измудрялись, – махнул рукой Кирилл Иванович. – Не то что сейчас – всё купить можно, недёшево, но можно. Был тут в городе в самогонном магазине – чего только нет: баки, трубы, шланги, дрожжи такие, дрожжи сякие. А вот было – я сам так делал – самая простая приспособа для самогона в мире.

– То есть?

– Так, сначала, мужики, по третьей. И – грибочки, грибочки не обижайте... Так вот: брали кастрюлю, а на неё таз или большую тарелку ставили. Чтобы пар не выходил – тестом замазывали. А в кастрюлю – чашку, на специальный таган, такая хреновина, ну, подставка на трёх ножках. А сверху, в эту тарелку, наливали воды, холодной. Всё это – на огонь. Бражка внутри кипит, сверху этой водой охлаждается и капает уже самогонкой в чашку, которая внутри. Нагрелась вода – меняй на холодную, зимой вместо воды снегу туда. Нападает вот там литр – вытаскивашь, выливаешь.

– А большая кастрюля была?

– Большая, на два ведра.

– И сколько получалось самогонки?

– Сколько зальёшь. Зальёшь четверть – литру выгонишь. Зальёшь две четверти – два литру выгонишь.

– А четверть – это какой объём?

– Да вот три литра. Это бутылки такие раньше были. Щас их нету. Щас трехлитровы банки.

– С этой самогонкой – и смех и грех, – присоединилась Надежда Петровна. – Когда запрещать стали, мы от милиции, да и вообще от посторонних глаз спрятали как-то три бутылки в огороде. Закопали. Время прошло, с год, наверно. Понадобилось к свадьбе, для родни. Ба, а мы и забыли, где зарыли! Огород-то у нас огромный. И вот мы с сестрой взяли вилы и почитай полдня землю тыкали, самогонку искали. А он – как сквозь землю провалился! Думали, уж не откопал ли кто? Насилу сыскали.

– Раньше народ беднее вроде жил, но как-то добрее, веселее, – сделал вывод разомлевший Стёпа, его потихоньку начало клонить в сон от тепла и самогона.

– Это да. Жили трудно, работали много, я вот в колхозе дояркой всю жизнь. Устанешь, помню, а молодые были, вечером – гармошка, балалайка, соберёмся дома у бабушки какой одинокой, это келья называлось, и там играм, поём, пляшем, женихов присматривам. А праздники какие были – Пасха, Троица, Рождество, все вместе. Уж если свадьба – то народу тьма, всей деревней, по три дня гуляли, но до свинства никто не напивался. Самогонку, конечно, пили, но часто – просто бражку. На Рождество ходили славить девчонки. Под Новый год – колядовали.

– Как?

– А вот как!

Надежда Петровна спела речитативом колядку, которую Стёпа потом назвал «русским народным рэпом». «Рэпом», поправил его Иван, вспомнив городских бабушек на лавочке у своего подъезда.

– «Коляду», ребята, так пели:

Коляда, дома ль мужики?

Коляда, нету дома мужиков.

Коляда, куда ушли мужики?

Коляда, ушли на базар.

Коляда, зачем на базар?

Коляда, топор купить.

Коляда, зачем топор?

Коляда, дрова рубить.

Коляда, зачем дрова?

Коляда, печку потопить.

Коляда, на что печку?

Коляда, пиво варить.

Коляда, на что пиво?

– Например, тебя как звать?

– Иван.

– *Коляда, Ивана женить!*

– А то так поздравься: «Ты, нас, тётяшка, знаешь, копеечку даришь? Открывай-ка сундучок, подари-ка нам пяточок». Так скажут, которые слова «Рожаства» не знают. На Рожаство Бабой Ягой наряжались у нас. Шубу развернут, шапку развернут. Палку длинную возьмут, из конопли бороду сделают. Ходили по домам, славили. Где им дадут деньгами, где самогонку нальют, где водку нальют, тогда уже водка была.

За такой неторопливой беседой баня поспела. Анатолий-тракторист попрощался, домой ушёл. Друзья попарились, похлыстались веничками – в городе-то в сауну особо не находишься, да и другое это совсем – деревенская баня. Вышибает из человека веничек и дурь, и высокомерие городское и хвори разные, корень которых по большей части в нервном напряжении, злобе, в погоне за «баблом» и работе локтями в отношении ближнего своего и дальнего. А тут – гольшом в снег, на чистый морозный воздух! После баньки – чайку с травами.

«Хорошо-то как! – думал Иван. – И неохота лезть на Мобильный холм, чтобы заработал смартфон, зайти в Интернет, связаться с кем-то».

Спал Окрошин самозабвенно и глубоко, ему снилось лето, он летел над зелёными полями, лесами и речками, и ему не хотелось приземляться. Он знал, что под ним – благословенная земля, в которой всё есть для счастья и полнокровной жизни. Но в то же время он почему-то понимал, что в деревнях и городах на этой красавице-земле людей не осталось, вместо них – роботы, компьютеры, массивы данных. Но это не пугало Ивана, он просто хотел вдоволь надыхаться и как можно дольше продлить свой полёт...

– Приезжайте к нам летом или ближе к осени, когда грибы пойдут! – напутствовал наутро друзей Кирилл Иваныч, когда «семёрка», гружённая мешками с рожью, была готова двинуться из Лесниковки в обратный путь. – Привет Егор Петровичу!

– Всего вам хорошего! – отвечал Окрошин. – Спасибо вам за всё!

«И особая благодарность – неведомому и таинственному Егору Петровичу», – добавил он, когда машина тронулась с места.

– Ну, вот, ты и припал к народным самогонным истокам, – пошутил Стёпа.

– Припал, – ответил Иван.

Вчерашней пурги как не бывало. Мороз и солнце. Деревья в снегу. Дорога, дорога...

Глава 7. Зомби-ящик

После декабрьского вояжа в Лесниковку Иван Окрошин много времени и сил потратил на превращение ржи в напиток. Пусть не богов, но вполне претендующий на то, чтобы залитому сладкой брагой прокурору понравилось. Тем более что он как-то столкнулся нос к носу с могущественным Петром Петровичем. Он посмотрел на Ивана, как на козявку, и спросил сверху вниз:

– Ну, как успехи?

– Недельки через две, – пробормотал Иван, который понял, что ему не отвертеться: совсем заминать инцидент прокурор не собирался. Но хорошо, что платить не пришлось – и на том спасибо. Большое спасибо. Так и надо: если тебя кто-то щемит, благодари, что не до смерти, ха-ха. И тут шла речь всего лишь об угощении, о выпивке.

Возни с зерном было немало. Иван сначала промыл рожь в воде, потом прорастил её, заполонив кухню. Таня вернулась от мамы, они помирились, но «ржаные» упражнения Ивана супружескому союзу не способствовали. Потом Иван стал перемалывать зёрна на электромясорубке. Она завывала и шумела на весь подъезд, давая пищу для разговоров Марье Кузьминичне и её лавочному синклиту. Китайская мясорубка, для твёрдого зерна не предназначенная, сломалась – пришлось идти на рынок за запчастью. Там же Иван приобрёл пластиковую емкость на 50 литров и спиртовые сухие дрожжи – обычные, говорят, воняют. Наконец брага, как выражались деревенские, была затеяна. Брожение, шипение и приятный запах ржаного хлеба внушали осторожный оптимизм. Две недели бродило. За это время Иван шерстил Интернет вдоль и поперёк, забывая в поисковик «как правильно перегнать брагу из ржи», «самогон из ржи рецепт», «хлебное вино ржаной полугар», «ржаной солод брага» и всё в таком зерновом духе.

Винокурил он уже «подкованным», достаточно хорошо изучив технологию. Конечно, одним перегонном здесь нельзя ограничиваться. «Итак, первый раз перегоняем всё «досуха», не разделяя на «головы», «хвосты» и прочие части. Получилось четыре литра мутноватой, но вполне прилично пахнувшей жидкости, так называемый спирт-сырец. Общая градусность – Иван к тому времени приобрёл ареометр-поплавок – 30. Профильтровал сквозь берёзовый уголь. Отлично. Теперь гоним на небольшой мощности электроплитки – пришлось прикупить и её – медленно, так, чтобы едва капало. Отбираем первачок, пять-десять процентов всего объёма. Его – в сторону, потом в хозяйстве пригодится, только не пить. Теперь самое главное – отбираем «тело», тоже не особо торопясь, но жару можно прибавить. Капает прозрачный, на запах – хлебушек. Так-так. Уже хорошо. Главное – найти гармонию между нагревом и охлаждением, от этого взаимовлияния сил и стихий рождается дистиллят, то бишь по-русски самогон. Согласно интернет-словарию самогонщика, «дистилляция – это частичное испарение кипящей жидкой смеси летучих веществ путём непрерывного отвода и конденсации образовавшихся паров в холодильнике. Основана на раздельном кипении смеси, то есть содержание спирта в парах выше, чем в исходной жидкости, что позволяет, сконденсировав их, укрепить полученный продукт». Хорошо. Смотрим, сколько градусов на выходе из аппарата. Уже ниже сорока. Всё, гоним хвосты в отдельную банку – быстро и на максимуме плитки. Теперь измеряем градусы в «теле» – 65. Ок: разводим чистенькой бутилированной водой до «сороковника». Получилось несколько бутылочек напитка. Их – в шкаф, пусть «отдохнут», как советуют бывалые винокуры. А бывалый винокур – это почти алхимик, почти волшебник. Не злой колдун, а добрый волшебник.

Через три дня, в субботу, на дегустацию были приглашены Стёпа и Паша. Иван волновался, чувствовал себя, как студент-первокурсник перед экзаменом. Его воображаемая самогонная «зачётка» была ещё девственно чиста. Комиссия, купив на закуску колбасы и томатного сока, расселась за столом, посматривая на Ивана с интересом, нетерпением и строгостью. Дабы задобрить членов научного сообщества, Иван решил повторить белорусский закусочный опыт: ржаной хлеб, мёд и солёный огурец. Была мысль ограничиться маринованными корнишонами, но в данном случае компромисс был недопустим – только солёный, только огурец.

Момент истины. Барабанная дробь. Аромат нежный, ржаной. Пробуем.

На лицах друзей – изумление, переходящее в восторг.

– Если вы мне скажете, что это плохо, я ваш кровный враг на всю жизнь, – сказал Иван, цитируя профессора Преображенского из «Собачьего сердца».

– Это восхитительно, – сказал Стёпа, применив, впрочем, куда более яркий и куда менее литературный синоним.

– Это полный ..., – оценил Паша, тоже выйдя далеко за рамки русского официального.

– А теперь – добью вас танцем, – сказал уже ощущающий триумф Иван. – Закусон а-ля Беларусь, ну, собственно, Паша в прошлый раз такое подсказал, он в «Дудутках» подсмотрел.

– Рабиндранат твою Тагор! – произнёс Паша.

– Твою дивизию! – поддержал его Стёпа.

– Господа, закрепим результат! – возгласил Иван.

– Едрит твою в качель! Давай зачётку!

В итоге результат был закреплён многократно. Друзья нюхали рюмочки, растирали самогон на ладонях и пели Ивану Винокуру осанну. Выпито в итоге было две бутылки, но никто не дурил, не тупил. Ещё двумя отказниками от магазинной водки стало больше.

– Есть такая английская народная песня – «Джон Ячменное Зерно», – сказал во время того застолья Паша. – Текст иносказательный, символизирует производство пива и виски. Так вот – отныне нарекаем тебя: «Иван Ржаное Зерно». Тем более, что Джон по-русски и есть Иван.

Окрошин теперь понимал, что снизойти до сурового соседа теперь можно. Точнее, не так: к соседу можно снизойти, чтобы он снизошёл до Ивана. Он был почти уверен, что ему солодовая ржаная придётся по вкусу, и это окончательно замнёт конфликтную ситуацию. Хотя, кто знает, что у этих капризных, облечённых властью богатеев на уме. Но чутьё подсказывало, что всё будет нормально. Но хрен с ним, с этим толстым Петром Петровичем. Самое главное, что Иван научился создавать своими руками нечто, что полезно и радостно окружающим людям, друзьям. А сосед снизу – это всего лишь стимул, жизненное обстоятельство, потому что ёж – птица гордая, пока не пнётся – не полетит.

А тут ещё произошло событие, которое очень впечатлило Ивана и одновременно укрепило его в правильности нового увлечения. Стояли суровые январские морозы. Звонок в дверь. Марья Кузьминична собственной персоной. Не к добру это. И точно.

– Иван, собираем деньги. На похороны. По сто рублей.

– Кто?

– Миша Куприянов. Допился. Послезавтра вынос.

«Зомби, значит. Пришла беда, откуда, в общем, ждали. Оказывается, у Миши и фамилия была изначально человеческая – Куприянов...»

– А как, что?

– Говорят, за гаражами нашли. Выпил чего-то, плохо стало, упал и замёрз. Двое суток пролежал. Мужики наткнулись.

Иван отдал Марье Кузьминичне деньги. «Ещё одна профуканная жизнь. А мог бы плитку класть, а теперь на него самого положат одну плиту, тяжёлую, из-под которой Миша уже не выкарабкается». Иван вспомнил, когда видел его в последний раз (теперь уже нет смысла жеманно выражаться «крайний», нет, теперь точно «в последний»). Да, именно тогда, когда прокурор проявил милость, а он подал Мише мелочь. Он снова будто увидел его просящий взгляд, услышал его хриплый голос: «Да ты не того, я отдам, чё...».

Прощание было перед подъездом. Миша лежал в гробу, на лице его застыло спокойствие. Теперь ему не надо мечтать об очередной дозе алкоголя. Наверное, он был так проспиртован, что и бальзамировать его особо, наверно, было не нужно. Мороз тоже способствовал сохранности тела. Человек двадцать собрались и тихонько судачили, подходя к вдове и произнося соболезнования, кто формальные, кто искренние. И она, и дочка-третьеклассница молчали, отплакавшие, придавленные горем, но внутренне готовые к такому исходу. Тут же были родители – Миша был единственным сыном – и родственники. Пар изо ртов как бы говорил, что они ещё принадлежат к этому свету.

Когда мужики из «Ритуальных услуг», закрыв гроб, внесли его в «ГАЗель», бывшая жена тихо, но явственно сказала: «Дурак ты, Миша. Ну, почему ты такой дурак?...».

– Желающие на кладбище могут садиться в автобус, – громко объявил один из ритуальщиков.

Желающих оказалось немного. Да и мороз.

Машина с гробом и близкими уехала.

«Ну, вот Миша и сыграл в свой ящик. В Зомби-ящик», – горько и цинично пошутил про себя Окрошин.

В квартире Куприяновых в два часа пополудни были поминки. Пришли бывшие друзья, соседи, родня. Хлопотала тут и Марья Кузьминична с лавочными подружками, зашёл даже внушительный Пётр Петрович. Как и заведено, на столе – лапша, горох, каша, компот, кутья, сто граммов. Миша с чёрной полосой смотрел с тумбочки сквозь свечу, рядом стоял стакан с водой и хлеб. Поминающие иногда перебрасывались фразами.

– Говорят, пьяного да малого Бог бережёт...

– Да вот, берёг-берёг, да не уберёг...

– А у меня в ванной он отделку мастерил... Теперь память будет.

– Кому ещё лапши?

– Давайте помянем, покойник любил это дело...

Иван колебался, выпить ли водки в память о Мише, но не стал, налив себе минеральной воды.

Овдовевшая Ира сидела не двигаясь, смотрела в одну точку и говорила с паузами:

– Вот чего я могла поделывать? Ну, напьётся он – приведут его дружки. Ну, привезёт его полиция – сдаст. Вырезвители-то отменили. Я уж и уговаривала, и грозила – у тебя же дочь, и что только ни делала! Лечить его насильно нельзя – только с его согласия, а он больным себя не считал. Я уж и к врачам ходила советоваться. Тут по объявлению прочитала: «Прерывание запоев. Гарантия». Сказали, тяжёлый случай, ничего сделать не можем. А я тут «Битву колдунов» стала смотреть. Думала, они помогут. Взяла кредит, поехала в Москву. Записалась к победителю прошлого сезона, Турсунбеку Шакирову, который угадывал, в каком багажнике человека спрятали. Отсидела в очереди пять часов. Наконец, прошла, показываю фотографию Миши, а он говорит: этого человека уже нет в живых. Я говорю: да живой он, пьёт только, что делать? Поводил руками, побормотал. Сказал, что всё будет хорошо. Меня выпроводили его помощники. За это с меня взяли 50 тысяч. А Миша и так всё из дому вынес, и теперь кредит на мне...

Ивану после этого рассказа захотелось засадить именно водки, но он сдержался. Телевизор у Куприяновых сегодня был закрыт простынёй. Так принято на поминках. Удивительно, как он уцелел, как Миша его не пропил.

«Вот что надо было пустить на ветер в первую очередь – телевизор, и на этом остановиться. А Миша Зомби его не тронул».

Иван подошёл к соседу-прокурору:

– Пётр Петрович, я готов представить свой продукт. Предлагаю им и помянуть Михаила.

– Ну, что ж, повод печальный, но что делать. Через полчаса подходи ко мне.

Ржаной самогон Петру Петровичу действительно пришёлся по душе. Имущественные претензии к Ивану были сняты окончательно.

Кто знает, употребляй Миша такое, а не «перчик», «боярышник» и прочий суррогат, может, он и не превратился бы в Зомби. И был бы жив.

Глава 8. Поруганная Красотка

В декабре 2016 года СМИ сообщили о трагедии в Иркутске. Фанфуриками «Боярышник», в которых оказался метиловый спирт, отравились 123 человека. Скончались 78. Кто-то сразу, кто-то – в муках в больнице. В России продолжали «поднимать бабло» на алкоголе и алкоголиках, которые высыхали, тупели и загибались, мучая себя и других.

«А ведь владельцы фанфурикового бизнеса, как наркобароны, наверняка катаются на яхтах в Средиземноморье, купаются в деньгах, заработанных на разбитых жизнях, – думал Иван Окрошин. – А потом говорят: они сами виноваты, это для наружного применения, надо было этикетки читать, их никто не заставлял, они просто быдло, биомусор...». На компе – очередной ролик, типа смешной, пародирующий известный парфюмерный бренд: два разнополых бомжа, грязных, в телогрейках, радостно бегают по городу и оказываются на замусоренной крыше. Надпись: «BOYARISHNIK. Pour lui. pour elle». И голос: «Боярышник. Для него и для неё».

Ну, с фанфуриками всё понятно, это для конченных алкашей. Но Иван заметил, что многие его знакомые стали отказываться не только от магазинного спиртного, но и вообще от покупных продуктов. Не полностью, конечно, это невозможно. Наступила эпоха неудачного импортозамещения, вкусные и качественные продукты из «плохих» стран в Отечество не пускали, тракторами давили хамоны и пармезаны, но торговые сети доморощенной вкуснотой на-

полняться не спешили – у Ивана как охранника супермаркета была возможность в этом убедиться. Молоко потребители старались покупать у проверенных людей, договаривались с короводержателями. Брали натуральное мясо, сами коптили и вялили. Многие пытались попробовать себя в сыроделии. Понакупали электрических хлебопечек – свой хлеб куда вкуснее. Стали снова, как в советские времена, печь торты – да, выходит дороже, но в покупных – трансгенные жиры, та же «пальма», улучшители, красители, стабилизаторы. Потому что своё, настоящее, потому что в магазине неясно, «что они туда плеснули».

Интерес к дачам, садам и огородам вновь вернулся – нет худа без добра. На участках некоторые завели кур – яйца в магазине не те, вкус не тот. Кто-то ударился в пчеловодство. Народ снова стал лечиться травами. Курильщики вновь взялись за самосад – аналог самогона в мире табачных изделий. И это объяснимо: цены на сигареты растут, а табак там непонятный, химический, вредный. А зачем отдавать кровные финансовым табачным воротилам, которые тоже, как и фанфуририковые магнаты, наживаются на смерти? Вот и Иван, который никогда не чувствовал в себе тяги к садовым товариществам, поехал по весне на свой заброшенный участок в двадцати километрах от города и посадил две яблони, четыре груши, пять саженцев сливы и даже абрикос. Всякое растение он теперь рассматривал с точки зрения пользы для самогонных напитков. Оказалось, что почти любое можно так или иначе задействовать. Яблоки – на кальвадос (сначала на сидр), груши – на грушовку (но сперва на пуре, слово-то какое воздушное, ароматное!), сливы – на сливовицу, вишни – на шнапс и настойку, хрен – на хреновуху. Мята, Melissa, одуванчик. Даже древесину старых яблонь и груш Иван использовал как основу для того, чтобы из неё сделать брусочки, которые надо вымочить и прокалить в духовке. Как для чего? Чтобы на этом настаивать фруктовые самогоны – будет эффект дубового бочонка. Погодите, Иван ещё до самих бочонков доберётся, будет выдерживать в них подобие виски, коньяка и бренди. Ох уж он развернётся на радость общественности...

– Так и недолго завзятым садоводом заделаться, – говорил Иван, потчужа друзей своим продуктом в дачном домике под шелест фруктовых деревьев.

– Ваше можно. А почему нет? Воздух чистый, птички поют, свёкла колосится, – поддержал его Стёпа.

– Плотность идиотов на гектар в десятки раз меньше, чем в городе, – вторил Паша.

– По осени виноград соберу, яблук – и что-нибудь эдакое забубеню, – мечтательно говорил Иван.

– А вы коньяк сыграть могли бы на флейте самогонных труб? – произнес по-маяковски Стёпа.

– Красава! Поэт! Ты даже не представляешь, как близок к истине. Потому что колонну для ректификации и для дистилляции, с тарелочками и колпачками, винокуры часто называют «флейтами». Эти самые «флейты» дают высокую очистку спирта, эффект многократной перегонки. Планирую с зарплаты такую заказать, – не преминул прихвастнуть Иван.

– Вот и сыграй для нас коньячок, пьесу в нескольких актах, в мажоре, в пяти звёздах, – сказал Стёпа.

– Исполню, исполню. Созреет виноград – исполню.

– А если провести аналогию с прозой, предлагаю такую жанровую градацию: пол-литра – рассказ, литр – повесть, полторашка – роман. Как старая алкогольная система измерения, по мере убывания: ведро, четверть, полчетверти, штоф, полуштоф, косушка, чарка, ну, может, ещё мерзавчик, – внёс рацпредложение Паша. – И со стороны как бы «палева» не будет.

– Предлагаю ещё раз приобщиться к лирическим миниатюрам – на сухофруктах, – сказал Окрошин.

Друзья приобщались, кивали, довольные и умиротворенные. Им окрошинское увлечение определённо нравилось.

– А слабо сделать настойку из боярышника? – поинтересовался Стёпа. – Не эту, аптечную, ядовитую, а настоящую, из ягод.

– Запросто. Продается же сушёный боярышник. Обычный сахарный самогон плюс ягоды. Две недели в тёмном месте – и готово, – отозвался Иван.

– Ух ты, это получится полезная «Бояра», элитный напиток, не для бомжей, а премиум-сегмент! Это ж мощная бизнес-идея! И разливать в такие же флаконы-фанфурики!

– И слоган: «Боярин Иван Окрошин!» Или «Настойка «Боярыня»: полезная и желанная».

– Не прокатит после Иркутска...

– Да ладно, как бухали, так и бухают.

– Нет, на самом деле, элитный традиционный русский напиток «Бояра». Вкусный и полезный. В аптечных фанфуриках – яд, метил, слепота, отказ почек и печени, а у тебя – радость и спасительная миссия. Алкоголь полезен для здоровья, если его правильно применять.

– Кто у нас о здоровье заботится? У нас всегда бабло побеждает добро. Этиловый ректификат – это наркотик. Гидролизный или который из этилена – это вообще синтетический наркотик. Поэтому наши алкаши – это наркоманы.

– Да, – вздохнул Стёпа. – Я вам щас расскажу. У меня тётка в Калиновке живет, ну, на трассе которая. Там стоит этот самый завод, который делает все эти фанфурики – «перчики», «лосьоны огуречные», «календула» и, само собой, «боярышники». Владелец этого прекрасного предприятия – некая саратовская ооошка «Асклепий». Они любят эту хрень называть загадочно, по-древнему, с намеком на медицину и лекарства. Так вот, там случился прорыв, и вся эта вонючая барда, формальдегид, или что там, лавиной хлынуло – и прямо в местный пруд. А этот пруд называется Красотка. Вонища – на всю Калиновку, в Красотке вся рыба всплыла кверху брюхом. Чайки нажрались до отвала, Волга же не особо далеко. Ну, местные давай бить во все колокола, туда МЧСники приехали, чиновники, журналисты.

– И чего?

– И ничего. Две недели стояла вонь. Потом всё наладили. Теперь всё прекрасно работает, продукция продолжает поступать на аптечные прилавки и киоски на радость взыскательных потребителей. Говорят, завод в Калиновке – это треть фанфуриков всей страны, тут простой недопустим. Оказывается, стоки от завода давно потихоньку сливали в эту Красотку, народ жаловался, письма во все инстанции писал вплоть до Генпрокуратуры. Результат – ноль, у нас же «правильный» бизнес не кошмарят. Вот они там и живут, дышат этим, гадость эта в землю попадает, в огороды, они болеют там. Так что страдает не только алкашня от этого «Асклепия», и нормальные люди – тоже. Попытались местные даже пикет устроить у обладминистрации – их вежливо препроводили оттуда.

– А сколько этого добра по гаражам и ангарам разливают! Тоннами! Иногда их накрывают, и всегда оказывается, что всё это хозяйство кто-то «крышует». Вот вам очередной информационный свежак.

Стёпа потыкал в свой смартфон и зачитал:

– «В Ульяновской области обнаружена складская база с контрафактным алкоголем на 3 миллиона рублей. Нарушение вскрылось в результате оперативно-розыскных мероприятий, проведенных сотрудниками УФСБ России и УМВД России. На территории Тереньгульского района, на въезде в районный центр, силовиками была обнаружена складская база, на которой хранилась готовая к сбыту алкогольная продукция, а также спиртосодержащая жидкость. В момент появления сотрудников управлений МВД и ФСБ на складской базе находилось восемь человек, которые были задержаны правоохранителями. Изъято более шести тысяч бутылок водки различного наименования, 991 бутылка коньяка и более 43 тысяч литров спиртосодержащей жидкости. На большей части выявленной водки были наклеены этикетки «Царская охота». По имеющейся информации, задержанный фальсификат был доставлен этнической группой выходцев из Северной Осетии». Или: «Директор «ЕвроХимГрупп» предстанет перед судом. Обвиняемый приобрел более 4800 бутылок незамерзающей жидкости, которая не отвечает требованиям безопасности для жизни и здоровья (содержит метанол вместо более дорогостоящих компонентов), а затем сбывал её потребителям».

– Ну, самогон – тоже не идеальный путь, не панацея, – заметил Паша. – Им тоже можно ужраться будь здоров и все внутренности посадить, и алкашом от него тоже стать можно. Так что всё хорошо в меру. А тут ещё в «Комсомолке» прочитал: у мужика аппарат взорвался, ожог всего тела, в больнице скончался.

– Так-то холодильник убить может, и телефон мобильный, это трагическая случайность и разгильдяйство, – сказал Иван.

– Ладно, не будем о грустном. Пусть сами, кто хочет, пьют свой магазинный и левый шмурдяк, – заметил Стёпа. – Посмотри-ка, друг Павел, может, шашлычки уже готовы...

Тёплый май, цветение яблонь, юная зелень вокруг, птички щебечут всякие. Дымок, запах жареного мяса. Чай с травками, с первыми смородиновыми листочками. А ещё три недели назад сыпал последний снег. Как же нравится это время, когда от зимы до лета так близко, так подать рукой...

– Всё-таки, самое лучшее, что есть в России, – это природа. Ну, та, которую ещё не до конца испоганили, – изрёк Окрошин с пла-

стиковой рюмочкой в одной руке и с шампуром в другой, – убили у людей самостоятельность, самогонность.

– Контрреволюционные вещи говорите, Филипп Филиппыч, – зацитировал Стёпа.

– А как же величие, как же загадочная русская душа, как же космос и балет, как же «Я скажу: не надо рая, дайте родину мою...»?

– Ну, душа, допустим, загадочная. От слова «загадить».

– У меня есть знакомый, ему под сороковник, а выглядит так молодо, что у него продавщицы паспорт требуют, когда он вино покупает, – поведал Паша. – Комплексует жутко. Идёт в магазин только небритым, тогда нормально.

– Пусть ко мне обращается, я его даже бритым спасу, – отозвался Окрошин. – Вот почему как-то Антоныч, ну, мужик из Интернета, сказал: самогонный аппарат должен быть у каждой хозяйки на кухне, как мясорубка или мультиварка. Правильно сказано, только не у хозяйки, а у хозяина, ибо, как показывает практика, у самогона не женское лицо.

– Кстати, вы слышали, что у нас в области снова вернули продажу крепкого алкоголя после восьми вечера и на выходных. Депутаты сказали, что эксперимент не удался, народ меньше бухать не стал, а отравлений суррогатами стало больше.

– А чего ты хотел? Они посмотрели – деньги мимо бюджета идут – и вернули всё взад. Никто ни о ком не заботится, всё это профанация. Мы живём в стране победившего капитализму.

– Мне кажется, почему мы так живём – хрен без соли жуём? Потому что договариваться друг с другом не можем, зависть – наша национальная черта. Поэтому там сверху купаются в роскоши и ржут над нами. А на все попытки что-то сделать – грозят пальчиками из телевизора: хотите, как в девяностые? Хотите, как на Украине? Лишь бы не было войны!

– Я тоже не хочу, как на Украине.

– Я тоже не хочу! А если ничего не хотеть, сидеть на даче, пописывать анонимно комментики в бложиках, одноклассниках, в контактиках и фейсбучиках – ничего и не будет.

– Не расшатывай лодку, не нарушай стабильность, не тревожь скрепы, дисциплину не хулигань, – подтрунивал Стёпа.

– Вот именно! – подвыпитость Ивана явно подогривала его бунтарство.

– А слабо что-то самому сделать, чтобы было лучше? – горячился уже Стёпа. – Ну, вот хотя бы с фанфуриками этими самими.

– Ничего ты не сделаешь. От твоего любимого слова «ваще». Слишком большие люди, слишком серьёзные бабки, – охлаждал пыл друзей Паша.

– Серьёзные бабки – это у меня у подъезда, – сказал Иван. – Под лежачий камень...

– Главное, чтобы было две воли: сверху и снизу.

– Ну, давайте признаемся, ну, честно... Это здесь, на даче, мы смелые, а если что до дела доходит – так сидим да помалкиваем. И наши языки сами знаете, куда засунуты.

Паша посмотрел на друзей с хитрецей, затянулся сигаретой и начал издалека. Многие провокаторы начинают издалека.

– Давно это было, когда я служил. Много там происходило чего прекрасного в плане дебилизма, патриотического воспитания и формирования личности. Поймал меня как-то замполит за курением. Всё бы ничего, но кинул я сигарету мимо урны. Так он весь рядовой состав бычок заставил хоронить. С полной выкладкой, с автоматами, в противобазах пробежали два километра, а потом нам пришлось выкопать яму три на два метра. Там этот бычок и «захоронили». Не сказать, чтобы после этого мероприятия мои сослуживцы стали относиться ко мне с теплотой... Зато дисциплина повысилась, многие потом совсем курить бросили...

– Сейчас бы это назвали концептуальным перфомансом или флешмобом, – сказал Стёпа.

– А главное – проблема решена, – резюмировал Паша.

– Ну, конечно, если сейчас заставить каждого разгильдяя, взяточника, коррупционера, и далее по списку хоронить бычок...

– А мы в студенчестве тоже такой фигнёй занимались, – вспомнил Окрошин. – Сделали как-то муляж сигареты из картона, соорудили гроб и таскали его по городу и скандировали: «Брось сигарету, возьми конфету!». И меняли у прохожих сигареты на конфеты. Потом, конечно, что настреляли – выкурили, не выбрасывать же. Но людям понравилось, про нас в газетах написали. Щас надо в администрацию письмо направлять, одобрения ждать, да никто такое не разрешит: больно как-то всё подозрительно. А потом, когда в похоронной конторе подрабатывал, смотрел на пустующие гробы и думал: эх, какой реквизит пропадает...

– Так, может, тряхнём стариной? – сказал Паша и пустил кольцо дыма.

– Ты хочешь здесь бычок закопать? – удивился Стёпа.

– Не здесь... И не бычок... Давайте в центре города устроим похороны «боярышника».

– Точно! Подтянем людей в соцсетях, из Калиновки жители подъедут, – Ивана явно понесло. – Сделаем большой фанфурик, положим его в гроб и... И в гробу мы его видали! Или сожжём, как чучело Масленицы. Подтянутся блогеры, может, газетчики. Но это реальный риск, потому что можно за это и загреметь. Это уже адреналин. Общий смысл: «бояра» убивает, общественность против. А если они этот перформанс разгонят, то получится, что они за фанфурики и травлю соотечественников, а все их речи за здоровый образ жизни – полное фуфло.

– Мужики, но надо понимать, что сегодня гей-парад легче устроить, тут хоть Европа вступится. А за тех, кто против «боярышника» – никто не вступится, – рассуждал попыхивающий сигареткой Паша. – Вообще похоронная тема может быть обширной. Можно похоронить колбасу – потому что в ней нет мяса, потому что она почти вся останкинская, как шутил Задорнов. Можно похоронить сыр, пельмень...

– Сыр уже хоронят тракторами в братской могиле, – пошутил Иван.

– Да, а можно пиво, – продолжал Паша, – сливочное масло, шоколадки...

– От шоколадок никто ещё не помирал, а от «бояры» – сплошь и рядом.

– Они должны ответить за поруганную Красотку! – пафосно сказал Стёпа.

– Они никому ничего не должны, – вклинился Паша.

– За красоток! – провозгласил Иван, и друзья с удовольствием поддержали тост.

А потом взяли за гитару, а через гитару – за Гребенщикова: «Ну-ка, мечи стаканы на стол, ну-ка, мечи стаканы на стол, ну-ка, мечи стаканы на стол и прочую посуду, все говорят, что пить нельзя, все говорят, что пить нельзя, все говорят, что пить нельзя, а я говорю, что буду!».

Особенно Ивану нравились строчки: «Если сломается аппарат, стану пиратом и буду рад, без колебаний пропью линкор, но флот не опозорю!».

Глава 9. Не отбоярился

Две недели, как выражаются чиновники, велась активная организационная работа. Акция «Боярские похороны» вызвала интерес у Интернет-пользователей разных возрастов. Желание поучаствовать было вызвано разными причинами. У кого-то родственник спивался через дешёвые фанфурики, кого-то возмутила непотопляемость псевдофармацевтического бизнеса, одобрили затею и защитники экологии – ситуация в Калиновке была у всех на слуху. Были те, кто просто любопытничал. Не обошлось и без провинциального «Вам что, больше всех надо?», «И сколько вам заплатили? Чьи интересы лоббируете?», «Да узбагойтесь, плетью обуха не перешибёшь».

Акция прошла даже резонанснее, чем предполагали трое друзей-«заговорщиков». На центральной площади города собралась небольшая толпа. На две табуреточки был водружён миниатюрный красный гробик из толстого картона, а в нём – увеличенная копия фанфурика «Настойка боярышника», тоже картонная. В толпе были и молодые, и мужики, и дамы в возрасте.

Участники акции держали разные плакатики. Как то: «Бояра – не лекарство, а вход в загробное царство», «700 тысяч человек в год умирают в России от алкоголизма», «Асклепий» не лечит, а калечит», «Выпил «перчик» – уснул навечно», «Руки прочь от Красотки!», «В гробу мы видали фанфурик!». Тут же был маленький хор из нескольких студентов, которые периодически пели похоронную песню: «Ты в любой аптеке есть, преисполнен яда, но тебя настигла месть, ты – исчадь ада. И к тебе приходит смерть, заслужил награду, скольких ты убил – не счесть, ты – исчадь ада». Присутствовала прелестница в короткой юбке, Паша-охальник договорился, в её руках было воззвание «Любовь лучше фанфурика!».

Прохожие с интересом смотрели на это действие, улыбались, одобрительно кивали. Кто-то к гробу стал подносить цветы. Нашлись пустые склянки из-под «перчиков», в них засунули свечи, зажгли, поставили к «покойнику».

«Вот бы это увидел Миша Зомби, – подумал Иван. – Будем считать, что шуточные похороны – в его память».

Как водится, публика фоткала всю эту движуху, постила и расшаривала по соцсетям. Стёпа вёл онлайн-трансляцию в Ютуб.

Через десять минут появилась съёмочная группа телеканала «ТВ8». Симпатичная журналисточка поднесла Ивану микрофон.

– Скажите, какова цель данной акции?

«Прославляться – так по полной», – решил Иван и сказал:

– Вы знаете, мы сегодня хотим сказать «Прощай!» фанфурику, «перчикам» и «боярышникам». Они очень дешёвы и доступны, их пьют больные люди, тем самым добивают себя. Полгода назад так погиб мой знакомый. Так ушли из жизни люди в Иркутске. Жертв много по всей стране. Особый цинизм в том, что боярышник продается как лекарство, как фармацевтическое изделие. За 15 рублей флакончик, а там 70 градусов. Слышал, что в некоторых городах, и даже в нашем, появились автоматы по продаже фанфуриков. Это отвратительно. Давайте вместе похороним эту гадость.

– Это политическая акция? Это вызов режиму?

– Нет. Просто обращение к здравому смыслу. Это не надо производить, и это не надо пить.

– Так вы против власти, которая закрывает глаза на производителей отравы, или против народа, который это пьёт? – не унималась телевизионщица.

Иван растерялся от такого вопроса.

– Вот что я вам, девушка, скажу. Каждый в ответе за то, что тащит в рот. Пить надо хорошее, пить надо качественное. Я, например, предпочитаю свой самогон, я в нём уверен. А что вы предпочитаете?

– Мартини, – ответила журналистка, неожиданно оказавшись в роли интервьюируемой.

– Могу вас угостить после акции, – полупошутил Иван, смотря на её очаровательное личико и оценивая её в целом.

– Почему бы нет, – ответила та, опустив микрофон.

Начали приходить первые сообщения с информационных лент. Например, такие:

«В городе N проходит акция с призывами запретить продажу спиртосодержащих жидкостей. Она собрала около тридцати человек. Речь идёт о так называемых фанфуриках. Участники акции выставили импровизированный гроб, в котором находится большая

бутылка «Боярышника». Инициатор данного флешмоба, охранник одного из местных супермаркетов Иван Окрошин, обратился к общественности с призывом бойкотировать покупки фанфуриков. Также он выступает за закрытие производства спиртосодержащих препаратов, в частности, в селе Калиновка, и разработку соответствующей законодательной инициативы. Не исключено, что данному примеру последуют и другие города России, в которых пройдут аналогичные акции. Правоохранительные органы пока заняли выжидательную позицию, но очевидно, что для властей происходящее стало полной неожиданностью».

К флешмобствующим присоединился местный бомж. Как положено, грязный и вонючий. Долго смотрел на всё опухшими глазами. К нему тоже подошла журналисточка. Было непонятно, как она умудрялась не зажимать нос.

– Здравствуйте, как вы относитесь к этой акции?

Асоциальный элемент покачивался, вращал глазами. Потом из его недр пробулькал голос:

– Э-э...

Она обернулась на камеру и сказала:

– Вот на таких потребителей ориентируются производители фанфуриков. Именно в таких существ может превратиться человек, употребляющий «перчики». Что это: попустительство на высоком уровне, поддержка полукриминального бизнеса или диверсия общегосударственного масштаба?

«Молодец девка!» – отметил про себя Окрошин и снова залюбовался ею.

– Э-э, дай на «перчик», – урчал бомж.

Никто не знал, что это был ряженный актер местного драмтеатра, с которым друзья тоже договорились. Сыграно было талантливо, блистательно, натурально: парик, грязь, вплоть до отвратного запаха. «Бомж» подошёл ко гробу, присел на колени, уткнулся в него лбом. Со стороны выглядело, будто человек скорбит по близкому существу. Потом взял один из фанфуриков, посмотрел на свет, не осталось ли там чего, сделал вид, что «допил».

«Вот это мы забабахали драматургию!» – думал Окрошин.

Естественно, к участникам подошли полицейские. Сначала они всех зафиксировали на видео, затем один из них заговорил в мегафон:

– Граждане, убедительная просьба прекратить противоправные действия и разойтись. Вы нарушаете закон о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях. Ваша акция не была согласована с администрацией города. В случае неподчинения могут быть применены меры в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях!

Участники антибоярышникового спектакля притихли, но расходиться не спешили. Они смотрели на Окрошина. Конечно, правоохранители вычислили организатора. Надо было заканчивать флеш-моб, чтобы не подвести под монастырь остальных. Иван решил сделать красивый финал.

– Помнишь, Стёпа, как мы шли с конём по полю вдвоём, что стало основой для создания счастливой ячейки общества?

– Ваще помню, – отозвался Стёпа.

Иван вскочил на спину товарища, и всадник встал у гроба с «боярышником». Так его было лучше всем видно.

– Братья и сестры! Силой, данной мне небесами и Конституцией РФ, я заявляю, что мы собрались сегодня, чтобы сказать «нет» тем, кто травит людей спиртосодержащими жидкостями. И мы это «нет» сказали. Пусть это выглядело как хохма, но пусть на проблему обратят внимание. А теперь давайте завершим нашу акцию, и пусть каждый из нас в своей жизни закопает свой фанфурик. Пусть люди будут здоровыми, а леса, поля, реки и пруды – чистыми. Всем спасибо!

Раздались аплодисменты, люди стали расходиться. «Покойника» извлекли из гроба, взяли табуретки. По сценарию предполагалось пройти процессией по городу, а потом торжественно закопать мега-фанфурик, снимая это всё на видео, чтобы потом загрузить в Сеть. Но тут уж как получилось, тоже, по мнению Окрошина, неплохо.

Тем временем товарищи в погонах взяли Ивана под руки, посадили в машину и увезли в отделение. Там ему предъявили «мелкое хулиганство» и задержали на 48 часов. Дело запахло административным арестом на 15 суток, так как Окрошин фигурировал в протоколе как организатор несанкционированного митинга. Иван не стал отпираться, обвинения признал и был горд тем, что реально, не на словах, внёс вклад в борьбу с алкогольными суррогатами. Помимо

своего самогона, конечно. Жаль, конечно, сообщат на работу, а тамошнее начальство его, скорее всего, уволит. Таня опять расстроится, переживать будет. Может, опять на время уйдёт к маме. От этого на душе щемило. Но в жизни надо сделать что-то нужное и мужественное.

Телефон у Окрошина отнимать не стали. Он свободно позвонил супруге и огорчил её. Она выслушала его бессловесно, заплакала и сказала только одно слово – «балбес». Иван попытался утешить её, сказал, что это ненадолго, что всё разрешится в ближайшее время. Но сколько в таких случаях может длиться «ненадолго» и «ближайшее время», он не знал. А ещё он понял, что жена, которая терпит его самогонные и околосамогонные выходки, действительно его любит. И вспомнил сказку о мужике, который на базаре коня поменял на корову, корову – на свинью, свинью – на козу, козу – на гуся, гуся – на курицу, курицу – на кошелёчек. А жена не поругала его, из дома не выгнала, а лишь сказала: «Слава Богу, живой домой вернулся».

Указали Ивану на кушетку, дали постельное бельё. Не особо чистое, но бельё. Вечером накормили: пресные, с нехорошим запахом, макароны, чёрный хлеб и компот. Было по-казённому атмосферно. В Интернете информация об акции хорошо разлетелась. По всей стране люди поддержали. А ещё общественность кипела возмущением после задержания Окрошина. Общий смысл: «Человек выступил против алкогольной отравы, а вы его в кутузку, нехристи». «Я бы на месте «голубых мундиров» отобрал у меня телефон», – подумал Иван, всё более убеждаясь, что люди не бросят его здесь, пострадавшего за народ узника совести. Ему нравилось геройствовать перед самим собой. «Лежу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе орёл молодой... Не лежу, а сижу! Как говорил Львёнок Черепaxe... Или наоборот?».

Интересно, что в помещении без окон Иван был один, хотя ещё две вакантных кушетки ждали своих постояльцев. Как раз для Паши и Стёпы места. Сейчас здесь было бы втроём веселее. А мог бы сегодня мартини пить в компании прелестной СМИшницы...», – подумалось Ивану.

Окрошин забылся глубоким сном. День сегодня был насыщенным, а вот видения в камере выдались...

Ночь первая

Иван шёл по знакомым безлюдным улицам в тревоге. Может, на город N что-то сбросили, распылили, а он один остался, никчёмный и обречённый? Ну, точно, по улицам текла бурая вонючая жижа. Кто-то отравил всё вокруг. Иван тоже долго не протянет, он тоже заражён, он начинает тяжело дышать, голова кружится, на руках вздуваются вены. Перспективы улиц искажаются, они растягиваются на сотни километров, искривляются, а воздух будто ватный и скрипучий.

Скорее всего, здесь всегда так было, просто до этого Ивану везло с углом зрения разума, с измерением. Он страдал от маленькой зарплаты, ворчал на власть, не любил многих людей, которых знал и не знал. Но то был не худший из миров. Не самый жуткий вариант реальности. И вот – на тебе, вляпался. Как себя чувствует муха, поедаемая пауком? Что думает антилопа, когда её заживо рвут гиены? Как воспринимают мир люди, которых сжигают другие?

Навстречу стали попадаться существа, которые раньше, Иван догадался, были жителями этого города. Очень высокие, метра три, с длинными руками и ногами, закутанные в какие-то тряпки. Лица тоже вытянутые, злобные, уродливые. Они ничего не говорили, только стрекотали, как кузнечики, и внешне напоминали богомолов. Иногда они передвигались на четырёх конечностях, иногда на двух задних. Их лица, одеяния, руки и ноги были покрыты каким-то фиолетовым порошком, как пылью. При каждом шаге они выпускали в окружающий мир облачка этого порошка, словно выбывали старый ковёр.

А вот ещё один вид монстров: маленькие, коренастые, плотные, почти круглые, постоянно кряхтят, сантиметров тридцать-сорок в холке. Они сидели на лавочках, бродили по тротуару. Потом играли: сбивались в кучи, суетились, ворчали, переругивались на своем клекотливом языке, потом начинали поедать того, кто оказался в самом центре. Пожираемый визжал, из него брызгала густая мерзость. Это продолжалось минут пять. Потом остальные водили хоровод вокруг обглоданных останков – сначала по часовой стрелке, потом против. Они словно пели окровавленными ртами: «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай». Потом всё повторялось, и съедали следующего, попавшего в глубину кучи. Играющих злобных колобков, в которых

тоже угадывались бывшие люди, становилось всё больше и больше, клубки из них образовывались то тут, то там. Гиганты на них вообще не смотрели. А Иван был для всех чем-то вроде дерева или столба. Пока что.

Окрошин вышел к набережной, хотя на это ему понадобилось три дня, потому что тот, кто убил его привычный мир, изуродовал и время, и пространство. По бурой, с фиолетовыми оттенками, Волге безвольно плавали отравленные рыбы. Эта картина напоминала... точно, пруд Красотка в Калиновке, фото из Интернета. На Волге больше не было течения. Ковер из дохлых рыб, до горизонта. Присмотрелся, спустился к воде. У всех рыб было раздуто брюхо. Оттуда стали вылезать склизкие черви. Пространство над водой зашипело.

«Если они доедят рыбу, куда они потом ринутся?!» – подумал Иван и поспешил отойти от бывшей реки. Его вырвало. Во рвотной массе он заметил личинок, маленьких паразитов, похожих на их крупных собратьев, которые пожрали волжскую рыбу.

«Мне надо вылечиться, мне надо выкрутиться», – судорожно думал Иван в отчаянии. Чем?!

И тут он нащупывает в кармане бутылочку своего самогона. Знакомый, ржаной, вкусный.

– Ага!

Он пьёт и чувствует, что ему легче. Паразиты внутри него уничтожены. Маленькая победа среди безумия и кошмара.

Иван понимает, что именно эти черви превращают людей в злобных кобков и долговязых богомоллов. Он хочет спасти оставшихся, и все силы бросает на то, чтобы добраться домой, до своего аппарата.

Окрошин идёт к площади Ленина, где когда-то, в иной реальности, он с друзьями в шутку хоронил «боярышник». Перед зданием администрации лежал огромный червь, видимо, самый главный, размером с одноэтажный дом. К нему периодически подходил очередной богомол, и тот его заглатывал одним из своих бездонных слюнявых ртов.

Иван вдруг осознаёт, что царь-червь знает о нём и хочет его сожрать. В двух богомоллах Окрошин узнал своих друзей – Стёпу и Пашу. Но от их человеческих прототипов ничего не осталось: они были долговязы, молчаливы и лишь издавали стрекочущие звуки. Они подхватили его под руки и понесли к червю.

– Вы чё, охренели?! – кричал Иван.

Вокруг собрались любопытные богомолы и колобки, – те даже приостановили свои кровавые хороводы. Только сейчас Окрошин вызвал у них интерес.

Иван чувствовал, что червь не может его съесть, потому что он выпил самогона, который этой мерзкой твари противен. Червь задрожал, захлюпал, загудел, поглотил бывших Стёпу и Пашу, те были безропотны. Потом щупальца, напоминающие осьминожки, обвились вокруг Ивана и стали его сдавливать. «Душит, меня, словно я малый бизнес», – мелькнула в голове дурацкая мысль. Одна из щупалец залезла ему в рот, а там разделилась: в пищевод и в мозг. Тело было парализовано, боль нестерпимая. Мысли Окрошина и червя встретились в голове Ивана.

«Теперь ты наш. Не трепыхайся».

«Да чтоб ты мной подавился!».

«Уж кто подавится, так это ты. Кем ты хочешь стать: долговязым тростником или карликом? Или живительным соком для меня? Думаешь, выпил противоядие – и в домике?!».

«Урод!».

«А ведь когда-то жил такой – Ваня Окрошин. Какая нелепая фамилия – Окрошин...».

– Окрошин, подъём!

Его разбудили. В камере – духота. Иван ощупал себя и продрал глаза. Следующий, бесконечно долгий день он провёл в заключении. Его выводили в туалет, снова кормили сваявшимися макаронами с компотом. Зарядка смартфона села, зарядить не разрешили. Но было и преимущество: можно много думать, никто не дёргал и не отвлекал. Это редко случалось за последние несколько лет. Жить без электронных девайсов – это новый, удивительный опыт. Говорят, так люди жили всегда. Палку в руку человек взял миллионы лет назад, а смартфон – только сейчас.

«Как же здесь хорошо! По сравнению с тем, что было ТАМ, – как хорошо...», – думал Окрошин, боясь увидеть во сне что-то подобное снова.

Ночь вторая

Свершилось. Иван Окрошин научился делать напитков богов и людей. Конечно, это ржаной солодовый дистиллят, символ русского возрождения и спасения. Он основал небольшой заводик с названием «Иван Ржаное Зерно», на котором производятся самые вкусные алкогольные напитки в мире. Вся N-ская область покрылась филиалами окрошинского производства. Ирландцы и шотландцы стали поставлять на предприятия Ивана старые бочки, – для ржаного виски. Заколосились поля. Поднялось сельское хозяйство, тучные стада вернулись на поволжские равнины, стало много натурального молока, пальмовое масло было предано анафеме на государственном уровне. Сельчане и горожане стали активно разводить сливы, яблони, груши, виноград – окрошинские бренди с удовольствием покупали даже в Чехии, Сербии и Австрии. На Ивана с уважением смотрели производители коньяка Франции и Армении. Китайцы принесли официальное извинение за свой спирт, что когда-то поставляли в страну, но отметили, что виноваты не только они: ведь наши дельцы его с удовольствием закупали, поэтому бизнес, ничего личного. Радовало, что вообще китайских товаров стало меньше, а всё больше российских, причём хорошего качества.

По всему Поволжью открылись кафе-рестораны под брендом «О-крошка». Название появилось в память о том, что в детстве Ивана дразнили «Крошечка-Окрошечка» или «Окрошечка-Хаврошечка». Экономика воспряла, люди разбогатели. Были забыты водка из синтетического спирта, остались в туманном прошлом «перчики» и стеклоочиститель, никто не страдал алкоголизмом, никто не дурил, не резал друг друга, морды не бил, вопрос «Ты меня уважаешь?» не задавал, потому что реально уважал, не страдал похмельем, не помирал от цирроза печени, не погибал из-за пьяного вожделения. Люди ценили закуску в гармонии с напитком. Пили не для отупения и не для анестезии душевных ран. Никто не занюхивал рукавом и шевелюрой собутельника, никто ничего не пил залпом, лимон и шоколад к коньяку вызывали волну глубокого недоумения. За разбавление односолодового 25-летнего виски была введена «смертная казнь» в виде исправительных работ на виноградниках. Но никто не был наказан, так как такого кощунства за последние десять лет, с тех пор, как заработал Окрошинский завод, не видывали.

Проверяющие органы теперь не карают, а подсказывают, как лучше организовать выпуск продукции, что нужно сделать для стерильности, пожарной безопасности. Ревизоров всегда ждут, как дорогих гостей. Их встречает казачий хор с песней «Чарочка».

Государственная Дума принимает в третьем чтении закон о поощрении продаж продуктов самогонарения частными лицами. Требуется только сдать экзамен на умение делать качественные напитки в Министерстве винокурения и принести клятву, положив правую руку на аламбик, что не будешь халтурить.

Грузовой автопарк окрошинского предприятия состоит исключительно из машин «Татра». Иван порой сам любит за рулём грузовика привезти лучшие образцы продукции друзьям – Стёпе и Паше, которые заделались один пивоваром, другой пчеловодом. Вжи-и-и, поехали!.. Они любят сидеть за бутылочкой. А в бутылочке-то – не просто напиток, а эликсир молодости и счастья из окрошинской винокурни. А посему они не стареют, они почти вечные, как и все, кто приобщился к ржаным дарам. У Ивана – свой директорский кабинет, там висят портреты Антоныча, Димы Бухловара и Димы Алкофана. И секретарша тоже есть, а как же. Конечно, Юлька-Юлька, молодая и сногшибательная, как и прежде.

Слетать теперь можно в любую точку мира, запросто. Окрошин любит тратить на это свою долгую, хорошую жизнь. И везде интересуется местными напитками, перенимает опыт их приготовления, рецептуру, угощает своим продуктом. И крепнет дружба между народами, а значит, и мир во всём мире. Русские винокуры встречаются с американскими муншайнерами в Баварии, на Октоберфесте, похваляются достижениями, взаимоугощаются. Граница между Россией и Украиной появляется только иногда. И то – в виде длинного стола, уходящего за горизонт: люди с обеих сторон потчуют друг друга хлебным вином, горилкой, медовухами, салом, соленьями, маринадами, борщом, пампушками, драниками, блинчиками, галушками, пельменями, пирогами, грибами, икрой. Издалека видны дымки от самоваров. Усе смачно, всё по-гоголевски вкусно...

Удивительное дело: почти все любят свою работу. Потому что у всех она – нужная и полезная. Хорошо, что Иван стал хозяином собственного винокуренного завода. Потому что профессия «охранник» вымерла. Никто не ворует, потому что стыд-то какой!

Освоил Иван также производство пива и медовухи. Те, кто погостил в N-ской области, говорили, что побывали в сказке. Да-да, так и говорили: «Я там был, мёд-пиво пил». Ячмень и хмель поставляли из соседней Чувашии, а цветов, липы и гречихи своих хватало для пчёл, которые опылением кратно повышали урожайность.

Леса, поля и реки очистили от свалок. Из Волги снова можно было пить безбоязненно. Прямо с лодки, черпая ладонью! Великую реку вернули в историческое русло, ГЭС демонтировали, электроэнергию берут от солнца. В Волге опять водятся громады-белуги, осетры, стерлядь. Стратегическая авиация России красиво отбомбилась по фанфуриковому заводу в Калиновке, никто не пострадал. В Кратотке местные мальчишки вновь удят рыбу, да много, да крупную!

Сгинувшие от суррогатного пойла восстали из мёртвых, занялись делом, вернулись в семьи. Миша Зомби стал снова Михаилом Куприяновым, уважаемым отделочником. «Ельцин-центр» в Екатеринбурге отдан под Дворец детского творчества. А всё потому, что детей стало больше. Родилась дочка и у Ивана Окрошина, Аней назвал – не отставать же от остальной страны.

Бывшие республики СССР попросились в РФ. Обрато взяли не всех, Эстонии с Литвой дали исправительно-испытательный срок. Финляндия и Аляска пока своё будущее не определили, но на днях ожидаем решения. А ещё Иван видел, как по телевизору показали старты российских пилотируемых кораблей на Луну и Марс. Давно не показывали (и никогда уже не покажут!) «Дом-2», «Битву экстрасенсов», «Смехопанораму» и «Пусть говорят». И уже никогда не покажут рекламу прокладок. Разве что в острастку, в назидание потомкам, в Музее уныния.

В городе N у центрального сквера установлен памятник на месте захоронения фанфурика «Боярышник». Стоит эдакая бутылочка на постаменте, как «Бехеровка» в Карловых Варах. Рядом – огромный информационный стенд, на котором перечислены фамилии пострадавших и погубленных. Туда водят детишек, тоже в назидание.

«Как хорошо, что ты тогда купил самогонный аппарат! – часто говорила благодарная жена Таня. – Какой ты у меня молодец, Окрошин!»...

– Окрошин, подъём!

Так прошла вторая ночь. Его выпустили, предупредив, что последствия могут быть серьёзнее, если впредь повторится подобное. Окрошин пообещал. Подписал бумаги, поблагодарил полицейских

за службу и направился на свободу. Его провели по коридорам к двери, над которой горела зелёным цветом табличка «Выход».

– Мой выход, – сказал Иван и оказался среди солнца, молодой зелени и благодатного тепла. Его ждал родной поволжский город N. Его ждал весь мир.

На посошок

(Венок сонетов)

I. Привечальная

Друзья мои, не пейте бессловесно!
Оволшебством наполненность стекла.
Нектару каждому – свой повод, время, место.
И чтоб под каждый – речь своя текла.

Пусть Александр притчу забубенит,
латынью Павел что-нибудь загнёт,
Илюха вспомнит старый анекдот,
и зачитает свой рассказ Евгений.

Володя спросит: «А вискарик можно?»,
и трубку мира Петр друзьям предложит.
Серёга скажет: «Это вот – табак!».

Мы всё же мужики, а не пожитки.
Все люди разные, похожи на напитки.
Не пейте абы что и абы как!

II. Застольная

Не пейте абы что и абы как.
Уж лучше с чувством, с толком, с расстановкой.
Не только русский дринкнуть не дурак.
У всех своя традиция-сноровка.

Ирландец и шотландец спорят там:
как правильно, мол, whisky или whiskey?
Пьёт англичанин молча, по-английски,
наверно, в пабе стаут по утрам.

Француз – кальвадос или кальвадос.
Наш человек – на водочке возрос.
Идёт борьба на нервах. С кем? Со стрессом.

И зачастую некому сказать
в Отчизне нашей: «Всё, хорош бухать!»
Вы насладитесь вдумчиво процессом.

III. *Подъёмная*

Вы насладитесь вдумчиво процессом,
когда кипит и каплет – обалдеть.
Напитков множество – их делать интересно.
Есть, где нагуглиться и разгуляться где.

Эй, винокуры, братья-пивовары!
Сомкнём ряды и разомкнём уста!
Нас органам надзорным не достать,
хоть мы на Родине своей, не на Канарах.

Немало мы голов-хвостов срубили,
настойчивы в настойках, терпеливы.
Затейники фруктовых, хлебных браг.

На вкус, и цвет, и запах – нет единства.
Органолепие, неспешность, ясность мысли.
Забудем про водяру и шмурдяк.

IV. *На ход ноги*

Забудем про водяру и шмурдяк.
Одеколон, Royal в кустах – вот гадость.
Отраву, и похмелье, и сушняк.
Как всё дотла, до нитки пропивалось.

Всё было: очередь за водкой по талонам,
про антиалкоголье телевздор,
когда лоза ложилась под топор,
как в нос ударил запах самогонный.

Стакан гранёный, храбрости сто грамм.
Театры бытовых трагедий, драм.
Оставим в прошлом жуткий век двадцатый,

и фразу: «Хорошо заходит, курва!»,
обида виноделов, винокуров.
Не зря назрели слёзы дистиллята.

V. Запорожская

Не зря назрели слёзы дистиллята.
Но нам ли здесь судьбину упрекать?
Нас тьмы и тьмы, мы опытом богаты,
нам есть, чего по теме рассказать.

Любители, эксперты, алкофаны,
интеллигенты, работяги тож.
Профессий и конфессий не сочтёшь.
Свое бухлишко варим неустанно.

Но, правда, алкоголем не единым.
Закуска тоже добрая ценима.
Кто мяско, кто-то рыбку закопит...

Огурчики, капуста да грибочки,
да рулька, да борщец, да всё, что хочешь!
Давно нагулян зверский аппетит.

VI. Придворная

Давно нагулян зверский аппетит.
Но здесь важна гармония, ребята.
Зачем нам тут межвкусовой конфликт
с печальным тошнотворным результатом?

Не уживутся лев и лань, удав и кролик,
шампанское с конфетой, пёс с котом.
С лимоном коньячок, вискарь со льдом,
тем более с какой-то жуткой колой.

Вино и пиво – это будет фьюжн.
Но этот фьюжн нафиг нам не нужен.
Ряд газировок явно ядовит.

Противна также водка с манной кашей.
Но стол у нас другой, и нам не страшно.
Закуска заждалась, бокал налит.

VII. *Разгонная*

Закуска заждалась, бокал налит.
Но как же нам без повода и тоста?
За то, что было, и за то, вдали.
Без тоста это будет пьянка просто.

Чтоб люди добрые в пути встречались чаще.
За звёзд бесщётность, за дремучий лес,
за множество желанных новых мест,
чтоб не играть с огнём и в долгий ящик.

И если вас пошлют, то пусть – на херес,
чтоб ваши деньги собрались на нерест.
Чтоб средь начальства – только адекватны.

За шлейф открытый – и не только пробок.
Плюс – за любовь, и без кавычек, скобок.
Да будем мы здоровы и богаты!

VIII. *На посошок*

Да будем мы здоровы и богаты!
За эти вещи можно и компот.
А что же пил народ до дистиллятов?
Конечно, пиво, квасы, сбитни, мёд.

Летели пчёлы на цветы и травы,
в округе собирали благодать.
Придумал мёд сбродить и настоять
трудолюбивый пращур достолавный.

И пили мёд и в торжества, и в тризну,
лечили настроенье, организмы.
Ну а сейчас чуть что – бежим к врачу.

Роятся пчёлы, словно предков духи.
Качнём медок, поставим медовухи.
Любое дело будет по плечу.

IX. Стременная

Любое дело будет по плечу.
Пусть даже сразу что-то не срастётся,
лей чашу полную, что значит «не хочу»?
Она к тебе не раз ещё вернётся.

Сажай свои сады, води машину,
осваивай ремёсла, языки.
Летай по свету, избегай тоски,
ныряй в глубины, беспокой вершины.

Красотку соблазни, воспой её.
И сам измерь груди её объём.
Своими сделай воду, землю, небо.

И, обернувшись, выбившись из сил,
ты скажешь: да, я был, мёд-пиво пил.
Свершится розлив трепетно-хвалебно...

X. Седельная

Свершится розлив трепетно-хвалебно...
Прекрасен виски – как его постичь?
В нём – нотки дуба, торфа, трав и хлеба,
в нём – зрелость, в нём – изысканность и стиль.

И снится мне уютный остров Айла,
подвалы с бочками и медные кубы,
солончатый ветер, вкус воды,
преображаемой в непознанную тайну.

И там волынка исполняет соло.
Пересыпаясь, золотится солод.
Рождается купаж из разных чувств.

Во сне сей чудо-остров виден чётко.
И мы подружим дистиллят с бочонком.
Оставим долю ангелам: чуть-чуть.

XI. Приворотная

Оставим долю ангелам: чуть-чуть.
Бывает, что сидишь ты на балконе,
и всё не получается уснуть.
С тобою кто-то пьёт потусторонний.

Он говорит, а ты его не слышишь,
в ушах – беруши из дневных проблем.
Луна сияет, а ты глух и нем.
И в никуда востришь тупые лыжи.

Твоя работа – цирковой манежик.
Среди одежд, промеж невежд, надежды.
И все круги покамест не прошёл.

Ах, если бы безволия лишиться,
от чепухи и чуши отрешиться!
Добра вам, пусть всё будет хорошо.

XII. Заворотная

Добра вам, пусть всё будет хорошо.
Без злоупотребленья обойдёмся.
Вновь солнце засияло, дождь прошёл
и освежил ячменные колосья.

Комбайн величав, идёт красиво...
Зерно набухло – жизни концентрат.
И проросло – и нет ему преград
для превращенья в хлеб, а после – в пиво.

И в сладком сусле дрожжи зашуршат,
и вместе с хмелем дело завершат.
Ведь пиво – жидкий хлеб, ведь так, всё верно?

Какой же стол без хлеба и вина?
А добрый винокур – да без зерна?
Уж если истина в вине – то, может, в хлебном?

XIII. *На ход коня*

Уж если истина в вине – то, может, в хлебном?
Вернулся же в Россию полугар.
Рожь и пшеничка волнами под небом.
Вот это – русский путь и русский дар.

За океаном появилась водка.
Так в интернетах пишут – ой, беда!
Ингредиенты: воздух и вода.
Ну, это, братцы – ни в одни ворота.

Не нам критиковать американцев...
Ваш друг и винокурец Миша Сланцев
уже наплёл вам повесть и стишок.

Давайте просто чокнемся в финале.
Чтоб гнали мы! И чтобы нас не гнали!
Венок сонетов вам на посошок!

XIV. *Забугорная*

Венок сонетов вам на посошок!
Не пили в этом жанре, скажет автор.
Подарков новогодних вам мешок.
И важно: ясной головы на завтра.

Добра вам в ленту! Бонусов на карту!
Коньячных рек, вискарных берегов!
И никаких вам головохвостов,
а только сердце! Послевкусий ярких!

Найдём ли вечной жизни эликсир?
Мы соберёмся, как князья, на пир.
И будет яствам, чашам, чаркам тесно.

Так много надо сотворить успеть.
Сказать, придумать, написать и спеть.
Друзья мои, не пейте бессловесно!

Магистральная

Друзья мои, не пейте бессловесно!
Не пейте абы что и абы как!
Вы насладитесь вдумчиво процессом.
Забудем про водяру и шмурдяк.

Не зря назрели слёзы дистиллята,
давно нагулян зверский аппетит.
Закуска заждалась, бокал налит.
Да будем мы здоровы и богаты!

Любое дело будет по плечу.
Свершится розлив трепетно-хвалебно...
Оставим долю ангелам: чуть-чуть.

Добра вам, пусть всё будет хорошо.
Уж если истина в вине – то, может, в хлебном?
Венок сонетов вам на посошок!

Некоторые из произведений этого сборника можно «почитать» в аудиоварианте – в исполнении Павла Половова.

Слушайте, к примеру, по этим ссылкам:

– <https://akniga.org/author/Сланцев%20Миша/>

– <https://knigavuhe.org/author/misha-slancev/>

Содержание

«Вещицы» от Сланцева. Вместо предисловия	3
Дорожная карта kota Батона	7
Топот копов	38
Ворчуны.	40
Осенний выдержан регламент	55
До воспребования	56
Колобок	89
Округ	90
Ковёрный клещ	106
Холуин	107
Грош цена	117
СНТ «Яблонька»	126
Дядя Коля	164
Чики-пуки	166
Тёплые вещи	181
Рожь во спасение	183
На посошок	258

Литературно-художественное издание

Миша Сланцев
(*Андрей Юрьевич Цухлов*)

Рожь во спасение
Повесть. Рассказы

ISBN 978-5-9690-0702-4

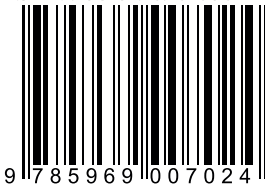
Издательство АН РТ «Фэн» (Казань), 2020

Верстка – Е.В. Нувитов

Корректор – О.Ю. Стемасова

При оформлении обложки использовались фотографии автора

ISBN 978-5-9690-0702-4

Подписано в печать 28.07.2020. Формат 60 x 84¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23,9.
Тираж 200 экз. Заказ 28.07/20-1.

Издательство «Фэн» Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

Андрей Юрьевич Цухлов

(псевдоним для прозаических произведений – *Миша Сланцев*)

Родился в городе Сланцы Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета в 1997 году. Преподавал русский язык и литературу в Ульяновском педагогическом колледже №4.

Работал корреспондентом в газете «Ульяновск сегодня», в пресс-службе Законодательного Собрания Ульяновской области. Публиковался в литературных журналах и альманахах «Северный царь», «Карамзинский сад», «Мономах», «Симбирск», сборнике «Зеленая лампа 2.0». Автор поэтических сборников «Четверговый дождь» (2000), «После четвергового дождя» (2006) и «Сверчок и поезд» (2011). Член Союза писателей России.